

А. Ф. Агарев

**РОДИНЫ СОЛДАТ
Маршал С. С. Бирюзов
на службе Отечеству**

**Рязань
2018**

ББК 929

ISBN 978-5-905051-20-3

Агарев А.Ф.

РОДИНЫ СОЛДАТ Маршал С.С. Бирюзов на службе Отечеству –Рязань;
ООО «Полиграфия», 2018. - 208 с.

В настоящее время стали доступны ранее не опубликованные материалы о Великой Отечественной войне, хранящиеся в архивах Министерства Обороны РФ, Президента РФ, Российского государственного архива новейшей истории и Российского государственного архива социально-политической истории. Появились новые публикации воспоминаний ветеранов войны, бывших сослуживцев маршала С. С. Бирюзова. Опубликованы в средствах массовой информации личные письма маршала.

Использование этих материалов позволило существенно дополнить портрет одного из полководцев Великой Отечественной войны ранее неизвестными штрихами.

Следует также отметить, что в книге освещена до сих пор недостаточно изученная (по причине «секретности» материалов) деятельность нашего земляка на постах заместителя министра обороны, главнокомандующего войсками Противовоздушной обороны страны, затем – главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения и с марта 1963 года – начальника Генерального штаба, первого заместителя министра обороны СССР.

Книга даст читателю уникальную возможность наиболее полно проследить жизненный путь маршала С. С. Бирюзова – видного советского военачальника, и оценить его роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне и личный вклад в укрепление обороноспособности страны в послевоенный период.

ISBN 978-5-905051-20-3



9 785905 051203

© Агарев А.Ф., 2018

© ООО «Полиграфия», 2018

ОТ АВТОРА

Великая Отечественная война 1941-1945 годов стала временем тяжелейших испытаний для нашей Родины. Судьбы народов всего мира решались на советской земле. Героизм рядовых, самоотверженность тружеников тыла и военный талант полководцев позволили разгромить фашистские орды и освободить мир от «коричневой чумы».

Следует отметить, люди, прошедшие войну, часто вспоминают тост, который произнес Сталин в мае 1945 года: «За здоровье русского народа»:

«У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941-1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии...»

Бесспорно, эти слова содержат и прямое признание ряда ошибок и справедливую оценку наиболее кризисных моментов 1941-1942 годов. Эти слова содержат и самокритику, поскольку, употребляя слово «правительство», Сталин привык подразумевать под этим себя.

Ясно, что И. В. Сталин своим тостом отнюдь не призывал других людей, в том числе историков, к правдивым и критическим оценкам хода войны. Наоборот, сам, как высший судья, оценив этот этап истории, в том числе и свои отношения с русским народом, так, как он их понимал, он как бы ставил точку на самой возможности существования каких бы то ни было критических оценок в дальнейшем.

Следовательно, как отметил К. М. Симонов: «Слова этого тоста как будто призывали людей говорить о прошлом суровую правду, а на деле за этими словами стояло твердое намерение раз и навсегда подвести черту под прошлым, не допуская его малейшего анализа. И нетрудно себе представить, какая судьба ждала бы при жизни Сталина человека, который, вооружившись

цитатами из этого знаменитого тоста, попробовал бы на конкретном историческом материале развивать слова Сталина о том, что у правительства было немало ошибок, или как свидетель или участник войны проиллюстрировал бы эти слова личными воспоминаниями».¹ Константин Симонов, сам прошедший войну от первого до последнего дня в качестве журналиста, произнес эти слова через 20 лет после окончания войны, в 1965 году, когда на очередном пленуме Союза писателей обсуждалась проблема отражения Великой Отечественной войны в литературе. А проблема была, и, пожалуй, никто кроме К. Симонова не мог высказаться о ней столь определенно, честно, компетентно. Мы не случайно обратились сейчас к воспоминаниям о знаменитом советском писателе. Судьба странным образом неоднократно сводила вместе Константина Симонова и Сергея Бирюзова, их жизни пересекались. Даже Рязань стала местом, где они находились одновременно – молодой красный командир и мальчик из семьи военного. Мы еще расскажем об этом.

А пока вернемся к размышлениям писателя Симонова об уроках истории. Отношением Сталина к оценкам хода войны можно частично объяснить тот факт, что в первое послевоенное десятилетие серьезные исторические исследования о прошедшей войне в СССР не проводились. Как хорошо известно, основные труды того времени – это преимущественно учебные тексты, очерки, брошюры и небольшие статьи. Разумеется, формального запрета на издание мемуаров в стране не существовало, но все знали, что Сталину это не нравилось. Поэтому до середины 1950-х годов воспоминаний ветеранов было опубликовано очень мало, а мемуары высших командиров и руководителей стали появляться только в 1960-е годы. Маршал А. И. Еременко и генерал В. И. Чуйков первыми из командиров высшего звена издали свои мемуары.² В этот период выходит в свет книга маршала С. С. Бирюзова «Когда гремели пушки».³

При этом необходимо подчеркнуть, что, обращаясь к читателям, С. С. Бирюзов пишет: «Мне выпало на долю быть очевидцем и непосредственным участником многих событий на различных фронтах. И вот я решил взяться за перо, чтобы поведать о виденном и пережитом новому поколению советских людей (военных и невоенных), рассказать им о том, как сражались с гит-

леровскими полчищами бойцы и командиры Советской Армии. В этом я вижу свою обязанность перед лицом моих товарищей по оружию».

Интересно, что через год выходит его новая книга «Советский солдат на Балканах». ⁴

При этом обращает на себя внимание тот факт, что после выхода в свет первой книги посыпались письма. С. С. Бирюзову писали старые знакомые, сослуживцы и просили сообщить о дальнейшей судьбе героев. Ведь книга «Когда гремели пушки» завершалась освобождением Крыма, а до окончания войны ему вместе с войсками пришлось проделать огромный путь, участвовать в освобождении Румынии, Болгарии, Югославии. Рассказать обо всем этом и требовали читатели. Думается, это было таким хорошим творческим стимулом для автора. В 1966 году выпущена в свет новая книга С. С. Бирюзова «Суровые годы». В ее основу положены ранее написанные автором воспоминания «Когда гремели пушки» и «Советский солдат на Балканах».

В своих памятных заметках 1965 года К. Симонов писал: «Оценивая нашу сегодняшнюю мемуарную литературу о войне, надо иметь в виду, что у нее были насильственно задержанные роды и она потеряла почти целое, самое драгоценное – если иметь в виду остроту памяти – десятилетие. И если, несмотря ни на что, она все же входит сейчас в пору своего расцвета, надо высоко ценить энтузиазм людей, решивших на примере собственной жизни и военной деятельности рассказать всю героическую и трагическую правду о том труднейшем в истории подвиге партии, армии и народа, который мы с законной гордостью зовем Великой Отечественной войной».

В мемуарной книге С. Бирюзова нашли отражение как раз такие новые подходы к написанию военных мемуаров – героическая и трагическая правда. К достоинствам работы можно отнести исключительную полноту описания сражений, в которых довелось участвовать генералу С. С. Бирюзову. Эта книга тем и ценна, что в ней имеются новые оценки некоторых событий войны.

Автор приходит к такому выводу: «Сейчас, спустя двадцать лет, когда мы располагаем достоверными документами о сложившемся тогда соотношении сил на направлениях основных

ударов противника, нетрудно понять, почему наша армия вынуждена была отходить. Но летом 1941 года это вызывало недоумение».

С. С. Бирюзов утверждает, что «гораздо большую долю вины за непринятие решительных мер по повышению боевой готовности войск в приграничных округах нужно отнести на счет Генерального штаба. Новый начальник Генштаба Г.К. Жуков, пришедший незадолго до войны на смену Б. М. Шапошникову, зная отрицательное отношение И. В. Сталина к предложениям своего предшественника (он предлагал основные силы в западных пограничных округах держать в рамках старой государственной границы за линией мощных укрепленных районов), видимо, не настаивал на их осуществлении».⁵

С. Бирюзов приходит к выводу о том, что основными причинами, приведшими к столь тяжелым последствиям, являются:

- наше чрезмерное доверие к заключенному с Германией договору о ненападении;

- меры, принятые Наркоматом обороны по повышению боевой готовности войск в приграничных округах, оказались запоздалыми и явно недостаточными;

- у нас в должной мере не изучались разбойничьи приемы вторжения фашистской Германии в другие европейские страны, а самое главное - по ним не делалось серьезных практических выводов.⁶

Интересную и смелую оценку первых дней войны дает маршал Г. К. Жуков, судьба которого, кстати, тоже связана с рязанской землей. В селе Старожилово в феврале 1920 г. были организованы кавалерийские курсы Красной Армии. В числе курсантов военную выучку на курсах проходил будущий полководец Г. К. Жуков.

Через несколько десятилетий он так характеризовал неудачи первых дней войны: «У Генерального штаба не было законченных и утвержденных Правительством оперативного и мобилизационного планов», - и далее: «Наши войска, не будучи развернутыми в правильных оперативных построениях, фактически дрались отдельными соединениями, отдельными группировками, проявляя при этом исключительное упорство, нанося тяжелые поражения противнику. Не получая своевре-

менных приказов от высшего командования, они вынуждены были действовать изолированно, часто оказывались в тяжелом положении, а иногда и в окружении».

«Все это привело наши войска к тяжелым жертвам и неудачам в первый период войны и оставлению врагу громаднейшей территории нашей страны». ⁷

Приводя аргументацию маршалов, необходимо отметить их общий взгляд на главные недостатки всей военно-политической работы. Они с достаточной точностью сделали вывод о том, что «слишком сильно проявлялся во всех областях нашей жизни, в том числе и в области военной, дух культа личности, который сковывал инициативу людей, подавлял у них волю, порождал безответственность у одних и бездеятельность у других».

В настоящее время стали доступны ранее не опубликованные материалы о Великой Отечественной войне, хранящиеся в архивах МО РФ, Президента РФ, РГ АНИ и РГ АСПИ. Появились новые публикации воспоминаний ветеранов войны, бывших сослуживцев маршала С. С. Бирюзова. Опубликовано в средствах массовой информации личные письма маршала.

Воспользовавшись этими новыми источниками о жизни и деятельности нашего земляка маршала С. С. Бирюзова, я решил их изучить и проанализировать, с надеждой на то, что, в конечном счете, это позволит существенно дополнить портрет одного из полководцев Великой Отечественной войны ранее неизвестными штрихами.

Следует также отметить, что до сих пор недостаточно изученной (по причине «секретности» материалов) остается деятельность нашего земляка на постах заместителя министра обороны, главнокомандующего войсками Противовоздушной обороны страны, затем – главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения и с марта 1963 года – начальника Генерального штаба, первого заместителя министра обороны СССР. Особенность послевоенного периода заключается в том, что именно в это время началась «холодная война» и достигла своего апогея в первой половине 1960-х годов. Разумеется, этот фактор стал решающим, и, что самое главное, как мне представляется, определяющим всю служебную деятельность С. С. Бирюзова.

Для достижения поставленной автором этого исследования цели особый интерес представляет биография С. С. Бирюзова, которую он написал и выслал 9 июня 1964 года в Государственный архив Рязанской области. Ее я решил впервые использовать в качестве основы для всей книги. Хочется отметить также и то обстоятельство, что даже в современных публикациях встречаются достаточно серьезные неточности биографии С. С. Бирюзова.

На основании сказанного выше логично предположить, что эта книга даст читателю уникальную возможность наиболее полно проследить жизненный путь маршала С. С. Бирюзова – видного советского военачальника, и оценить его роль в достижении Победы в Великой Отечественной войне и личный вклад в укрепление обороноспособности страны в послевоенный период.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

*«Родился 21 августа 1904 года в городе Скопине Рязанской губернии. Детство выдалось трудным: в семилетнем возрасте остался круглым сиротой».*⁸

Две лаконичных строчки о детстве. Возникает вопрос: почему так мало написал? Очень жаль, что мы не можем спросить об этом самого С. С. Бирюзова. Вне всякого сомнения, ему было что рассказать, но, видимо, слишком тяжелы были те детские воспоминания. Я посчитал своим долгом разобраться, насколько это возможно, в бытовых условиях и жизненных обстоятельствах, в которых проходило детство Сергея Бирюзова.

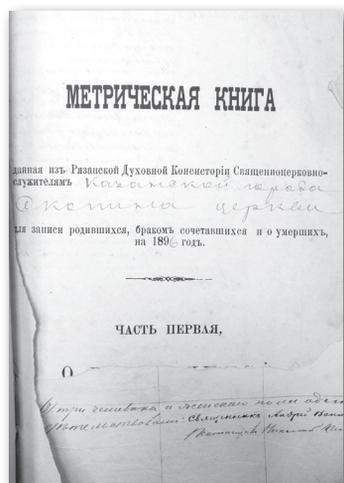
Изучение метрической книги Казанской церкви города Скопина для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших (хранится в Государственном архиве Рязанской области) первоначально несколько меня озадачило. Найти запись о рождении и крещении Сергея Бирюзова в соответствии с датой, указанной в его автобиографии (21 августа 1904 г.) не удалось. Выручила профессиональная интуиция, которая подсказывала, что могут быть самые разные обстоятельства, по которым не ока-



Скопин. Общий вид с северо-запада. Фото начала 20-го века

залось записи, обозначенной указанной в биографии датой. Тем более, что этой метрической книге более 100 лет и некоторые ее страницы изрядно потрепаны.⁹

К моей великой радости, запись все-таки удалось обнаружить. Однако она до сих не дает мне покоя. Чтобы читатель полностью представлял себе, о чем идет речь, сошлюсь на подлинник метрической книги (см. фото). В книге обозначены следующие разделы: месяц, день рождения и крещения; год рождения; звания, имя, отчество и фамилии родителей, их вероисповедание. Итак, читаем: Сергей родился 5 августа (крестился 8 августа) 1905 года. Но в автобиографии он указывает 1904 год? Почему? В дальнейшем я выскажу свою точку зрения на это обстоятельство, а пока вернемся вновь к записи в книге. Из нее мы узнаем о его родителях.



Отец Бирюзова: запасный рядовой из Скопинских мещан Семен Федорович Бирюзов.

Мать Бирюзова: Елизавета Ивановна (ее отец мещанин Иван Егорович Чиликин из Ряжска.) Оба православного вероисповедания.

Есть еще одно немаловажное, на мой взгляд, обстоятельство, которое заставляет меня более подробно остановиться на обстоятельствах семейной жизни родителей С. Бирюзова. Так, корреспондент радиостанции «Эхо Москвы» М. Пешкова взяла интервью у Ольги Сергеевны Бирюзовой об отце, маршале С. С. Бирюзове. В нем говорится, что он «родился от третьего брака» («Непрошедшее время» на радиостанции «Эхо Москвы»). Сейчас, к сожалению, этим мало кого удивит. В те времена все было иначе. В нашем случае касательно семьи Бирюзовых, мягко говоря, допущен ляпсус, и его необходимо исправить. В этом нам вновь поможет проверенный источник – метрическая книга.

Их брак зарегистрирован 5 ноября 1893 года. У отца это был второй брак, у матери – первый. Сергей был третьим (младшим) ребенком в этом браке.

Первая жена С. Ф. Бирюзова Прасковья Ивановна умерла 17 сентября 1892 г. От этого брака у них родилось шесть детей. Таким образом в семье Бирюзовых было девять детей.

Сергей Семёнович Бирюзов родился 21 августа 1904 года (буду придерживаться даты, указанной самим С. С. Бирюзовым) в городе Скопине Рязанской губернии. Когда будущему маршалу исполнилось два года, умерла его мать. А спустя пять лет ушел из жизни и отец. С семи лет Бирюзов рос, по сути, сиротой. Сергей воспитывался бабушкой и старшим братом Семеном в селе Топилы (теперь Милославский район Рязанской области). После смерти бабушки он снова переехал в Скопин, к сестре Клавдии. Сергей Бирюзов окончил церковно-приходское училище в 1917 году. Семья больше не могла помогать Сергею. Нужно было пробиваться во взрослую жизнь самому.



Рязанская улица. Скопин. Начало 20 века Дом семьи Бирюзовых Скопин 1984 г.

Зарабатывать на хлеб самостоятельно он начал очень рано. Брался за любую работу, но военным Бирюзов хотел быть всегда (годы детства пришлось на Первую мировую войну, в Скопине размещался 81-й запасный полк) и никогда не сомневался, что непременно им станет.

Город Скопин и Скопинский уезд был одним из самых развитых в экономическом и культурном смысле уездов центра России. В Скопине действовало 11 учебных заведений, главным из которых было реальное училище.¹⁰

Следует отметить, что в Скопинском уезде было 25 церковно-приходских училищ и 22 школы грамоты. Если из общего количества сельского населения выделить лиц школьного возраста (от 8 до 13 лет), то в Рязанской губернии в среднем учился 1 ребенок из 7. В разных уездах статистика различалась: так, в Спасском уезде школу посещал один из трех детей, в Данковском – один из четырех, в Сапожковском – один из пяти, в Михайловском и Рязском уездах – один из 10, а в Скопинском – один из 11 ребятшек. В начале XX века 80 процентов скопинского населения было грамотным, это больше, чем в среднем по России. Однако далеко не каждый мог учиться. Сергею Бирюзову повезло.

Что следует сказать по поводу программы обучения? Для приходских училищ действовали следующие положения: «Во всех приходских училищах в городах и селениях обучались: закону божию по краткому катехизису и священной истории, чтению по книгам церковной и гражданской печати и чтению рукописей, чистописанию, четырем действиям арифметики. В посадах и селениях, где много ремесленников или иного рода промышленников, мог учреждаться в приходских училищах второй класс, для преподавания некоторых предметов, назначаемых для низшего класса училищ уездных...»

Из одного этого перечисления видно, сколь серьезно относилось уездное общество к программам обучения. Сложнее выяснить то, как сам Сергей учился, так как в архиве не удалось найти документа о его успеваемости. Помогла ли ему в жизни церковно-приходская школа? Да, безусловно. В этом нам еще предстоит убедиться. Школу он окончил в 1917 году.

Между тем условия повседневной жизни становились все более сложными. В начале 1917 года более 200 горняков на Побединских шахтах начинают забастовку. Для их подавления у власти нет сил – солдаты отказываются стрелять в бастующих. В феврале солдаты 81-го запасного полка и примкнувшие к ним рабочие организуют выступление против местной власти – администрацию свергли, полицию и офицеров разоружили. В марте в Скопине и на Побединском руднике образованы Советы, создан Совет солдатских депутатов в 81-м полку. Для ликвидации волнений в Скопинском уезде министр внутренних дел просит войска у командующего московским гарнизоном. Но из Москвы

в Скопин войска не были посланы. 22 сентября 1917 года солдаты 81-го пехотного полка на своем собрании вынесли решение о немедленной передаче власти в руки Советов. В обиходе появилось выражение «Скопинская республика».

Водоворот происходящих событий вовлек в себя все население города, в том числе и молодежь. Активно интересовался всем происходящим и Сергей Бирюзов. В начале декабря 1917 года в Скопине состоялся съезд Советов. На съезде был избран Совет Советов, который стал руководить всей жизнью города и уезда.

Совет Советов, уездный и городской исполнительные комитеты Совета рабочих депутатов пытались наладить жизнь в городе и уезде после того, как к власти пришли большевики. Население привыкало к новым учреждениям: работала биржа труда, действовала коллегия социального обеспечения, в которой организовывался отдел помощи жертвам контрреволюции. Начал работу отдел записей браков, рождений и смерти. Скопинская ремесленная школа с двумя отделениями – слесарно-кузнечным и столярно-колесно-модельным, в своей канцелярии на Троицкой улице, возле колокольного завода, принимала заявления о приеме на обучение.

В целом жизнь в городе Скопине протекала вовсе не безмятежно, тревога и озабоченность проявлялись в настроениях и поведении жителей города. Обыватели спешили по своим делам: кто на лошаденке обменять товар на еще дешевый хлеб – в уезд, кто – на железнодорожную станцию с мешками в Москву, тоже для обмена. Наплыв мешочников позже заставит власти поставить на станциях заградительные отряды – по их мнению, такой натуральный товарообмен являлся спекуляцией. Настроение крестьянства в городе и уезде одинаково скверное. Вопрос о том, как на практике поступить с землей, вплоть до периода весеннего сева 1918 года властью решен не был.

В начале 1918 года тысячные крестьянские толпы приходили к уездному и городскому советскому начальству за продуктами и хлебом и «пытались учинить насилие».

События тех непростых лет негативно сказались на экономической жизни города. Сократилось местное производство, угасли промыслы, закрылось несколько мастерских, вышли из строя шахты, пришло в упадок сельское хозяйство. Начинался голод.

Обстоятельства складывались так, что Сергей Бирюзов вынужден был искать любую работу.

ТРУДОВАЯ ЖИЗНЬ

«С четырнадцати лет начал самостоятельную трудовую жизнь. Вначале был разнорабочим-сезонником в городском коммунальном хозяйстве».¹¹

Что бы оценить условия работы С. Бирюзова в 1918 году, похарактеризуем хотя бы в общих чертах состояние коммунального хозяйства в уездном городе Скопине. Следует отметить, что уездный город Скопин до революции был отнюдь не бедными и вполне благоустроенным. Кроме угледобычи и сети гончарных мастерских, появилось несколько довольно крупных предприятий. Это табачная фабрика, две типографии, четыре мыловаренных завода. Быстро росло число мелких мастерских, занимавшихся разными промыслами – от выделки шкур до грабления алмазов. К концу XIX века в Скопине при населении в 13 тысяч человек работают 4 кожевенных, 4 мыловаренных, 6 маслобойных, крахмальный, колокольный, 2 свечносальных, свечновосковской, чугунолитейный, гончарный, 2 костеугольных завода, 6 крупорушек, 114 торговых заведений.

В 1870 году Скопин становится железнодорожным городом на Рязско-Вяземской железной дороге. Была налажена добыча угля шахт Подмосковского угольного бассейна, которая привлекла иностранных специалистов и европейский капитал. Франко-Бельгийское акционерное общество под руководством Макса Ганкара владело шахтами вплоть до 1918 года, когда был издан Декрет Ленина об их национализации.

В городе успешно функционируют духовное и приходское училища, женская гимназия, земская больница, два монастыря, более десяти церквей. В 1895 году открыт первый музей города – музей русского оружия.

После того, как в декабре 1917 года в Скопине полностью установилась советская власть, сделан серьезный шаг в повышении уровня общеобразовательного и культурного уровня насе-

ления. Открыта школа горных десятников с бесплатным обучением. На Побединском руднике построена первая в уезде электростанция мощностью 2250 киловатт.

Открыты музей местного края, театр «Труд», новые библиотеки, выходит новая газета «Власть труда». Образовалось общество изучения родного края.

Вместе с тем ситуация в городе остается тревожной. В 1918 году в городе формируется полк имени III Интернационала. В полку 762 человека, вооружением и обмундированием обеспечены, но необходимы 2000 пар обуви. В сентябре 1918 года Скопинская ЧК раскрывает заговор в Скопинском полковом обществе, в штабе Скопинского полка обнаружены контрреволюционные личности, контрреволюционеры арестованы, обвинительные материалы переданы в ВЧК. В самом Скопине 11 человек расстреляны. Но полк имени III интернационала все-таки отправлен на Северный фронт.

По мере перехода власти в руки Советов, национализации частного бизнеса, зданий и сооружений в городе создаются коммунальные службы. Необходимость их в городском и уездном хозяйстве очевидна.

Коммунальные службы должны были следить за исправностью водопроводов, канализации, уборкой территорий населенных мест и санитарной очистки домовладений, прачечных, бань. К коммунальному хозяйству относились дороги и тротуары, мосты и путепроводы, сооружения и сети ливневой (водосточной) канализации, уличное освещение и другие жизненно важные объекты. В сферу деятельности коммунального хозяйства входили также и эксплуатация жилищного фонда, в частности, шахтерских общежитий.

Как выглядели жилые помещения? Бараки были «заполнены до невозможности, часто в одной квартире помещаются две семьи, все они лишены самых примитивных удобств, полное отсутствие вентиляции, отсутствие печей, а имеющихся – дающих тепло только при топке и тотчас же остывающих после нее... Чугунные полосы шириною в 1 аршин, неплотно пригнанные друг к другу, дают возможность проникать в помещение копоти и угольной пыли. Во многих помещениях полы настланы прямо на земле, без подстила. Всюду жалуются на холод, во многих по-

мещениях зимние рамы отсутствуют, разбитые окна...» Таковы подробности жизни скопинских шахтеров.

Но из всех помещений поражали казармы для пришлых рабочих около шахты №13 и №14. Окна, забитые досками... внутри темно, грязно, пол земляной, по бокам вплотную стоят грязные нары, на которых, не раздеваясь, друг около друга спят целую неделю приходящие из деревень шахтеры...

Подобное удручающее положение складывалось на всех без исключения направлениях деятельности коммунального хозяйства. Следовательно, рабочие этого хозяйства не получали денег.

Неудивительно, что Сергей Бирюзов принимает решение уехать из родного Скопина на заготовку дров в дальние края – на суровый Урал. Почему за дровами на Урал? Да потому, что безлесный Скопинский уезд особенно остро страдал от недостатка леса. Извели его сначала, раздав помещикам земли Рязско-Рановской засечной черты, ввиду потери ее актуальности в защите рубежей России, затем вырубали все возможное из крестьянских дач при строительстве конных заводов, когда подъячие выискивали каждую жердь для строительства скопинских конюшен. Активно использовался лес при строительстве железных дорог, а через Скопинский уезд, как известно, проходит сразу две железные дороги – Сызрано-Вяземская и Рязано-Уральская. Последние крупные лесные массивы вырублены на территории Скопинского уезда в конце XIX века.

В первые годы революции лес остро требовался не только для отопления и ремонта жилья, но и для скопинских шахт и железнодорожного транспорта. Так что не случайно юный Сергей Бирюзов (ему нет еще и 14 лет) отправляется на лесозаготовки.

Как стало известно потом, путь на Урал был для него нелегким – пришлось валяться в тифозном бреде на промерзшей безвестной станции.¹²

УРАЛ

«Через год трудился в железнодорожном комитете по заготовке дров /основной район работы был близ станции Ощепково Свердловской области/

*В 1920 году вступил в ряды Ленинского комсомола, который стал для меня второй семьей, прекрасной школой общественной деятельности. Летом 1921 года комитет расформировали, и я в поисках работы отправился с группой товарищей на Северный Кавказ».*¹³

Начало советского периода совпало с годами тяжелейшего топливного кризиса, охватившего всю страну. В борьбе с ним в 1919 году 7-й Всероссийский съезд Советов обязал местные Советы:

– привлечь к заготовке и вывозке дров все трудоспособное население;

– проводить трудовую повинность в городах и деревнях как для вырубki, так и для вывозки дров, обязав центральные и местные органы установить соответствующие нормы выработки для каждого рубщика и возчика.

Вот такие вопросы обсуждали тогда на всероссийском съезде. В 1919 же году все рабочие и служащие Страны Советов были переведены на положение мобилизованных. Милитаризация труда прежде всего охватила железнодорожный транспорт. А 17 марта 1919 года объявлены мобилизованными все рабочие Подмосковского угольного бассейна, в который входил и Скопин.

Следует отметить, что в этот период был принят Декрет Совета Народных Комиссаров «О заготовке дров и лесных материалов в 1920-21 операционном году», которым на Главный Лесной Комитет возлагалась обязанность заготовить в 1920-21 операционном году 25 миллионов куб. саж. древесины, в том числе до 18 миллионов куб. саж. дров.

Главный лесной комитет, в свою очередь, осуществлял лесозаготовительную программу через подчиненные ему органы: губернские и уездные лесные комитеты, а также через Железнодорожные лесозаготовительные комитеты.

При этом необходимо подчеркнуть, что рабочая сила для заготовки, вывозки и сплава древесины привлекалась в порядке трудовой повинности, а также и в добровольном порядке.

Именно такой Железнодорожный комитет и был создан на станции Ощепково Транссибирской железной дороги. Для осуществления заготовки дров предоставлялось 30-верстная полоса вдоль железной дороги.

Сегодня станция Ощепково стала частью города Пышма районного центра Свердловской области. Находится Ощепково на одинаковом расстоянии от Екатеринбурга и Тюмени – примерно 160 км. Вокруг – могучая уральская тайга. Здесь и довелось заготавливать лес Сергею Бирюзову.

Работа была не из легких. Вот что рассказывает человек, работавший в те годы лесорубом на Урале: «Заготовку дров-коротья вели поперечными пилами, валка деревьев, обрубка и сбор сучьев, раскряжовка, расколка колунном при помощи колотушек и укладка дров в поленницы –



Станция Ощепково

вручную. Работали бригадами по четыре человека... Производительность труда при этом составляла до 20 складочных кубометров на человека в день. Дрова вывозились по зимним снежным дорогам на лошадях». ¹⁴

Работал С. Бирюзов так, что на всю жизнь сохранил сноровку лесоруба. В своих военных мемуарах он писал:

«В юности я был мастером по этой части: около двух лет работал на заготовке дров, да и в школе имени ВЦИК с топором расставаться не приходилось...

Старая сноровка не подвела. Колун точно ударил по самой сердцевине смолистой плахи, и она со звоном развалилась на две ровные части.

Так начался мой первый день пребывания в штабе 2-й гвардейской армии».

Когда это еще будет – через двадцать с лишним лет, под Сталинградом. А пока подросток, прибавивший себе год, чтобы

взяли на взрослую работу, рубил уральский лес в такой глуши, которую даже в этих местах зовут «дебри». Работал тяжело, отдыхал мало, думал о будущем – стал комсомольцем.

Он мало вспоминал о своей комсомольской юности. Крупицы таких воспоминаний мне удалось обнаружить в мемуарах маршала:

«Когда стал комсомольцем, сразу же записался в атеистический кружок и хорошо помню, как мы, юнцы, выступали перед земляками в религиозные праздники, горячо доказывая, что «бога нет». Но улетела юность, и кончились наши баталии с богом и церковью». ¹⁵

Обычной для того времени была комсомольская юность Сергея Бирюзова. А пока на Урале судьба приготовила ему очередное испытание. Комитет вскоре расформировали. Работы нет. Где заработать на хлеб насущный? Как быть? И снова дорога....

КОММУНА

«Ставропольским комитетом комсомола сразу же был направлен на работу в коммуну №1, в 40 км от Ставрополя. В коммуне был избран секретарем комсомольской организации». ¹⁶

Обращает на себя внимание тот факт, что в Ставропольском крае первые коллективные артели появились только в 1920 году. Их было всего – 13: 6 коммун, 6 артелей и 1 ТОЗ.

1 марта 1921 года в Безопасном была организована первая сельскохозяйственная коммуна «Заря №1». Председателем коммуны был избран Быков Федор Васильевич. Коммуна – высшая форма коллективной организации. В коммуне обобществлялись все средства производства. Доходы подсчитывались, выделялись средства для жизнедеятельности коммуны (семена, содержание живого инвентаря и т.д.), определялся прожиточный минимум (пропитание, одежда, предметы обихода) и отчисления в различные организации и фонды. Нормированный излишек поступал в продовольственные советские организации, ненор-

мированный обменивался на необходимые деньги, продукты и изделия.

Сначала в коммуне было только 12 семей. Место расположения коммуны – хутор Эммануэлевский, в 10 км от села. Именно в эту коммуну секретарем комсомольской организации ставропольский комсомол послал 17-летнего Сергея Бирюзова, значит, рассчитывал на его деловые и лидерские качества.

Коммуна «Заря №1» просуществовала 2 зимы, а затем распалась. Местные кулаки всячески вредили коммунарам, травили посевы, портили инвентарь, сжигали солому и сено, угоняли скот.

1922 год. К трудностям, вызванным кровопролитными войнами, добавился охвативший всю страну небывалый неурожай 1921 года. Страшная засуха охватила тогда все районы. В среднем по Ставрополью было собрано лишь по 7 пудов с десятины, а в некоторых уездах – по 0,4 пуда. Это вызвало голод – самое страшное испытание для человека.

Не секрет, что многие молодые люди шли в то время в армию с единственной надеждой – быть накормленными. Вполне возможно это и определило выбор С. Бирюзова в пользу армейской службы. В 1922 году он добровольно вступил в ряды Рабоче-крестьянской Красной Армии.

СТАТЬ КРАСНЫМ КОМАНДИРОМ...

«В сентябре 1922 года в восемнадцатилетнем возрасте добровольно вступил в Красную Армию и пошел учиться на 48-е Ставропольские пехотные пулеметные курсы. На Северном Кавказе в то время еще было неспокойно, часто поднимало голову недобитое белогвардейское национальное отребье. Мы, курсанты, участвовали в ликвидации нескольких крупных банд».¹⁷

Должен напомнить, уважаемый читатель, что к этому времени С. Бирюзову, как свидетельствует метрическая запись, исполнилось только 17 лет. Одной из особенностей комплектования армии в предшествующий период был принцип добровольности. И, как известно, при этом не было возрастных

ограничений. В Красную Армию принимали даже 16-летних ребят.

Но в 1922 году призывной возраст был повышен с 18 до 20 лет, в 1925 году – до 21 года. Дальнейшим шагом по законодательному регулированию вопросов комплектования армии явился декрет ВЦИК и СНК об обязательной воинской повинности для граждан РСФСР от 28 сентября 1922 года. Он устанавливал обязательную воинскую повинность: призыв всех мужчин в 20-летнем возрасте (позднее декретом ВЦИК и СНК от 21 марта 1924 года призывной возраст был установлен в 21 год). Срок службы был определен следующий: в пехоте и артиллерии – 1,5 года (с 1924 по 1939 год – 2 года); в Воздушном Флоте – 3,5 года (3 года); в Военно-Морском Флоте – 4,5 года (4 года).

Таким образом, на мой взгляд, С. Бирюзов, вне всякого сомнения, понимал: чтобы стать красноармейцем, ему надо «повзрослеть» на один год, прибавить себе один год в документах. Надо сказать, такой прием был тогда не редок. Многие в те годы по самым различным обстоятельствам добавляли себе годы, когда требовалось разрешить ту или иную жизненно важную проблему, разумеется, не во вред государству.

Сделал так и С. Бирюзов. Он стал красноармейцем. Однако жизненный опыт и, пусть небольшой, но значимый опыт общественной работы в комсомоле и коммуне подсказывал ему, что надо учиться. Иначе в люди не выбиться. Дальнейший путь к образованию подсказала ему военная служба – он продолжил обучение в военно-учебном заведении.

Следует заметить, что сеть военно-учебных заведений в те годы включала в себя, помимо военных академий, курсы и школы, осуществлявшие подготовку среднего и младшего командного и политического состава. В ходе гражданской войны сеть военно-учебных заведений по всем специальностям значительно расширилась: с 63 в январе 1919 г. до 151 к ноябрю 1920 г.

С окончанием гражданской войны началось упорядочение системы военного образования среднего и младшего состава. Приказом РВСР № 2900 от 31 декабря 1920 г. 18 пехотных, 4 кавалерийских, 5 артиллерийских и 3 инженерных курсов были преобразованы в военные школы по подготовке среднего состава.

Основной формой массового обучения комсостава вначале являлись ускоренные командные курсы, задачей которых, согласно положению (приказ Наркомвоена № 104 от 28 января 1918 г.), была подготовка инструкторов пехоты, кавалерии, инженерных войск и пулеметного дела, «стоящих на платформе Советской власти», «развитие и углубление в учащихся классового самосознания и воспитания сознательных борцов за торжество социализма».

Как известно, курсы комплектовались, в основном, красноармейцами-фронтовиками с боевым опытом и образованием в объеме начальной школы со сроком обучения от 2 до 8 месяцев. Значительное внимание в процессе обучения уделялось практическим занятиям.

В конце 1919 г. были введены общие учебные планы и программы, рассчитанные на срок обучения 2-3 месяца в подготовительных и 3-месячный срок в специальных классах.

В это время как раз шел набор на 48-е Ставропольские пехотно-пулеметные курсы красных командиров. Бирюзову подсказали, что он подходит туда по всем статьям: комсомолец, со школой второй ступени за плечами (такое образование считалось приемлемым), с юных лет проявлял инициативу и энергичность. Так начался новый этап в его жизни – учеба на пехотно-пулеметных курсах.

С.С. Бирюзов немногословен в своих воспоминаниях об учебе на пулеметных курсах. Дадим слово другому маршалу, Н. И. Крылову, окончившему те же курсы в 1920 году, незадолго до поступления туда Бирюзова. Н. И. Крылов – Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза, героический защитник Одессы в годы Великой Отечественной войны. Интересно, что именно он сменил С. С. Бирюзова на посту командующего ракетными войсками стратегического назначения в 1963 году. Вот что вспоминал Н. И. Крылов о краткосрочных пулеметных курсах: «Зачислили без проволочки – был самый разгар гражданской войны. Однако направили не на фронт. Как раз шел набор на пехотно-пулеметные курсы красных командиров, и мне сказали, что подхожу туда по всем статьям: комсомолец, со школой второй ступени за плечами (такое образование считалось высоким), к тому же хоть чуть-чуть послужил».

Началась учеба в Саратове, продолжалась в освобожденном от белых Ставрополе. Переведенное туда подразделение саратовских курсов краскомов развернулось в новые, 48-е пулеметные. Их я и окончил, получив 1 октября 1920 года звание красного командира социалистической армии.

Курсы были краткосрочные – меньше года. Однако дали немало и, во всяком случае, подготовили к тому, чтобы самостоятельно учиться дальше. За это я по сей день благодарен своим первым наставникам в военном деле.

Молодых краскомов послали с маршевым пополнением в 11-ю армию, которая вела бои в Закавказье. Меня назначили полуротным командиром (была тогда такая должность) в действовавший на самом юге Азербайджана 248-й пехотный полк.

Через Муганскую степь и болота полк наступал на Ленкорань, на Астару, приближаясь к синевшим на горизонте Тальшским горам. В этих причудливых краях, куда ни в декабре, ни в январе не приходила зима, я постигал азы практической командирской грамоты, привыкал к ответственности за подчиненных, за жизнь людей.

Только потом я понял, насколько несложные, в сущности, боевые действия мы тогда вели, тесня с советской земли остатки уже разгромленных в Закавказье белогвардейских сил. Враг еще огрызался, но, деморализованный, ни во что больше не верящий, нигде не выдерживал красноармейского натиска.

Нас же окрыляла близость победы. Словно ее вестница, шествовала по освобожденной земле яркая южная весна, поражая тех, кто впервые здесь очутился, красотами кавказской природы. И как бы ни приходилось порой трудно, душу переполняли радость жизни, ощущение нашего торжества».¹⁸

Немногим отличался опыт обучения Н. И. Крылова от учебы С. С. Бирюзова два года спустя, что видно из дальнейшего изложения событий. Уделяли значительное внимание боевой и политической подготовке.

Как же выглядела там военная подготовка? В связи с тем, что в школу поступили курсанты из числа рабочих и крестьян, их общеобразовательный уровень оказался невысоким. Это заставляло руководство курсов, используя опыт русской военной школы, разделить курс обучения на два класса: подготовитель-

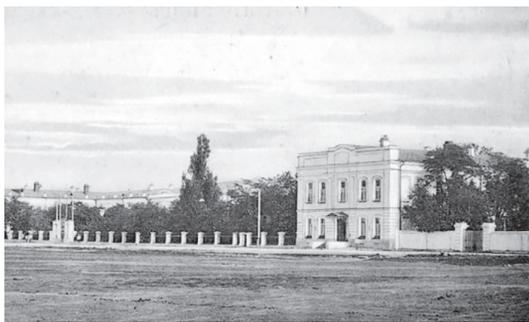
ный и специальный. Срок обучения был установлен 10 месяцев (4 месяца – на общеобразовательную подготовку, 6 месяцев – на специальную). На подготовительном курсе изучали русский язык, арифметику, геометрию, историю, природоведение, географию и гигиену; на специальном – тактику, фортификацию, артиллерию, военную топографию и политграмоту.

Другим немаловажным фактором, оказывающим существенное влияние на учебный план краткосрочных курсов, была социально-политическая обстановка на Северном Кавказе в середине 20-х годов. Должен отметить, что она оставалась довольно сложной. По окончании Гражданской войны в России начался трудный процесс становления советской власти. Зачастую утверждение новой власти на местах приводило к открытому, порой вооруженному противостоянию населения органам государственного управления.

В то же время в состоянии относительного безвластия, царившего в годы Гражданской войны во многих регионах страны, наличие большого количества оружия у мирных жителей привело к формированию многочисленных бандитских групп «всех мастей и расцветок» общей численностью свыше 7 тысяч человек. Их поддерживали бывшие богатые землевладельцы, контрреволюционные и буржуазно-националистические элементы, финансируемые из-за границы, которые вновь и вновь поднимали голову. Они организовывали банды, наносили большой ущерб хозяйству, терроризировали местное население, убивали представителей советской власти. Необходимо было ликвидировать эти банды.

Для этого привлекались курсанты 48-х пехотно-пулеметных курсов, среди них был и С. Бирюзов. Надо при этом отметить и то, что школы и курсы РККА рассматривались в тех условиях как боевые части и часто использовались в военных действиях.

Командно-пулеметные курсы расположились



г. Ставрополь. Мужская гимназия

в здании мужской гимназии г. Ставрополя. Затем в этом величественном здании расположился Дворец культуры и труда. Потом – административные структуры управления Орджоникидзевского края и, наконец, с начала Великой Отечественной войны – эвакуированное в Ставрополь Житомирское пехотное училище.

Сразу после освобождения города в бывшем здании гимназии открылось Ставропольское суворовское училище. Из его стен вышло немало известных в дальнейшем военных. Это генералы А. Андриенко, И. Горбунов, О. Зинченко, Д. Кондратюк, Л. Шевченко; Герои Советского Союза – летчик-космонавт Ю. Глазков и летчик-испытатель О. Гудков. В 1962 году здесь расположилось Высшее военное училище связи. Создано оно по инициативе маршала С. С. Бирюзова. Об этом – разговор впереди.

А пока, в 1923 году, мы видим, как к окончанию обучения на пехотных пулеметных курсах С. Бирюзов стал красным командиром новой рабоче-крестьянской армии, и что особенно важно, успешно сдал свой первый экзамен на политическую зрелость. Перед ним открывались новые пути профессионального роста.



С. С. Бирюзов – курсант 48-х пехотно-пулеметных командных курсов. 1925 г.

КРЕМЛЕВСКАЯ ШКОЛА

«Во время учебы на курсах мне очень хотелось поступить в военную школу. И вот в 1923 году сбылась моя заветная мечта – я был переведен в Москву курсантом Объединенной школы имени ВЦИК, или, как её любовно называют, Кремлевской школы, этой первой кузницы военных кадров, созданной по указанию Владимира Ильича Ленина.

Учеба в школе имени ВЦИК дала мне очень многое. Здесь я увидел великого Ленина, стоял на посту № 27 – у квартиры Владимира Ильича и его рабочего кабинета, а в дни прощания с дорогим во-

*ждем мы, курсанты, несли почетную вахту у гроба Ильича в Колонном зале Дома Союзов. Здесь в 1924 году по ленинскому набору я поступил в кандидаты, а в 1926 году – в члены Коммунистической партии. За время учебы активно участвовал в общественной работе, проводил занятия по военной подготовке на фабрике «Красная швея» и на авторемзаводе «АМО». Кремлевская школа привила мне хорошую военную подготовку и идейно-политическую закалку. Одновременно с учебой в школе я окончил вечерний рабочий факультет».*¹⁹

Наверное, каждый человек хотя бы один раз в жизни задумывался над тем, что означает словосочетание «кремлевский курсант». Постараюсь рассказать об этом.

3 февраля 1921 года 1-е Московские пулеметные курсы за особые заслуги в деле защиты Советской республики и за образцовую охрану Кремля были реорганизованы в школу, которой было присвоено имя ВЦИК (прим. авт. – Всероссийского Центрального исполнительного комитета) и переведены на трехгодичный срок обучения. Новое название: 1-я Советская объединенная военная школа РККА им. ВЦИК. В составе школы имени ВЦИК были два пехотных батальона, артиллерийский, пулеметный и кавалерийский дивизионы и инженерная рота. Курсанты получали довольно глубокие теоретические знания, а главное – основательное знакомство с выбранным родом войск.

Надо отметить, что трехгодичный курс давал полную практическую подготовку для назначения на должность командира взвода и первые навыки для командования ротой.

Как это достигалось? Приведу несколько примеров учебных занятий с кремлевскими курсантами, среди которых был и наш земляк С. Бирюзов.

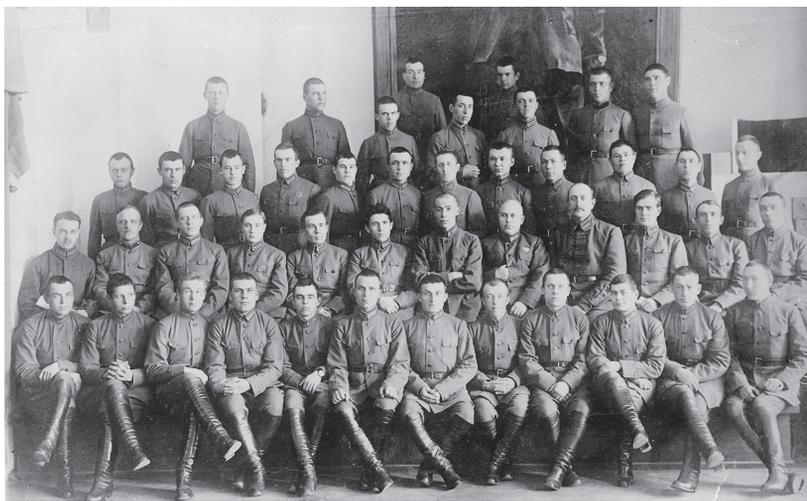
Так, на Ходынском поле, на Поклонной горе, в окрестностях Москвы – деревнях Шукино, Татарово, Хорошево пулеметный дивизион вел учебные бои. Каждому из курсантов поручалось командовать взводом или ротой. Занятия шли днем и ночью, с боевыми стрельбами.

Исключительно насыщенными и, что самое существенное, эффективными были занятия курсантов в летних лагерях. Например, выпуску из школы (а он предстоял в сентябре 1926 года)

предшествовали маневры. Со стороны Москвы на Рязань «наступали» подразделения курсантов школ имени ВЦИК, имени Коммунаров и другие. В Рязани «оборонялись» представители других военных школ. Маневры продолжались десять дней и закончились «генеральным сражением» в районе Коломны. При этом обе «армии» совершили переправу через Оку.

Необходимо сделать пояснения о несении курсантами службы на посту №1: почетный караул у Мавзолея был учрежден приказом начальника гарнизона города Москвы Н. И. Муралова, изданным 26 января 1924 года – за день до похорон В. И. Ленина. «По окончании погребения, – говорилось в приказе, – к могиле с 27 января 1924 года – дня похорон – почетный караул у Мавзолея Ленина несли курсанты кремлевской военной школы имени ВЦИК». Первых часовых на пост № 1 поставил разводящий Янош Мейсарош, венгр. Почетный караул состоял из лучших представителей разных слоев советского общества. Среди часовых поста № 1 был и курсант С. Бирюзов.

Надо сказать, что в свое время И. В. Сталин считал школу ВЦИК самой лучшей в стране, и небезосновательно. Многие военные, вышедшие в двадцатых годах из стен Кремлевской военной школы, во время Великой Отечественной войны командовали дивизиями, корпусами, армиями и фронтами. В этой школе учились Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, Мар-



Пятый выпуск военной школы им.ВЦИК. 1926 г.
Первый ряд справа – С. С. Бирюзов. Апрель 1926 г.

шал бронетанковых войск П. А. Ротмистров, генерал-полковник артиллерии К. П. Казаков, дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. И. Родимцев. Свыше 200 ее воспитанников стали маршалами и генералами Советской Армии. Кремлевская школа оказалась богатейшим источником военных талантов, успешно прошедших через фронты Великой Отечественной войны от Москвы до Берлина.²⁰

ПЕРВЫЕ ШАГИ КРАСКОМА

«По окончании школы, в 1926 году я был направлен на должность командира взвода полковой школы 65 стрелкового полка 22-й Краснодарской дивизии. Полк дислоцировался в городе Новороссийске.

*Это были первые в моей жизни командирские шаги. Дружный полковой коллектив помог мне их сделать широко и уверенно. Коммунисты полковой школы оказали мне высокую честь – избрали секретарем партийной ячейки. Мне приходилось часто выступать с докладами и беседами перед рабочими знаменитых Новороссийских цементных заводов. Без отрыва от службы я окончил вечерний общественно-экономический факультет рабочего университета».*²¹

Остановимся, прежде всего, на анализе обстановки в стране и в армии в середине 20-х годов. Как хорошо известно, это время было очень сложным для молодой страны Советов. Это не могло не сказаться на состоянии дел в Красной Армии. Бытовая неустроенность, отсутствие элементарной учебной базы и низкая воинская дисциплина личного состава сводили на нет любые попытки организовать нормальный учебный процесс в воинских частях. В войсках процветало дезертирство, достигая порой около 10% от списочного состава. Говоря об общем состоянии Красной Армии в тот период, нельзя не сказать и об униженно низком жалованье красноармейца, которое равнялось 35 копейкам в месяц. Сейчас даже сложно себе представить, как командирам и политработникам удавалось удерживать ситуацию под контролем и спасти армию от полного разложения.

Наглядная картина того сложнейшего положения, которое сложилось в частях и соединениях Красной Армии к концу 1923-го – началу 1924 года, представлена в докладной записке начальника мобилизационного отдела Штаба РККА Н. Л. Шпектрова, направленной им И. С. Гусеву, который по поручению ЦК РКП(б) возглавлял комиссию по обследованию состояния Красной Армии. В то же время не может не броситься в глаза некое противопоставление красных командиров старым военным специалистам, а точнее сказать, бывшим офицерам царской армии. Докладная записка предлагается вашему вниманию в некотором сокращении.

«20 января 1924 г.

Сов. секретно

Тезисы о состоянии Красной Армии

Нынешнее состояние Красной Армии можно охарактеризовать как переходное. Частично Красная Армия носит в себе задатки будущей твердой организации, в большей части она еще живет наследием Гражданской войны.

1. Организация Красной Армии в стрелковых частях построена частью на принципе кадровых войск (39 дивизий), частью на территориальных основаниях (22 дивизии) и единства не имеет.

В мирное время дивизия крайне малочисленна. Конница имеет различные штаты в мирное и военное время, развертывая лишь по мобилизации некоторые важнейшие подразделения (четвертые эскадроны в полках, целые бригады на Украине, автопарки, арттранспорты, патронные резервы и т.п.). Вместе с тем конница должна изготавливаться в поход в 24 часа, что явно не осуществимо.

2. Личный состав в большом некомплекте. Значительная часть давно выслужила положенные сроки. Наблюдается сильное демобилизационное настроение, кое-где — деморализация. Твердых основ комплектования ни для красноармейцев, ни для ком. и политсостава еще нет. Не налажена правильная отработка запаса. Имеется много случайного элемента, не укладывающегося в твердые рамки прохождения военной службы (очень большая масса добровольцев, младший технический состав и т.д.).

Группа комсостава постепенно лишается командиров, выдвинутых Гражданской войной. В армии дает себя чувствовать старое офицерство, усиливается трение между ними и краскома-ми. Последние во многих случаях не встречают поддержки и за-тираются. Проявляются старые офицерские методы обращения с красноармейской массой; очень заметно стремление к единоначалию и отстранению комиссаров.

Следует также отметить неоднородность уровня чисто во-енной подготовки комсостава.

3. Обучение не налажено вследствие противоречий между провозглашенной новой тактикой и нынешней организацией роты. «Показная» рота случайна, существует за счет других рот, тем самым лишая последние возможности обучаться. С другой стороны, методика обучения не стоит на должной высоте, отме-чается формальный и казенный подход к нему. На успешности обучения отражается некомплект, всегда остро отзывающийся на ротах в результате особенностей организации, наличие рот по ликвидации безграмотности и т.д. Рота военного времени пока к новой тактике не приспособлена, и работа «показных» рот может оказаться сделанной впустую.

4. Снабжение хромает постоянно, и жалобы на недоста-ток обмундирования повторяются все время. Обмундирование не хватает частью вследствие некондиционности, частью вслед-ствие текучести и большого оборота личного состава. Некон-диционность продовольствия вызывает особенно настойчивые протесты. Бывают случаи заболеваний».²²

Если оценить состояния дел в 22-й стрелковой дивизии, то в ней, вне всякого сомнения, как в капле воды отразились отме-ченные недостатки в приведенной выше докладной.

22-я стрелковая дивизия сформирована 22 сентября 1918 года под наименованием 2-й Николаевской пехотной дивизии из полков, созданных на основе партизанских отрядов Новоу-зенского, Николаевского и Малоузенского уездов Самарской губернии и двух добровольческих отрядов пензенских и ба-лашовских рабочих; со 2 октября 1918 — Николаевская пехот-ная дивизия, с 24 ноября 1918 года — 30-я Николаевская совет-ская пехотная дивизия, с 13 января 1919 года — Николаевская

стрелковая дивизия, с 25 марта 1919 года – 22-я стрелковая дивизия.

Дивизия вела бои с уральскими белоказаками в Новоузенском и Николаевском уездах в сентябре-ноябре 1918 года, за освобождение Уральска и Лбищенска в январе 1919-го.

В апреле 1919 года части 22-й дивизии были окружены белоказаками в Уральске и несколько месяцев, полностью отрезанные от главных сил Южной группы войск Восточного фронта, героически обороняли город. Это ее бойцам, политработникам и командирам предназначалась известная телеграмма Владимира Ильича Ленина. Он направил ее командующему Южной группой М. В. Фрунзе и просил передать «горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. Геройское дело защиты Уральска увенчается успехом». Дивизия выполнила наказ вождя и стойко обороняла город до 11 июля, когда к Уральску прорвалась 25-я Чапаевская дивизия и отбросила белоказачков. Принимала участие в овладении станцией Шипово и Деркул.

Затем дивизия была переброшена на Южный фронт, сражалась в Донской области, участвовала в Доно-Маньчской и Тихорецкой операциях, освобождала Екатеринодар в марте 1920 года, вела бои в районе станиц Азовская и Ильинская и под Новороссийском; охраняла побережье Чёрного и Азовского морей; участвовала в ликвидации бандитизма в августе - сентябре 1920 года, в разгроме Улагаевского десанта в районе станиц Тимашевская, Анненская, города Темрюк.

В историю дивизии вошли имена В. И. Чапаева, И. П. Уборевича и даже В. И. Ленина, который был зачислен в красноармейцы 195-го стрелкового полка Краснодарской дивизии 22 апреля 1922 года. Название Краснодарская дивизия получила после событий 1920 года на Кубани, когда Врангель пытался захватить эту область. В конце августа 1920 года в районе станицы Таманской произошло сражение бригад и полков 22-й дивизии с белогвардейцами. Внезапными ударами красные разгромили своего противника, и за эту битву 25 декабря 1921 года дивизии было присвоено почетное наименование Краснодарской. После Гражданской войны дивизия дислоцировалась в Краснодаре, не-

которое время в Новороссийске. Как раз в Новороссийск прибыл на службу после окончания военной школы в Москве С. С. Бирюзов и сразу окунулся в очень непростую обстановку.

Руководство вооруженных сил, пытаясь улучшить подготовку армии, издало приказ № 234 РВС СССР от 2 марта 1925 года «О введении единоначалия». Было признано «необходимым сосредоточить полностью в руках командира и начальника строевые и административно-хозяйственные функции, начав проведение этой меры в первую очередь в РККА». Именно с этим



С. С. Бирюзов.
г. Новочеркасск. 1929 г.

приказом связано начало постепенного и последовательного расширения должностных прав и обязанностей командира-единоначальника и соответствующего их уменьшения у военных комиссаров.

Как же проходила в этих условиях служба молодого командира С. Бирюзова? Можно с уверенностью утверждать, что вполне успешно. Это подтверждается его служебным ростом в этом соединении. Начав службу должности командира взвода 65-го стрелкового полка дивизии, через два года он был назначен командиром полковой школы.

Как уже было сказано, С. Бирюзов постоянно стремился к знаниям. И в этот, довольно непростой, период армейской службы он нашел время для учебы на вечернем общественно-экономическом факультете рабочего университета.

Надо сказать, что рабфаки были уникальным советским изобретением, которое могло появиться только в молодой пролетарской республике. Спорить о том, насколько оно оказалось полезным или вредным, можно до бесконечности. Но в первые годы своего существования советская республика остро нуждалась в специалистах самого разного профиля – и в решении этой проблемы рабфаки, безусловно, очень помогли. Ускоренными темпами они выпускали «конвейерным способом» абитуриентов, готовых получать профессиональное образо-

вание в вузах, нередко без всякого предварительного отбора и экзаменов.

Первоочередной задачей народного образования большевики с самых первых лет революции считали обязательную пролетаризацию студенческих масс. Уже в августе 1918 года В. И. Ленин подписал декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения», который привел в полное недоумение университетскую общественность.

Приведем выдержки из этого документа: «Каждое лицо, независимо от гражданства и пола, достигшее 16-ти лет, может вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения без представления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней или какой-либо школы. Воспрещается требовать от поступающих какие бы то ни было удостоверения, кроме удостоверения об их личности и возрасте. Все высшие учебные заведения Республики открыты для всех, без различия пола. За нарушение указанного Постановления все ответственные лица подлежат суду Революционного Трибунала.

Произведенный на основании аттестатов или конкурсных экзаменов приём в число студентов первого курса на предстоящий 1918/19 гг. объявляется недействительным».

Другими словами, преподавателей обязали принимать в вузы рабочую и сельскую молодежь, закрывая глаза на отсутствие у нее способностей к наукам, низкий уровень подготовки или даже полное ее отсутствие. Под лозунгом «завоевания высшей школы» началось массовое зачисление в институты «рабочих от станка».

Надо сказать, что рабоче-крестьянская молодежь стремилась к знаниям, в получении которых царским режимом ей было отказано в силу социального происхождения. Далеко не всем парням и девушкам довелось закончить даже начальную школу, не говоря уже о средней. И вот с таким скудным багажом знаний молодежь из всех уголков страны устремилась в большие города за высшим образованием. «Среди нас были люди самой различной степени подготовленности, различного возраста, различного жизненного опыта. Очень немногие имели за плечами семилетку, большинство закончило только сельскую школу или школу фабзавуча, а иные всего лишь ликбез».

Нельзя не вспомнить еще об одном жизненно важном эпизоде биографии С. Бирюзова, в котором в очередной раз проявила себя его решительная, смелая натура. В 1927 году, будучи командиром взвода в 22-й Краснодарской стрелковой дивизии, Бирюзов провел часть очередного отпуска в Скопине, а потом поехал в гости к сестре Екатерине в Рязань. Здесь он и познакомился с Юлией Ивановной Холоповой, которая стала его женой.²³



С. С. Бирюзов с женой Юлей

Как вспоминала Юлия Ивановна, предложение стать его женой Сергей сделал ей через несколько часов после их знакомства. Вечером они тайком уехали из Рязани, оказалось, что навсегда.

Как раз в это время в Рязани жил двенадцатилетний Кирилл Симонов со своей матерью и отчимом – офицером Красной Армии. Много лет спустя Константин Михайлович Симонов (новое имя он взял себе в качестве литературного псевдонима) вспоминал о детских годах в Рязани:

«Дисциплина в семье была строгая, чисто военная, существовал строгий распорядок дня, все делалось по часам, в ноль-ноль. Опаздывать было нельзя, возражать не полагалось, данное кому-либо слово требовалось держать, всякая, даже маленькая ложь презиралась».

Как это похоже на строгий быт и жизненные принципы молодого красного командира Сергея Бирюзова. Ведь так жила тогда вся молодая советская страна, вся ее Красная Армия.

ПРОЛЕТАРСКАЯ ДИВИЗИЯ

*«С 1930 года по 1934 год проходил службу в Московской Пролетарской стрелковой дивизии в должности командира роты – батальона. Надо сказать, что это соединение было образцовым в Красной Армии. Своим становлением ему обязаны многие наши видные военачальники. Значительной вехой явилась служба в Московской Пролетарской и для меня».*²⁴

Чем занимался Сергей Семенович во время службы в Пролетарской дивизии в Москве? Какие задачи обычно стояли перед такими частями?

1-я Московская Пролетарская мотострелковая дивизия была образцовым соединением РККА. Она сформирована 26 декабря 1926 года как Московская Пролетарская стрелковая дивизия. Первым командиром дивизии стал военком Г. Д. Михайловский. Московская Пролетарская дивизия была непременным участником всех московских парадов. Она славилась высокой строевой подготовкой. Артиллеристы в конном строю рысью проходили по Красной площади.

8 июня 1927 года дивизии было вручено Почетное Знамя донецких шахтеров. 1 октября 1927 года она преобразована в территориальную дивизию. 1 января 1930 года – преобразована в кадровую дивизию. В 1933-1935 годах дивизия участвовала в опытных учениях с боевой стрельбой пехоты, артиллерии, танков и бомбометанием авиации, на которых присутствовали военные делегации многих стран: США, Японии, Франции, Англии, Швеции, Италии, Китая, Эстонии, Латвии и Литвы.

Интересными штрихами дополняют портрет С. С. Бирюзова воспоминания генерал-полковника Павла Ивановича Зырянова, знавшего будущего маршала по совместной учебе и службе. В военной биографии полководца приведены данные, говорящие о пропаганде Бирюзовым физической культуры среди военнослужащих. В 1929 году, будучи командиром взвода в Московской пролетарской дивизии, он провел с бойцами марш в 25 километров по пересеченной местности. Бирюзов брал с собой слабых, отстающих, шел с этими солдатами рядом, поддерживая

их, давая им возможность отдохнуть. Свой взвод Бирюзов привел к месту сбора первым...

Бирюзов страстно любил спорт и на состязаниях показывал отличные результаты. Однако оказалось, что в его подразделении физической подготовке уделялось мало внимания. Пришлось много поработать, и скоро красноармейцы, следуя примеру командира, увлеклись спортом.

Бирюзов – отличный стрелок из всех видов оружия, состоявшего на вооружении батальона. Инспекторские стрельбы из револьвера-нагана, винтовки, ручного и станкового пулемета выполнил на оценку «отлично». Добился отличных показателей в тактических учениях. На переход в пятьдесят километров отводилось двенадцать часов – рота Бирюзова в сложных метеоусловиях этот путь преодолела за десять часов.

Бирюзова выдвинули на должность командира батальона. И вскоре о его успехах заговорили в дивизионе.

– Таких командиров, как Бирюзов, – однажды заметил Тухачевский, – надо посылать в военную академию.

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ М. В. ФРУНЗЕ

*«В 1934 году поступил на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе. За время учебы в этом основном высшем военно-учебном заведении приобрел большую теоретическую подготовку по управлению войсками и основательную практику партийно-политической работы. В течение двух лет был внештатным пропагандистом Фрунзенского райкома партии на заводе «Каучук». Военную академию окончил с отличием в 1937 году».*²⁵

Следует отметить, что приказом РВСР № 47 от 7 октября 1918 г. в Москве была открыта Академия Генерального штаба, а через три года Приказом РВСР № 1675 от 5 августа 1921 г. она преобразована в общевойсковую и переименована в Военную академию РККА. Другим приказом РВС СССР № 1086 от 5 ноября 1925 г. ей было присвоено имя М. В. Фрунзе, при академии 13 февраля 1926 г. был открыт кабинет М. В. Фрунзе.

Позже С. Бирюзов вспоминал о том времени: «Идея поступить учиться в академию им. М. В. Фрунзе возникла у меня давно, когда еще был курсантом старшего курса военной Кремлевской школы. В то время существовал хороший обычай – перед выпуском командование школы устраивало встречи курсантов со слушателями академии им. М. В. Фрунзе. Одна из таких встреч надолго запомнилась мне. За давностью времени я не могу сейчас вспомнить фамилию выступавшего перед нами слушателя, но его образцовая строевая выправка, обширные познания и культурный военный язык произвели на меня неизгладимое впечатление.

Он казался нам идеалом военного человека. А после его рассказа о себе и других слушателях академии стало ясно, что там учатся такие же рабочие и крестьяне, как мы, и я помню, тогда многие из нас загорелись желанием после нескольких лет работы в войсках и приобретения практических командных навыков поступить учиться в академию.

И вот, наконец, моя сокровенная мечта сбылась – я успешно выдержал вступительные экзамены, получил почти высший балл 4,95, и зачислен слушателем первого курса Военной академии им. М. В. Фрунзе. Сколько было искренней радости и веселья, настоящий праздник был в семье.

Сейчас иногда говорят, что в то время экзамены были не трудные, требования не такие высокие и конкурс небольшой и что раньше учиться было легче. Это совершенно неправильно. Требования были очень высокие, и на одно место претендовали 10-12 человек. Поэтому экзамены были очень серьезными, и отбирали наиболее подготовленных, наиболее достойных».

Годы учебы в академии были насыщенными событиями и, несмотря на большую загруженность и напряженность, я отношу их к лучшим годам моей жизни. Объясняется это очень просто. Во-первых, потому, что ежедневно расширялись и углублялись наши знания, формировалось наше твердое марксистско-ленинское мировоззрение, вырабатывались политические и деловые качества, необходимые советским офицерам. Во-вторых, потому, что в те годы я был в кругу молодых, беспокойных и творческих офицеров, живших дружной семьей советских патриотов. И, в-третьих, потому, что это были годы моей зрелой

сознательной молодости, годы становления характера, годы выработки определенных взглядов, понятий и отношения к людям, жизни и политике.

Интересны воспоминания генерал-полковника Павла Ивановича Зырянова, знавшего Бирюзова по совместной учебе и службе:

— Вместе учились в академии. Он был старшиной выпускного курса, я — комсоргом. Мы прыгали на лыжах с трамплина на Воробьевых горах. Прыгать с парашютом начали с вышки в Центральном парке культуры и отдыха. Сергей хорошо играл в волейбол. А в баскетболе был старшим группы. Хорошо владел всеми видами стрелкового оружия. Часто выходил победителем в соревнованиях среди учебных групп и курсов. Позже мы охотились на фазанов.

И в 1934 году, получив высший балл на экзаменах, Бирюзов стал слушателем академии имени Фрунзе. В августе 1939 года был назначен командиром дивизии.

В памяти дочери С. Бирюзова Валентины Сергеевны сохранился такой образ отца:

— Обучаясь в Военной академии имени Фрунзе (ее, кстати, окончил с отличием), брал призы в лыжном кроссе. Мы бережно храним призы, памятные подарки победителя — именные часы и радиоприемник. В академии выступал в соревнованиях по легкой атлетике — в толкании ядра, беге на различные дистанции. Любил бильярд, увлекался футболом, любил верховую езду. Среди его наград есть дипломы и за победы в автоспорте.



Капитан Бирюзов С. С. среди слушателей академии им. Фрунзе. 1935-1937 г.



В ИРКУТСКОЙ ДИВИЗИИ

«Никогда не забудется мне день прибытия на должность начальника штаба 30-й Иркутской Краснознаменной ордена Ленина дивизии. В этот день мне пришлось воочию убедиться в тяжелых результатах сталинского произвола. Командир, комиссар, начальник штаба дивизии, начальник службы были арестованы, как «враги народа». Соединение, в сущности, осталось без руководства.

*Пришлось вступить в командование дивизией и выполнять обязанности комдива вплоть до февраля 1938 года, то есть до назначения на должность».*²⁶

Нельзя не сказать об истории создания 30-й Иркутской им. ВЦИК Краснознаменной стрелковой дивизии. Она была сформирована приказом по Третьей армии от 28 июля 1918 как Запасная стрелковая дивизия, из красногвардейских отрядов и воинских частей, действовавших на направлении Красноуфимск – Екатеринбург, а также жителей Красноуфимского уезда (Пермская губ.) и Златоустовского уезда (Уфимская губ.); дошла до Иркутска. В ходе боевых действий личным составом дивизии было взято в плен около 130 тыс. солдат и офицеров противника, свыше 400 орудий и 1,5 тыс. пулеметов. 10 апреля 1920 года за участие в боях на территории Сибири дивизия была награждена Почетным революционным Красным знаменем ВЦИК, получила почетное наименование Иркутской.

Надо отметить, что 30-я Иркутская стрелковая дивизия под командованием Грязнова стала одним из лучших соединений Красной Армии. На ее опыте учились, с нее брали пример. В 1934 году впервые в истории Вооруженных Сил дивизия была награждена орденом Ленина, с декабря 1938 года она носит имя Верховного Совета РСФСР.

В частях дивизии проходили службу М. Залка, К. П. Петров, К. К. Рокоссовский, И.Д. Черняховский и другие крупные военачальники.

Вот такую прославленную дивизию и предложено было возглавить С. С. Бирюзову. Почему? Ни тогда, ни сейчас однозначно дать ответ не представляется возможным. Слишком не-

простая была обстановка, к великому сожалению, во многих частях и соединениях Красной Армии.

С. С. Бирюзов выгадал «счастливый билет» в кровавой лотерее 1937 года: его не поставили к стенке, а, напротив, быстро продвинули по службе. Бирюзов стал комдивом в 35 лет — редкий случай даже для того времени. Но после массовых репрессий любой образованный и талантливый командир был на вес золота.

В воспоминаниях маршала С. С. Бирюзова находим интересный фрагмент, который хорошо иллюстрирует обстановку, сложившуюся в армии после массового уничтожения комсостава. По прибытии в расположение 30-й Иркутской стрелковой дивизии он зашел в штаб. В кабинете начальника сидел старший лейтенант. Бирюзов решил, что это адъютант, и спросил, где начштаба. Ответ был: «А я и есть начштаба». Увидев предписание Бирюзова, молодой офицер очень обрадовался: «Пройдите к командиру дивизии, товарищ полковник, а то мы тут совсем замучились!» В кабинете комдива сидел... другой старший лейтенант. Оказалось, что все старшие офицеры дивизии арестованы. Командование по боевому расписанию приняли командиры рот и отделений штаба. Старше них в дивизии офицеров не было.¹⁴

Вот типичные ситуации того времени.

Когда генерал-лейтенант С. А. Калинин прибыл в 1938 году командовать Сибирским военным округом, его встретил и. о. командующего округом капитан (то есть командир роты!). Старше в округе никого не было.

Где же они были? Их арестовали. Да, это был период массовых репрессий в армии. Они не являются предметом нашего исследования. Однако важно другое — как С. С. Бирюзов оценил морально-политическую обстановку во вверенной ему дивизии. Сделать это, на мой взгляд, было не просто. Давайте вместе прочитаем биографию его предшественника.

ЗУБОК Александр Ефимович. Комбриг (1935). Украинец. Член ВКП(б) с 1920 г. (в 1913-1917 гг. состоял в партии эсеров). Родился в мае 1893 г. в селе Козел Черниговской губернии в семье заведующего складом сельскохозяйственных орудий при Черниговской уездной земской управе. Окончив Черниговскую гимназию в 1913 г., поступил в Киевский университет. В 1915 г. пере-

велся в Петроградский университет. В 1916 г. призван в армию и направлен на учебу в Оренбургскую школу прапорщиков, которую окончил в марте 1917 г. После двухмесячного пребывания в запасном полку (г. Шуя) был направлен в действующую армию, в 22-й Сибирский стрелковый полк 6-й Сибирской стрелковой дивизии. В период октябрьских событий 1917 г. возглавлял солдатский комитет полка, был членом военно-революционных комитетов 5-го Сибирского стрелкового корпуса и Юго-Западного фронта. Последние чин и должность в старой армии – прапорщик, временно исполняющий дела командира роты 22-го Сибирского стрелкового полка.

Участник Гражданской войны на Украине. С января 1918 г. – начальник красногвардейского отряда при Черниговском губернском совете. По заданию Черниговского ревкома в 1918 г. полтора месяца служил рядовым в армии гетмана Скоропадского. С января 1919 г. – начальник отряда Черниговского ревкома, с февраля – командир батальона Черниговского губернского военного комиссариата. С сентября 1919 г. – командир 1-го Черниговского полка. С октября того же года командовал 537-м стрелковым полком. В августе 1920 г. стал начальником оперативной части штаба 1-й дивизии червонного казачества. С октября 1920 г. – помощник командира 2-й бригады той же дивизии. С ноября 1920 г. – командир 45-го кавалерийского полка. В боях был ранен.

После Гражданской войны на ответственных должностях в войсках Украинского и Харьковского военных округов. В феврале 1921 г. назначен командиром 2-й бригады 1-й дивизии червонного казачества. С июля 1921 г. – начальник штаба 17-й кавалерийской дивизии. С апреля 1923 г. – начальник оперативной части 1-го кавалерийского корпуса. С сентября того же года – слушатель Высших академических курсов (ВАК) при Военной академии РККА. С апреля 1924 г. – помощник начальника отдела подготовки командного состава Управления боевой подготовки РККА. С октября 1924 г. – начальник строевой части Высшей кавалерийской школы (переименованной в Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава – ККУКС) РККА. С сентября 1925 г. – помощник начальника Крымской кавалерийской школы имени Крымского ЦИК по учебно-строевой ча-

сти. С сентября 1926 г. — командир 4-го Харьковского кавалерийского полка 1-й Запорожской кавалерийской дивизии. В декабре 1928 г. назначен командиром 1-й бригады 3-й Бессарабской кавалерийской дивизии имени Г. И. Котовского.

Из воспоминаний генерала армии А. В. Горбатова (в 1928 г. назначенного командиром бригады в 3-ю Бессарабскую кавалерийскую дивизию): «Первой бригадой командовал хорошо мне знакомый А. Е. Зубок, образованный офицер, долгое время прослуживший начальником штаба дивизии. Я уже знал, что он очень умело организует занятия и учения. У такого есть чему поучиться. Узнав, что через три дня Зубок проводит очередные занятия с командирами, я попросил у него разрешения присутствовать на них. Он не только согласился, но и предложил взять у него ряд методических разработок. Большую пользу принесли мне его советы по организации учений». В 1931 г. окончил КУВНАС при Военной академии имени М. В. Фрунзе. В феврале этого же года назначен начальником штаба 2-го кавалерийского корпуса. С ноября 1932 г. — начальник и военный комиссар Киевской пехотной школы имени Рабочих Красного Замоскворечья. С декабря 1933 г. — начальник и военный комиссар Школы червонных старшин имени ВУЦИК. С января 1935 г. — командир и военный комиссар 30-й Иркутской стрелковой дивизии имени ВЦИК. С мая 1937 г. состоял в распоряжении Управления по начсоставу РККА.

Награжден орденами Красного Знамени (1933 г. Знак ордена № 113), Красной Звезды (1936 г. Знак ордена № 1368).

Арестован 8 июня 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 8 сентября 1937 г. по обвинению в участии в военном заговоре приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 9 сентября 1937 г. Определением Военной коллегии от 8 сентября 1956 г. реабилитирован.²⁷

Думается, искать ответ, как отреагировал на информацию об аресте командира дивизии — его предшественника С. С. Бирюзов, бесперспективное дело. Ведь только после смерти Сталина, после разоблачения его культа стали появляться воспоминания некоторых военных, переживших тюрьмы и лагеря.

Появились, например, воспоминания К. А. Мерецкова и К. К. Рокоссовского. Но эти авторы даже одним словом не упо-

мянули о своем пребывании в застенках НКВД накануне войны. Этот же «обет молчания» действовал, давил на психику и тех военных мемуаристов, которые служили в РККА в предвоенные годы. И вот спустя десятилетия, теперь они и на склоне лет делятся с читателем своими воспоминаниями и размышлениями о пройденном пути, о смысле жизни. Публикуют свои мемуары Маршалы Советского Союза И. Х. Баграмян, С. С. Бирюзов, А. М. Василевский, А. А. Гречко, А. И. Еременко, Г. К. Жуков, И. С. Конев, К. С. Москаленко. В основном они пишут о Великой Отечественной войне, но неизбежно вспоминают и предвоенные годы. И о репрессиях, о нависавшей над их головами секирой смерти — ни звука. Как будто ничего подобного и не было.

КОМДИВ 132-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

«В 1938 году был назначен командиром 132-й стрелковой дивизии, дислоцированной в Полтаве. В 1940 году, с введением в Красной Армии генеральских званий, присвоено звание “генерал-майор”».²⁸

Свою родословную 132-я Бахмачская Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия ведет с первых дней существования Красной Армии. (ЦАМО Ф. 1189. Оп. 48. Д. 1-17.)

Дивизия сформирована в 1939 году на базе 88-го Красноуфимского стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии. Перед Великой Отечественной войной 132-я дивизия дислоцировалась в Полтавской области на Украине (Полтава, Миргород, Красноград).

Интересна аттестация, данная 1 ноября 1940 года командиру 132-й стрелковой дивизии генерал-майору С. С. Бирюзову:

«Политическая подготовка имеется. В военном отношении подготовлен. Хорошо знает штабную работу. Командир дивизии молодой, но растущий. Работает, не считаясь со временем. Летняя лагерная учеба показала, что тов. Бирюзов в штабе не засиживается, больше бывает в частях на стрельбище и в поле. Планировать подготовку частей и нацеливать на задачи, поставленные Народным Комиссаром на летний период, умеет. Правильно на-



Командир 132-й стрелковой дивизии С. С. Бирюзов (справа) получает поздравление за успешно проведенные учения от командующего Харьковским военным округом И. К. Смирнова. 1940 г.



Командир 132-й стрелковой дивизии генерал-майор С. С. Бирюзов Полтава. Май 1941 г.

целивает свой штаб на контроль и проверку. Благодаря умелому руководству со стороны командира дивизии Бирюзова все части вошли в оценку «хорошо».

Дивизия в округе является на сегодня ведущей, а легкий армейский полк является лучшим полком из состава корпуса. Дисциплинированный командир. Сила воли достаточная. Должности командира дивизии вполне соответствует».

Исключительно интересны воспоминания жителя города Полтавы, кавалера двух орденов Красного Знамени и многих других боевых наград, капитана запаса Павла Васильевича Сазонова, который начал службу в 132-й стрелковой дивизии с осени 1939 года. Находясь на работе в штабе, он имел возможность часто общаться с генералом Бирюзовым, наблюдать за его многогранной деятельностью.

Сазонов хорошо усвоил взгляды Сергея Семеновича на важнейшую обязанность командира любого ранга – постоянно заботиться о сохранении жизни и здоровья подчиненных, наиболее полно удовлетворять их нужды и запросы, поддерживать на высоком уровне их боевую готовность.

Главная его задача состояла в том, чтобы подготовить личный состав к активным боевым действиям в сложных условиях современной войны. П. В. Сазонов неоднократно убеждался в этом, будучи адъютантом заместителя командира дивизии по материально-техническому снабжению. Вот о чем он рассказывал:

«Вспоминаю такой случай. В ноябре 1940 года Сергей Семёнович зашёл на склад, где хранилось зимнее оборудование. Проверив наличие шинелей, шапок и сапог, он обратился к моему начальнику:

— Сколько комплектов зимнего обмундирования потребуется, чтобы полностью обеспечить личный состав нашей дивизии на случай войны? Этот вопрос оказался для моего начальника внезапным, он заметно смутился, потом, немного подумав, ответил:

— Сергей Семенович! Ведь война-то пока от нас далеко. Мы заключили с немцами пакт о непадении. Словом, нет особой нужды заглядывать в будущее. А что касается настоящего, то все наши военнослужащие уже перешли на зимнюю форму одежды.

— Не станем говорить о пакте, — резко оборвал Бирюзов своего заместителя. — Об этом потолкуем как-нибудь в другой

раз. А сейчас прошу выполнить моё указание. Немедленно поезжайте в штаб округа и там решите вопрос о дополнительной поставке нам зимнего обмундирования, с учётом штатного расписания военного времени. Заодно побеспокойтесь о продуктах, фураже, горючем...

Указание Бирюзова было исполнено в срок. После этого Сергей Семёнович собрал совещание командиров частей, начальников служб, работников тыла. Выступая с докладом о мерах по дальнейшему повышению боевой готовности войск, он подчеркнул необходимость направить усилия офицеров на обеспечение воинов всем, что требуется на войне, начиная от винтовочных патронов и кончая орудиями крупного калибра». ²⁹



Комдив 132 -й дивизии
С. С. Бирюзов и комиссар
дивизии И. П. Луковкин.
Полтава. Июнь 1941 г.

ВОЙНА НАЧАЛАСЬ

*«В первые же дни Великой Отечественной войны с дивизией в составе 13-й армии вступил в бои с гитлеровскими захватчиками в районе Могилева. В районе Трубчевска дивизия была окружена превосходящими силами противника, но сумела выйти из вражеского кольца. Здесь я был трижды ранен, причем в последний раз тяжело. В бессознательном состоянии меня вынесли с поля боя. После госпиталя снова вернулся в ставшую родной дивизию, но ненадолго».*³⁰

Я думаю, что многие из моих читателей сталкивались не раз с тем, что участники Великой Отечественной войны на просьбу рассказать о пережитом, становятся немногословными, а порой даже отказываются говорить. Почему?

Видимо, так много пережито страшного, что даже вспоминать об этом не хочется. И автобиография маршала С. С. Бирюзова – не исключение из этого правила, общего для всех фронтовиков.

Но, как отмечалось выше, маршал оставил после себя мемуары. Следует отметить, что решиться на это смог не каждый военачальник, прошедший ту войну от первого до последнего сражения. Причин тому много. А Бирюзов решился, причем одним из первых, еще в 1950-е годы.

В связи с этим, думается, будет уместным привести слова его однокашника генерал-полковника П. И. Зырянова, сказанные о Бирюзове: «Мужик открытый, веселый, врожденный оптимист. Прямой, волевой, смелый, всегда имел свое мнение. Был хозяином своего слова и никогда от него не отказывался. Тому негативному, что происходило вокруг, он не находил оправдания. Армия наложила отпечаток на все его действия. Он был всегда подтянут, порой строг. Он не был лириком. К тому обязывали обстоятельства и ответственность. Мы условились с ним писать в своих мемуарах только то, что было, писать честно»...

И надо сказать, слово свое Сергей Семенович сдержал. Материал подан живо, присутствует ощущение взволнованности пережитым и личной сопричастности к тем фактам и событиям, о которых идет речь. В результате перед читателем разворачи-

вается широкая панорама боевых действий, включающая в себя информацию о героическом поведении солдат и офицеров в исключительно трудных условиях, а порой и в трагических ситуациях.

И все же следует отметить, «партийного подхода» в подаче некоторого материала маршалу С. С. Бирюзову не удалось избежать. Время написания мемуаров — 50-60-е годы — к тому обязывало. Как известно, период политической оттепели еще не означал отказа от цензуры, тем более, когда речь заходила о роли партии в победе над фашизмом, чести партийного мундира. Все это нашло отражение и в описании проведения тех или иных военных операций разных периодов Великой Отечественной войны.

Думается, настало время, на основе вновь открывшихся источников, дополнить некоторые важные эпизоды Великой Отечественной войны, нашедшие отражение в мемуарах С. С. Бирюзова. Это, в конечном итоге, не только не умалит подвига советского солдата и маршала, а наоборот, еще раз покажет миру силу духа русского человека, его непобедимости.

В своей книге «Суровые годы» С. С. Бирюзов так описывает начало войны: «22 июня 1941 года был выходной день. Лагерь дивизии располагался неподалеку от железнодорожной станции Ереськи вблизи Миргорода. Играла музыка. У всех было радостное, приподнятое настроение, — вспоминает С. Бирюзов. — Только в 12 часов по радио было передано правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Оно прозвучало как гром среди ясного неба. На лицах людей, еще недавно радостно и беспечно улыбавшихся, можно было прочесть недоумение, растерянность и даже испуг...»

Не ожидая указаний из штаба Харьковского военного округа, С. Бирюзов приказал объявить частям дивизии боевую тревогу. После проведения митингов части дивизии покинули лагерь и походным порядком двинулись к местам своего постоянного расквартирования — в Полтаву, Миргород, Красноград. Все имущество было погружено в эшелоны.

В штабе округа это посчитали самоуправством и потребовали вернуть части дивизии в лагерь. Однако комдиву С. Бирюзову

удалось убедить командующего войсками округа в правильности своего решения. За три дня удалось оукомплектовать части дивизии до штата военного времени.³¹

Вскоре пришел приказ о включении 132-й стрелковой дивизии в состав действующей армии и об отправке ее на фронт. Началась погрузка в эшелоны, хотя никто (в том числе и С. Бирюзов) не знал, куда и в чье распоряжение они должны следовать. Командование округа тоже (по мнению С. Бирюзова), по-видимому, не имело ясного представления об этом, но, выполняя директиву из Москвы, оно стремилось поскорее отправить хотя бы первые из тридцати пяти имеющихся эшелонов. Полевой лагерь 132-й стрелковой дивизии располагался неподалеку от железнодорожной станции Ереськи, вблизи Миргорода. В нем и находились части дивизии 22 июня 1941 года. После сообщения о начале военных действий был получен приказ вернуться в места постоянной дислокации. На мероприятия по доукомплектованию дивизии до штата военного времени выделили три дня. Как уже сообщалось, дивизия постоянно дислоцировалась в Полтаве, Миргороде, Краснограде. После доукомплектования отбыла на фронт 8 июля 1941 года, однако в чье подчинение и куда, не было известно. По ошибке железнодорожников дивизия С. Бирюзова прибыла не на тот участок фронта, где ей надлежало быть по приказу Генерального штаба. В результате 132-я стрелковая дивизия была включена в состав 13-й армии 20-го стрелкового корпуса и в середине июля уже сражалась с войсками Гудериана. Всего в дивизии насчитывалось около 15 тысяч человек, более 3000 лошадей, сотни автомашин. В целом она представляла собой серьезную боевую силу, и С. Бирюзов не сомневался, что, заняв отведенный ей рубеж, дивизия окажется в состоянии прочно удерживать его.³²

И тут, наверное, уместно будет привести воспоминания дочери маршала, Ольги Сергеевны, которые характеризуют поведение военного человека в сложных ситуациях.

«Перед отправкой на фронт на семейные дела у папы не было времени. Две с половиной недели пронеслись как одни бездонные сутки, заполненные мобилизационной работой, погрузкой в эшелоны пятнадцатитысячной массы людей с оружием, техникой, имуществом и лошадьми. Папа пришёл домой пе-

ред отправкой головного эшелона своей дивизии и сказал маме, что, если придётся, она должна будет покинуть Полтаву со всеми, он имел в виду эвакуацию. Проводить его на вокзал папа не разрешил, попрощались дома. Помню только, как он взял меня на руки, ходил со мной по комнате и что-то говорил тихим спокойным голосом».



С. С. Бирюзов в кругу семьи. 1941 г.

Вспоминая об отце, Ольга Сергеевна, и сама, видимо, не подозревая, отметила такую немаловажную черту военачальника, как личный пример во всем. «Папа ушел со своей дивизией на фронт, а мы остались в Полтаве, он не смог нас эвакуировать раньше. Он говорил: «Я не могу этого сделать, потому что начнется паника, все будут видеть, что комдив отправил свою семью, а все сидят на месте. И поэтому мы остались в Полтаве, а папа ушел. С этого момента и до середины декабря 1941 года мы не получали от папы ни строчки. Мама ходила по госпиталям и искала папу, нет ли его среди раненых. И ходила разговаривала с красноармейцами и командирами, не видели ли они комдива. И вот мы так и уехали. Ничего не знали о папе, ни строчки. И таких примеров было много».

Первую сводку с фронта, предназначенную для печати, И.В. Сталин пишет лично. Он тщательно подбирает слова, вновь редактирует уже набранный текст. Он хочет успокоить страну – «противник отбит». Но он-то уже понимает: произошло нечто страшное. Впервые за многие годы на карту поставлена как судьба страны, так и его личная жизнь...

Сводка Главного командования Красной Армии за 22.06.1941 года.

«С рассветом 22 июня 1941 года регулярные войска германской армии атаковали наши пограничные части на фронте от Балтийского до Черного моря и в течение первой половины дня сдерживали их. Со второй половины дня германские войска встретились с передовы-

ми частями полевых войск Красной Армии. После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями. И только в Гродненском и Кристынопольском направлениях им удалось достичь незначительных тактических успехов и занять местечки Кальвария, Стоянув и Цехановец, первые два в 15 км и последние в 10 км от границы.

Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Наши сбили 65 самолетов противника». ³³

Война с фашистской Германией заставила командиров на практике применить усвоенную в академии теорию. Но война ставила сотни проблем, для решения которых академия не дала и не могла дать готовых рецептов. Военная зрелость приходила к генералу Бирюзову непосредственно на поле боя.

ПЕРВОЕ БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Итак, 132-я стрелковая дивизия выехала на фронт 8 июля 1941 г. Первое боевое крещение дивизия получила на станции Чаусы под Могилевом, когда она подверглась атаке разведывательным отрядом противника. Следует отметить, что С. С. Бирюзовым предусматривалась возможность вступления в бой непосредственно из вагонов. Все люди были заранее проинструктированы и знали, что им нужно в этом случае делать. Бойцы перешли в контратаку и завершили разгром группы противника, захватив при этом несколько пленных.

Ветеран 132-й стрелковой дивизии П. В. Сазонов вспоминает: «Восьмого июля сорок первого года головной эшелон вместе со штабом дивизии завершил приготовления к выезду на фронт. Перед тем как дать ему «добро», Сергей Семенович тщательно проверял



Станция Чаусы. Здесь в 1941 году приняла свой первый бой 132-я стрелковая дивизия

размещение в вагонах и на платформах личного состава, вооружения, боеприпасов, продовольствия и так далее. Вспоминаю, как он подошел к платформе, на которой были погружены 37-миллиметровые зенитные орудия. Их зачехлённые стволы находились в горизонтальном положении. Ящики со снарядами лежали на другой платформе. Генерал тут же вызвал командира батареи и сделал ему строгое замечание:

– Вы куда собираетесь ехать, товарищ капитан! К теще на блины или на фронт? Если на фронт, то будьте добры установить орудия так, чтобы они могли в любую минуту открыть огонь по вражеским самолетам. Чехлы снять. Ящики со снарядами поднести к зениткам. Организовать в расчетах круглосуточное дежурство!

Много ценных указаний дал генерал и командирам стрелковых рот, саперам, связистам, медикам. И не напрасно. Через несколько дней, когда наш эшелон подъехал к станции Чаусы, в небе появились фашистские самолеты. Зенитчики сразу открыли по ним дружный огонь. Один стервятник, объятый пламенем, рухнул на землю. Остальные убрались восвояси. Вскоре подошли и немецкие танки, но их так же хорошо «угостили» наши артиллеристы. Ввели залповый огонь прямо с платформ. В этом скоротечном бою наш эшелон превратился в стального, оцетившегося ежа. Попробуй, возьми его! С нашей стороны потерь не было. И в этом заслуга Сергея Семеновича, который заранее принял все меры к тому, чтобы эшелон в полной сохранности прибыл на фронт.³⁴

Дальше следовать в эшелоне дивизии было уже нельзя: железную дорогу немцы разбомбили. С. Бирюзов распорядился немедленно приступить к выгрузке прибывающих частей и подразделений.

Как следует из журнала боевых действий, 11 июля 1941 года на станцию прибыло 5 эшелонов 132-й стрелковой дивизии, и она сосредотачивается в районе станции Чаусы.³⁵

Обстоятельства складывались так, что сам комдив решил разыскать какой-нибудь штаб: он предполагал, что где-то совсем рядом проходила линия фронта. И, действительно, в лесу восточнее станции Чаусы располагался штаб 13-й армии. С. Бирюзов в своей книге пишет о всех перипетиях поиска. Кроме того,

его дивизия в состав армии не входила. И потребовалось некоторое время для решения этого вопроса.³⁶ В конце концов Генеральный штаб распорядился включить 132-ю стрелковую дивизию в состав 13-й армии.

11 июля 132-я стрелковая дивизия получила приказ атаковать противника (передовые части Гудериана) в районе Быхова и сбросить его в Днепр. Объяснить, с каких рубежей и какие дивизии действуют в этом районе, передавший приказ командир из оперативного отдела штаба армии не смог. Лишь несколько позднее задача была уточнена.

Обстановка на фронте была чрезвычайно сложной и непредсказуемой. Наступление немецко-фашистских войск продолжалось. 4 июля передовые части 2-й танковой группы Гудериана вышли к Днепру и завязали ожесточенные бои за переправы. Как стало известно уже после войны из опубликованных воспоминаний гитлеровских генералов, замысел противника сводился к тому, чтобы обойти с севера и с юга Могилев, где в то время находился штаб нашего Западного фронта.³⁷

11 июля немецкие танковые дивизии форсировали Днепр. И отсюда Гудериан сразу же повел наступление на важные узлы дорог — Пропойск и Кричев.³⁸ Вот сюда-то и была брошена 12 июля 132-я стрелковая дивизия.

Обращает на себя внимание тот факт, что в ходе боя С. С. Бирюзов был ранен, распространился слух о тяжелом его состоянии: говорили, что у него оторвало нижнюю челюсть. Эти слухи быстро достигли Полтавы (как упоминалось выше, семья генерала жила именно там). Жена Сергея Семеновича долго ходила по госпиталям, тщетно разыскивая его.³⁹ В это время Бирюзов оставался в строю, после перевязки он снова вернулся на свой командный пункт.

Дочь маршала Ольга Сергеевна Бирюзова вспоминает: «Пока мы жили в Полтаве, прошел слух, что генерал Бирюзов отвоёвался (это было связано с его первым ранением, как стало известно впоследствии). Никто не мог сказать точно, от кого слышал, но многие говорили, что, сражённый фашистским снарядом, он упал у орудия, к которому сам встал в критический момент боя, и вряд ли его можно найти среди живых.

И все же мама не верила этим слухам. Она ходила от одного госпиталя к другому, пытаюсь узнать, нет ли среди раненых нашего папы, но всюду отвечали: «Генерала Бирюзова среди раненых нет». Так и покинули мы Полтаву с последним поездом ночью, под взрывы рвущихся бомб, ничего не зная о папе».

Ничего не зная о муже, Юлия Ивановна продолжала ждать и верить, что он жив.⁴⁰

Одной из особенностей войны является то, что она требует скорых решений. О действиях молодого комдива С. С. Бирюзова в боевой обстановке рассказывает старшая операционная сестра медсанбата 132-й стрелковой дивизии Е. Р. Линник. (Она прошла войну с первого до последнего дня. Награждена орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны второй степени, 12-ю медалями). Сейчас Екатерина Романовна Линник-Бережкова живёт в Москве. Вот ее воспоминания:

«Раненых с каждым днем становилось всё больше. Мы работали почти круглые сутки, не выпуская из рук хирургические инструменты, перевязочный материал, кислородные подушки, медикаменты. Все усилия были направлены на выполнение основной задачи — оказать пострадавшим срочную помощь, чтобы быстрее отправить их в тыловые госпитали.

Однажды после полудня в медсанбат неожиданно пришел генерал Бирюзов со своим шофером. Нижняя часть лица комдива была забинтована, свободными оставались лишь покрасневшие от бессонных ночей глаза. Сквозь марлевую повязку проступали кровавые пятна. Появление раненого генерала, только что возвратившегося с передовой, сильно нас встревожило. До слёз было обидно видеть своего любимого командира в таком положении. Ведь все сотрудники медсанбата, начиная от главного врача и кончая санитаром, давно знали Сергея Семёновича, уважали его за доброту и отзывчивость, ценили за строгость, требовательность и справедливость — качества, присущие советскому военачальнику. К счастью, рана Бирюзова оказалась легкой. Осколком снаряда ему сорвало кожу на подбородке. Плюс к тому — легкая контузия. Несмотря на это, врачи всё же пытались оставить его хотя бы на неделю в медсанбате, но он решительно возразил:

— Мое место на поле боя, где решается судьба нашей Родины!

В то время, как хирург, медсестра и комдив находились в перевязочной палатке, шофер ответил на наш вопрос: при каких обстоятельствах Сергей Семёнович получил ранение и контузию. А дело было так. Один из стрелковых батальонов дивизии вел тяжелый бой с фашистскими танками. Пехотинцы оказывали суровое сопротивление, но несли большие потери. Их ряды с каждой минутой редели. Чтобы спасти батальон от неминуемой гибели, требовалась срочная помощь артиллеристов. А их в боевых порядках на этот раз не было.

Наблюдавший за ходом боя генерал Бирюзов обратил внимание на противотанковую батарею, которая находилась сравнительно близко от батальона и занимала очень выгодный рубеж. По его мнению, эта батарея могла бы сыграть решающую роль в отражении танковой атаки. Так, возлагая на артиллеристов большие надежды, комдив вместе со своим шофером устремился к огненным позициям батареи. Но здесь перед ним предстала очень неутешительная картина: около повреждённых пушек лежали убитые и раненые воины. Правда, одно орудие каким-то чудом уцелело. Сергей Семенович с помощью шофера навел пушку на танк противника. Прозвучали выстрелы – один, второй, третий... и в это время рядом разорвался вражеский снаряд. Воздушной волной орудие опрокинуло, комдива отбросило в сторону. В считанные секунды шофер вынес его из-под обстрела, доставил в полковую санроту, затем привез в медсанбат.

Бирюзов задержался у нас в медсанбате ненадолго. Он побывал во всех палатках, беседовал с ранеными, интересовался их нуждами и запросами. Убедившись, что личный состав батальона выполняет свои обязанности с большим усердием и старанием, генерал поблагодарил нас за службу и уехал на командный пункт дивизии».

С тех пор прошло не так уж много времени, и Сергей Семёнович был ранен во второй раз, но более легко. Помощь ему оказали прямо на поле боя санинструкторы подвижного отряда 498-го полка.⁴¹

132-я стрелковая дивизия двое суток вела тяжелые бои у деревни Александровки и, прорвавшись, наконец, через шоссе Кричев-Пропойск, взяла направление на восток, то есть вышла из окружения. «Там, — вспоминает С. С.Бирюзов, — нам при-

шлось встретиться с исключительной подлостью гитлеровцев. Впереди своего подвижного отряда, направленного против нас, они пустили колонну автомашин, в которых находились захваченные в плен красноармейцы». ⁴²

С. Бирюзов так оценивал обстановку этих первых трудных дней войны: «Весь этот район, казалось, был залит кровью и объят пламенем. Горело все: подожженные гитлеровцами деревни, подбитые танки, автомашины. Смерд и дым висели над землей непроницаемой завесой». ⁴³

К середине июля 28 советских дивизий оказались в окружении и не вышли из него. Еще 70 понесли тяжелые потери. ⁴⁴

Из Журнала боевых действий войск Западного фронта за июль 1941 г. видно, что 13-я армия была в окружении. ⁴⁵

13 АРМИЯ- Части армии в течение 20.7 продолжали удерживать Могилевский район и вели бои на вост. берегу р. СОЖ, стремясь восстановить положение в районе КРИЧЕВ. 61 ск (110, 172 сд, 20 мк, 57 сп, 148 сд, без одного батальона, 543 ск, 132 сд) организовал круговую оборону и прочно удерживает рубеж: 20 мк- 26 тд прикрывая восточное направление, занимает рубеж ГЛАДКОВО, СУХАРИ, БОЛ. БАШКОВО, КИРП, зап. ЧЕРНЕВКА.

172 сд с одним сб 514 сп, 394 сп 110 сд, 307 сп 148 сд, сб 543 сп 161 сд прочно удерживают иредменный Могилевский район на рубеже ТЫМКОВИЧИ, ПАШКОВО, ТИШОВКА, БУФНИЧИ, /иск/ ПЕЧЕРЫ, БОЛ. БОРОВКА.

Искажено название населенного пункта в донесении: БУФНИЧИ, правильное название — БУЙНИЧИ. Можно было бы не заострять внимания на этой ошибке, если бы не одно обстоятельство. Именно события на Буйничском поле нашли отражение в романе К. Симонова «Живые и мертвые» и в книге его дневников «Разные дни войны». Почему писатель уделил им особое внимание и навсегда сохранил в своей памяти?

В те дни 26-летний К. Симонов был военным корреспондентом газеты «Красная звезда». По заданию редакции он с фотографом П. Трошкиным выехал на линию фронта к Могилеву, где в те дни шли тяжелые бои. Это была первая военная командировка Симонова. Под вечер 11 июля журналисты прибыли в город, поняли, насколько тяжелые бои идут в районе Могилева. Через день узнали ошеломительную новость: на подступах к городу, на Буйничском поле, во время ожесточенного 14-часо-

вого боя 12 июля 1941 года защитники города подбили и сожгли (используя бутылки с горючей смесью) 39 фашистских танков и отстояли рубеж обороны! С самого начала войны советская пресса не раз писала о множестве уничтоженной вражеской техники, но фотографии ее еще ни разу не публиковались. И ради таких сенсационных снимков военкоры не могли не отправиться на место событий.

Для прикрытия на время съемки им дали взвод автоматчиков — из ближнего леса в любой момент фашисты могли открыть огонь, но журналистам повезло, и заветные снимки были сделаны без помех. Впервые с начала войны были получены фотографии поверженной немецкой техники! Теперь нужно было как можно скорее доставить в Москву ценнейшую на тот момент информацию.

О своих впечатлениях в те дни К. Симонов рассказывает так: «...Середина поля. Могилев. С восточного берега на западный перекинут единственный деревянный мост. На нем не было ни одной пушки, ни одного зенитного пулемета.

Мы переехали на западный берег, в полк, оборонявший Могилев. В этот день был тяжелый, кровопролитный бой. Полк разбил сорок немецких танков, но и сам истек кровью. Вечером мы говорили с командиром полка полковником Кутеповым... На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице в самые тяжелые мгновения вдруг проявлялась неожиданно мягкая, детская улыбка.

Мы сказали ему про мост. Там нет ни одного зенитного пулемета, если немцы разбомбят мост, то он с полком будет отрезан здесь, за Днепром.

— Ну и что ж, — Кутепов вдруг улыбнулся своей детской улыбкой. — Ну и что ж, — повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чем-то самом обычном. — Пусть бомбят. Если другие отступят, мы решили тут остаться и умереть, всем полком решили. Мы уж говорили об этом»...

Эти герои, сумевшие остановить наступление гитлеровских войск среди царившей паники и неразберихи, на 23 дня приковав к себе целый армейский корпус гитлеровской армии, навсегда стали для Симонова не просто однополчанами. А события этих дней легли в основу сюжета его главного произведения —

романа-трилогии «Живые и мертвые». Полковник Кутепов стал прототипом героя романа — генерала Серпилина. При этом следует отметить, что 172-я и 132-я стрелковые дивизии входили в состав 61-го стрелкового корпуса и находились в окружении, по существу, в одном кольце.

«Полной ясности о том, что происходит в этом районе, не было ни у нас, ни у немцев. Во всяком случае, на отчетной карте немецкого генерального штаба с вечерней обстановкой на 13 июля Могилев показан уже захваченным немцами. То есть, когда мы приехали в Могилев в полк Кутепова, в немецкой ставке уже считали, что с Могилевом покончено.

В наших переговорных лентах за тот же день — 13 июля — сохранился текст сообщения, полученного штабом фронта: «...район Могилев. Положение не совсем ясное, делегат еще не прибыл... Могилев в наших руках...»

В сохранившейся оперативной сводке штаба 13-й армии за 14-е число сказано: «Армия продолжала упорные бои на Шкловско-Быховском направлении по уничтожению противника и восстановлению положения на восточном берегу реки Днепр... 61-й корпус продолжает бой...»

В немецкой сводке группы армий «Центр» за то же 14-е число указывается, что в то время, как «29-я дивизия в 10.00 достигла западной окраины Смоленска», «45-й армейский корпус продолжает бои с упорно сопротивляющимся противником в районе Могилев».

Очень показательна одна фраза в этой же сводке: «Упадка боевого духа в русской армии пока еще не наблюдается».

Если местность под Могилевом, где мы были в полку Кутепова, запомнилась мне во всех подробностях и я точно восстановил в памяти, где что было, не могу сказать этого о Чаусах. Именно там комдив С.С. Бирюзов собирал свои полки.

По архивным данным видно, что немецкие танки неожиданно подошли к Чаусам и к штабу армии 15-го в 5 часов вечера. В документах штаба Западного фронта есть записка, посланная из 13-й армии: «На подступах к Чаусы завязался бой с танками. 17 часов 17.VII с. г. Связь с корпусом прервана. Начальник штаба Петрушевский».

Надо сказать, что 13-й армии в те дни вообще не везло: 8 июля, возвращаясь к себе из штаба фронта, командующий 13-й армией генерал-лейтенант Филатов был обстрелян на дороге «мессершмиттами» и смертельно ранен. В командование армией вступил генерал-лейтенант Ремезов. Выехав вперед в войска, он по дороге наскочил на прорвавшихся немцев, тоже был тяжело ранен, и 14 июля его сменил Герасименко. В разгар немецкого наступления он оказался третьим командующим за неделю.⁴⁶

Как известно, писателя не стало 28 августа 1979 г. Но мало кто знает, что там, где погибли Семен Федорович Кутепов и его товарищи, бывший военкор Симонов завещал похоронить и себя. Симонов писал: *«Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне век не забыть, – поле под Могилёвом, где я впервые в июле 1941 года видел, как наши в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков...»*. В 1980 году, 25 ноября, на Буйничском поле был установлен большой 15-тонный памятный камень. На огромном валуне, установленном на краю поля, выбита подпись писателя «Константин Симонов» и даты его жизни: 1915–1979. А с другой стороны на валуне установлена и мемориальная доска с надписью: «...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах».

По странному стечению обстоятельств судьба постоянно прокладывала рядом жизненные дороги этих двух ярких и мужественных людей – К. Симонова и С. Бирюзова. Сначала в Рязани. И вот они снова рядом здесь, на полях сражения под Могилевом.

На рубеже реки Сож в районе белорусского города Кричева в июле – августе 1941 года шли особенно ожесточенные бои. Генерал-майора С.С. Бирюзова в эти дни можно было встретить на самых опасных и решающих участках. Под его командованием бойцы стойко обороняли занятые рубежи и надолго задержали продвижение противника.

В память об этом на берегу реки Сож под Кричевом воздвигнут обелиск. На нем высечены слова:

«Здесь, на рубеже реки Сож в июле-августе 1941 года в ожесточенных месячных боях успешно отражали непрерывные атаки превосходящих сил фашистов героические соединения 13-й

армии: 132-я стрелковая дивизия полковника И. Т. Гришина, 4-й воздушный десантный корпус генерал-майора А. С. Жадова, 6-я Орловская Краснознаменная стрелковая дивизия полковника М. А. Папсуй-Шапко, Ленинградский коммунистический батальон полковника Ф. А. Осташенко и другие воинские части.

Вечная слава павшим за свободу и независимость нашей Родины».



Ученики школы № 58 г. Рязани под руководством Р. А. Сафиуллина посетили места, где воевал в первые дни Великой отечественной войны С. С. Бирюзов



Эта река упоминается в воспоминаниях С. С. Бирюзова



За ратные подвиги



Мост через реку Проня



В краеведческом музее г. Кричева. Беседа с Михаилом Федоровичем Мельшковым, создателем музея

СУРОВЫЕ МЕРЫ

В это время выходит постановление Государственного Комитета обороны (ГКО) № 169сс от 16.07. 1941 г. «О строжайшем пресечении в Красной Армии нарушений воинской дисциплины, об аресте и предании суду группы командования ЗФ».⁴⁷

Приведу этот документ полностью, т.к в нем своеобразно оцениваются наши неудачи на фронте:

«Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого Государственный Комитет Обороны, по представлению Главнокомандующих и Командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду Военного Трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) Бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;

2) Бывшего начальника штаба Западного фронта генерала-майора Климовских;

3) Бывшего начальника связи Западного фронта генерала-майора Григорьева;

4) Бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;

5) Бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;

6) Бывшего командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Селихова;

7) Бывшего заместителя командира 60-й горно-стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;

8) Бывшего командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Галактионова;

9) Бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны предупреждает, вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом».

Как отреагировали на «строгие меры» в войсках, можно узнать из книги С. С. Бирюзова, в которой он писал: «Никого из нас, старших командиров, не могло, разумеется, удовлетворить сенсационное сообщение о предательстве руководства Западного особого военного округа». ⁴⁸ В предательство как-то не верилось. Приказ, объявлявший изменниками Родины бывшего командующего военным округом генерала армии Д. Г. Павлова и его ближайших помощников, у Бирюзова оставил самое тягостное впечатление. Ему трудно было представить, что боевой генерал, самоотверженно сражавшийся с германскими фашистами во время гражданской войны в Испании, переметнулся на их сторону. ⁴⁹

«Трагедия Западного особого округа состояла в том, что на него в первый же момент внезапно обрушились самые сильные удары авиации и бронетанковых соединений фашистской Германии. Беда, а не вина Павлова, — пишет С. Бирюзов, — заключалась в том, что он, строго выполняя директивы народного

комиссара обороны С. К. Тимошенко, написанные по личному указанию И. В. Сталина, до самой последней минуты не отдавал распоряжений о приведении войск в боевую готовность, хотя был осведомлен о концентрации немецких дивизий у нашей границы».⁵⁰

Маршал Г. К. Жуков впоследствии тоже дал оценку этому постановлению: «Всю вину за наши неудачи в начальный период войны Сталин постарался возложить на личный состав Вооруженных Сил. Был организован судебный процесс над командованием Западного фронта».⁵¹

В те же годы, спустя два десятилетия после Победы, и К. Симонов задает вопрос: «Что двигало Сталиным, когда он объявлял этих людей изменниками и предателями: отвести от себя и обрушить на их головы гнев и недоумение народа, не ожидавшего такого начала войны? Или действительные подозрения? Думается, и то, и другое — и расчет, и подозрения, ибо ему уже давно было свойственно искать объяснения тех или иных неудач не в ошибках своих и чужих, а в измене, предательстве и тому подобном.

От этой привычки потом, в ходе войны, ему пришлось, хотя и с рецидивами, но избавляться».⁵²

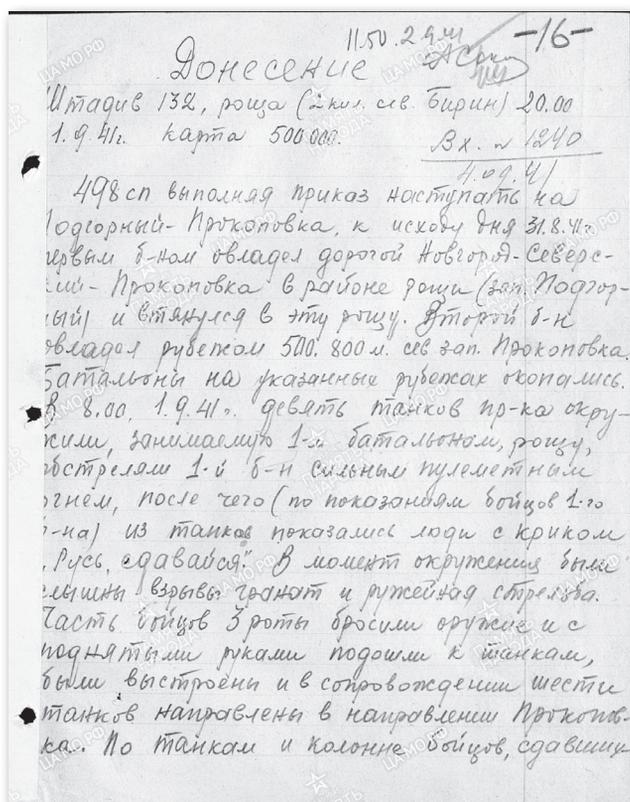
Однако заметим, что постановление ГКО было направлено в войска не для обсуждения, а для беспрекословного исполнения.

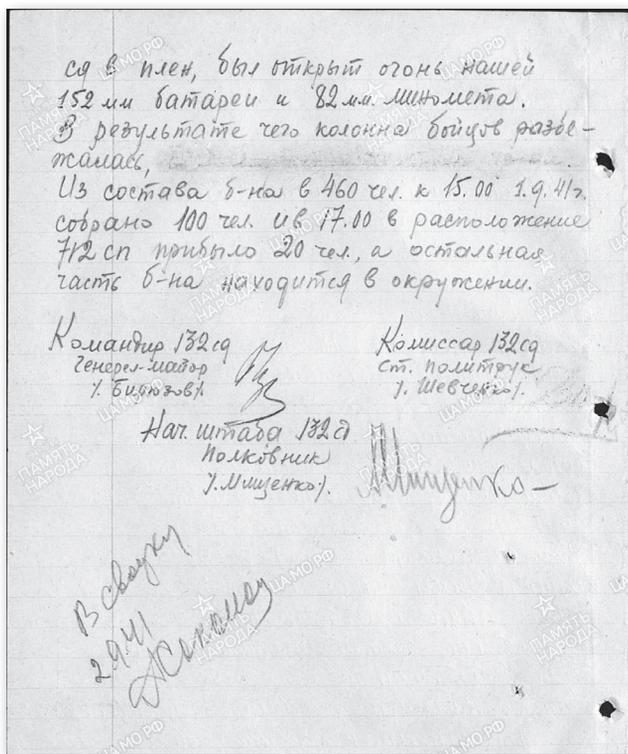
*«Государственный Комитет Обороны требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины».*⁵³

Подчеркнем еще раз: как показали судебные решения военных трибуналов, ссылки на какие-либо объективные причины невыполнения приказов и оправдывавшие или, по крайней мере, смягчавшие вину того или иного командира, допустившего невыполнение боевой задачи, не принимались во внимание и не учитывались при вынесении приговора. Приказ должен быть выполнен любой ценой.

Генерал С. С. Бирюзов испытал все это на личном боевом опыте в первые дни войны. К тому же военная обстановка усугублялась целым рядом обстоятельств, о которых говорилось выше. Стоит назвать и еще одно. «Тогда мы, конечно не знали, – пишет С. С. Бирюзов, – что 13-я армия находилась в полосе, выбранной гитлеровским командованием для нанесения удара в тыл всей гомельской группировки советских войск. По всей видимости, ожесточенные бои, которые мы вели в июле на рубеже реки Сож, не на шутку встревожили Гитлера, и он решил во что бы то ни стало разделаться с войсками, преграждающими путь Гудериану».⁵⁴

О том, как 132-я стрелковая дивизия противостояла осуществлению вражеских замыслов, можно узнать из донесения штаба дивизии, направленного 1 сентября 1941 года командующему 13-й армией и подписанного командиром дивизии генерал-майором С. Бирюзовым, комиссаром старшим политруком Шевченко, начальником штаба полковником Мищенко.⁵⁵

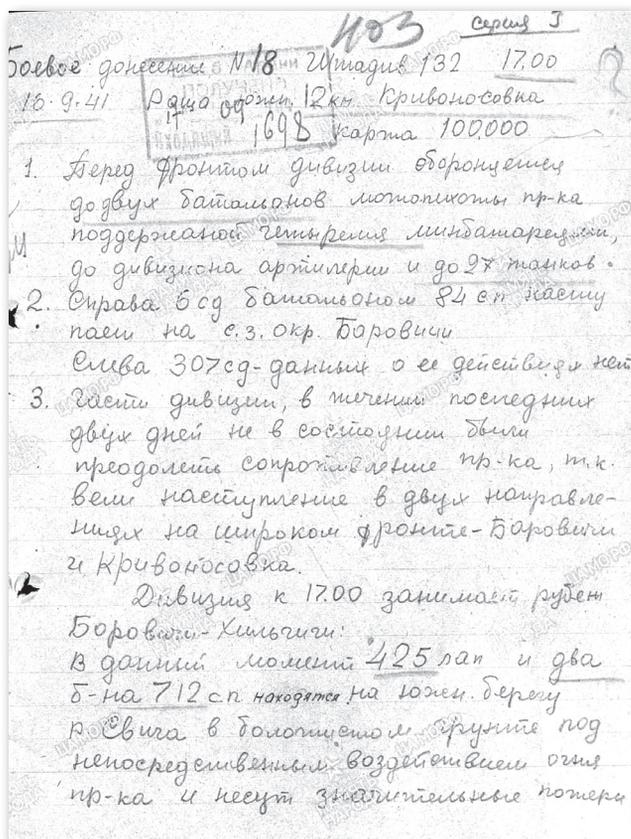




В этом коротком документе, который только год назад стал доступен исследователям, как в капле воды отразился драматизм и трагизм первых дней войны: массовый героизм советских солдат, ценой своей жизни пытавшихся остановить фашистские полчища, зачастую сражавшихся в окружении. Были случаи, когда солдаты, не выдержавшие такого физического и морального напряжения, самовольно покидали поле боя, порой сдавались в плен врагу. И, как свидетельствует архивный документ, командование применяло исключительную меру — расстрел дезертиров и паникеров, считая этот метод, видимо, самым эффективным. Главное, чтобы войска выполнили поставленную перед ними боевую задачу. «По танкам и колонне бойцов, сдавшихся в плен, был открыт огонь нашей 152 мм батареи и 82 мм миномета. В результате чего колонна бойцов разбежалась».

ДИВИЗИЯ НЕСЁТ БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ

Следует отметить, что обстановка на фронте продолжала ухудшаться. Так, в боевом донесении штаба 132-й стрелковой дивизии, представленном через две недели (16 сентября 1941 г.) в штаб 13-й армии, сообщается, что части дивизии, в течение последних двух дней не в состоянии были преодолеть сопротивление противника и несут большие потери. В донесении сообщается о факторах, не способствующих успешному выполнению боевой задачи, в частности: «местность абсолютно ровная, и части фактически отрезаны огнем противника, связь с ними чрезвычайно затруднена, доставка питания возможна только ночью». С. С. Бирюзов просит командарма разрешить дивизии занять оборонительный рубеж.⁵⁶



404

1. два б-на 712 сп до 40 чел., 425 лан до 50 жнов.
 Местности абсолютно ровная и гален
 фактически отрезаны огнем пр-ка, связь
 с ними чрезвычайно затруднена, доста
 на пшаницы возможна только ночью
 На участке Чубаносовка 498 сп и
 б-н 712 сп течение сегоднего дня
 имеют незначительное продвижение
 вперед, заняли хут. Будицкий с.з. Хмь
 гини и мте и находяться на южном
 берегу р. Бовиха.
 В образовавшийся разрыв между
 полками выдвинут своего
 резервную роту.
 В данный момент гален дивизию
 район хмь, в котором находится
 р. свина и Бовиха. В настоящее время
 ноего подразделения, т.к. в настоящее время
 итительный рубеж. В настоящее время
 • В районе рек Свина и Бовиха, в южном
 направлении находится

405

307сг, вост в своем
 полосу.
 Ввиду того, что прому, до перерути-
 ровки разрешить дивизию занять
 оборонительный рубеж по сев. берегу
 рек Свина и Бовиха. В 22.00 совместно с бат
 атакою Боровица

4. Прому даны указания к-ру 307сг,
 о захвате его дивизией, приехав от
 мени, Хмьгичи-находящиеся в
 его полосе, где сейчас действует
 б-н 712 сп

5. В 16.30 ю.ю.в. моего командного
 пункта произошел воздушный
 бой, результатом которого два наших
 бомбардировщика
 командир 132сг / командир 132сг
 генерал-майор / ст. лейтенант
 / Бирюзов В. / / Бирюзов В. /

нач. штаба
 полковник
 / Мищенко А. /

Для объективной оценки боевых действий дивизии и ее командира С. С. Бирюзова представляет большой интерес боевое донесение штаба 132-й стрелковой дивизии от 20 сентября 1941 г.:

« 1. Противник на фронте дивизии Боровичи-Кривоносковка упорно обороняется силами двух батальонов пехоты при поддержке четырёх мин-батарей, до одного дивизиона артиллерии плюс одна батарея дальнобойной из-за Десны крупных калибров, которая обстреливает наши батареи. В равное время появлялись на нашей полосе наступления от 10 до 20 танков, которые на данный момент почти исчезли. В Боровичи имеется до 3-х танков, столько же в Кривоносковка, которые провели сегодня контратаку на 498 сп.

Наблюдается прибытие пополнения пр-ка – 71 резервный б-он (из опроса военнопленного); пр-к подтянул дальнобойную артиллерию, ведущую огонь из р-на Бирин и Каменская Слобода. Усиливает свои огненные точки путём зарытия своих танков в землю. В Боровичи насчитывается до 12 станковых пулемётов. На фронте Боровичи – Кривоносковка пр-к отрыл окопы в две линии полной профили с перекрытием. В результате частых ночных действий пр-к готовится к ночи, занимает окопы первой линии автоматчиками и густо пехотой, подтягивает станковые и ручные пулемёты к передней линии окопов, а также ставит танки и ведёт огонь.

В результате пр-к открывает шквальный огонь по заранее пристреленным рубежам в пределах 500 м от деревни, и идущая в атаку наша пехота достигнув этого рубежа подвергается губительному огню, неся большие потери, вынуждена отходить в исходное положение. Так было в течение последних четырёх дней, так произошло в 18.00 30.9.41 с 1/498 сп, когда, заняв сев. вост. окр. Кривоносковка и подвергшись мощному огню пр-ка, вынужден был отойти с большими для него потерями, доходящими до 40 %.

2. Дивизия ведёт всё время наступательные бои, в результате пехота находится всё время на открытом месте и несёт большие потери. На 20.9 за 10 дней боя дивизия имеет потерь в личном составе: убито 156 чел., ранено 1042 чел., пропало без вести 211., попало в плен 26 чел. На 20.9 некомплект рядового состава в имеющихся двух полках 3426 чел., МНС – 555 чел., среднего командного состава 223 чел.

Полученное ранее пополнение и получаемые в настоящее время маршевые батальоны имеют низкую выучку и не менее 30% совсем не

проходило военного обучения; в наступление идут скученно, стрельбу из них ведут не более 25%, остальные не ведут огня, в результате чего несут большие потери.

Приданная артиллерия ограничена в своей огневой мощи, так как отпускается снарядов ограниченное количество, по системе дальнобойная, ведет огонь по площадям и огневые точки противника не в состоянии подавить ввиду отсутствия достаточного количества связи, примерно до километра не дотягивает до батальона.

Вывод:

1. Дивизия нуждается в пополнении людским составом, особенно в среднем начсоставе, которого недостает на 50%. В полках, главным образом командиров рот и политруков, а также и в рядовом.

2. Укомплектование артчастей и подразделений матчастью, а также батальонными и ротными минометами, станковыми ручными пулеметами.

3. Дивизия в настоящем составе дальнейшее наступление на 10км протяжении на расходящемся направлении Боровичи-Кривоно́ска вести не может.

4. Целесообразно дивизии до пополнения перейти к обороне по северному берегу р.Свита и Бычиха. В противном случае растают все имеющиеся кадры». ⁵⁷

ВТОРОЕ ОКРУЖЕНИЕ

«Второе окружение 132-й стрелковой дивизии переживалось нами куда более хладнокровно, чем первое, — вспоминает С. Бирюзов. — Имея уже некоторый опыт в этом отношении, я понимал, что главное теперь — это не терять напрасно ни одной минуты, сразу поставить перед людьми четкую и ясную задачу. И такая задача была поставлена: с наступлением темноты внезапно атаковать противника и разорвать кольцо окружения. Была предпринята одна из попыток вырваться из кольца. ⁵⁸

Мы уже изучили повадки гитлеровцев и хорошо знали, что сразу же с наступлением темноты — после ужина — они залягут спать. Уверенные в своем превосходстве, немцы воевали тогда «с комфортом», педантично соблюдая заведенный распорядок дня. ⁵⁹

Расчет наш оказался правильным. Дружная атака застигла фашистов врасплох. В сентябре 1941 года боевая обстановка вновь осложнилась. 132 сд снова оказалась почти на самом острие танкового клина сильнейшей танковой группировки гитлеровских войск под командованием Гудериана, нацеленной в конечном счете на столицу нашей Родины — Москву. 13-я армия оказалась в полосе главного удара противника». ⁶⁰

30 сентября 1941 г. началось новое большое наступление немецко-фашистских полчищ. Гудериан возобновил попытки прорваться к Москве. 3 октября нашими войсками был оставлен Орел, а спустя еще три дня — Карачев и Брянск.

Дивизии 13-й армии вновь были окружены. Из штаба армии поступило распоряжение готовить прорыв. В центре созданной для прорыва небольшой ударной группировки должна была наступать 132-я стрелковая дивизия.

Колонны дивизии походным порядком двинулись по проселочной дороге в направлении села Негино. Лобовая атака села грозила большими потерями, поскольку перед ними находилась открытая местность. И С. Бирюзов решил ввести противника в заблуждение.

В стороне от намеченного рубежа атаки он приказал сосредоточить несколько тракторов и включить их двигатели. Немцы приняли этот шум за работу танковых моторов и сосредоточили свои основные силы на этом направлении. Тем временем в лесу на проселочной дороге построились в колонну имевшиеся пять танков и все автомобили дивизии, в кузовах которых находились бойцы, вооруженные гранатами и автоматами. Замысел состоял в том, чтобы эта колонна, развев еще в лесу предельную скорость, под прикрытием артиллерийского огня быстро проскочила открытое место и ворвалась в село, прокладывая путь следовавшим за нею стрелковым цепям. Импровизированный передовой отряд ворвался в село. За ним устремились основные силы, расширяя участок прорыва. Через образовавшуюся брешь начали выходить остальные подразделения и части.

Из воспоминаний Героя Советского Союза генерал-майора С. П. Иванова (в рассматриваемый период он был начальником оперативного управления штаба 13-й армии и направлялся

в одну из частей в районе Быхова). Именно он и был тем «штабистом», которого разыскал С. С. Бирюзов. Вот что рассказывает С. П. Иванов:

«В тяжелых боях первого периода войны генерал Бирюзов зарекомендовал себя умелым и храбрым командиром. Он четко руководил частями дивизии, организовывал прочную оборону, решительно контратаковал врага. Глубокое знание военного дела, тактики, широкий оперативный кругозор сочетались у него с сильной волей, большим самообладанием. А еще с высочайшим личным мужеством. В сложных ситуациях Сергей Семенович всегда оказывался на решающих участках, не раз показал пример отваги и находчивости».

Эти обобщения, сделанные начальником управления штаба армии по результатам первых боев в первые месяцы войны, имели под собой самые серьезные основания. Молодой генерал С. С. Бирюзов смог именно так убедительно зарекомендовать себя в войсках.

«Вместе с 132-й стрелковой дивизией, — вспоминает С. П. Иванов, — ему пришлось выходить из окружения. В ночь на 17 октября головной полк у села Веселая Калина был встречен сильным минометным и пулеметным огнем противника. Наши цепи залегли. И тогда полк в атаку повел сам Бирюзов. Несмотря на ранение, генерал в числе первых ворвался в деревню.

В том бою комдив был ранен вторично, но, преодолевая боль, продолжал командовать. Собрав разрозненные подразделения в кулак, он вывел их из окружения. И это в третий раз с начала войны. Тогда Сергея Семеновича наградили орденом Красного Знамени.

Генерал-майора Бирюзова военный совет 13-й армии аттестовал так: «В тактической обстановке разбирается хорошо. Умело управляет частями в бою. В боевой обстановке не теряется. Смелый, решительный, не знающий страха командир... Достоин выдвижения на должность заместителя командующего армией или начальника штаба армии». ⁶¹

«На протяжении трех с лишним месяцев 132-й стрелковой дивизии пришлось вести ожесточенные бои с противником, пытавшимся окружить и уничтожить нас». За это время дивизия прошла под огнем сотни километров непередаваемо тяжелого

пути отступления. Тысячи уничтоженных вражеских солдат и офицеров, множество подбитых танков, орудий, машин и другой техники — таков итог ее боевых действий с момента прибытия на фронт до переправы через реку Свапа. Правда, и в самой дивизии потери были немалыми. «Однако в основном все подразделения дивизии вырвались из трехкратно смыкавшегося вокруг них вражеского кольца. Ядро дивизии, ее костяк сохранился». ⁶²

После тяжелого ранения С. С. Бирюзова отправили в Воронеж, в тыловой госпиталь, затем на долечивание — в Алма-Ату.

Вспоминает дочь маршала О. С. Бирюзова: «Ноги (у Бирюзова) были перебиты. Когда он лежал в госпитале, ему хотели ампутировать, и он никак не соглашался, говорил: «Ни за что! Попробуйте что-то сделать». И, в общем, сделали несколько операций и поставили его на ноги».

Из воспоминаний О. С. Бирюзовой: «Я хочу вернуться к тому моменту, когда он нас нашел в Чкалове. Получилось так, что наш эшелон, в котором мы ехали, мы путешествовали в этом эшелоне с эвакуированными два месяца. Нас в одном месте высадят... Первый раз нас высадили в шахтерском городке на Донбассе. И, вы знаете, насколько была дружба у людей, насколько это горе общее всех сплотило. То есть пришли шахтеры на станцию, знали, что придут эшелоны с беженцами, и пришли вот эти шахтеры разбирать семьи по своим домам. И вот мы попали в одну семью, они нас искупали, потому что мы бог знает сколько ехали — ни умыться, ничего. Где-то выскочишь — речушка, мама где-то нас умыла. Нет — значит, вот так вот едем. В товарных вагонах, открытые двери. Слава богу, лето было. Нас разобрали семьи шахтеров, и утром мы просыпаемся — во-первых, все кругом чисто, в чистой кровати, солнце все заливает, пришли в кухню — там накрыт стол. Вот как сейчас помню — картошка молодая отваренная, лук, помидоры, огурцы, яйца крутые и масло сливочное. Мы же недели три-месяц питались чем попало. Что мама перехватывала, то мы и ели. И записка: «Будем после обеда. Ешьте все, что нужно».

Мы побыли у них дней 10, наверное, и нас, семьи военных, снова поместили в эти эшелоны, поехали дальше. Не знаем, куда. И приехали в вечер на какую-то станцию. Это была какая-то та-

тарская деревенька. И в нашем вагоне были почти все из папиной дивизии. А мама взяла документы о том, чтобы просить руководство высадить нас в каком-то крупном центре. Вагон был полный — дети, подростки, всем молчать, задвинули двери, тишина. Весь состав выгрузили, подъехали подводы, всех со скарбом перевезли в эту деревеньку, которая была в нескольких километрах от этого полустанка, и ночью стали проверять состав с факелами. Открывают наш вагон, а он битком набит, полный. Тут такой скандал поднялся: «Что вы наделали! Мы сейчас вас выселим! Будете сидеть в поле! Кто за вами приедет?» Потому что уже всех увезли.

Наступила ночь. В общем, мама говорит: «Вот, у нас есть бумага». Они говорят: «Состав идет в Чкалов. Если успеете перебраться туда, ваше счастье. Не успеете, значит, будете здесь ночевать, и что будет дальше с вами, неизвестно». И вот мама говорит, что если бы мы остались в этой деревне, папа нас бы никогда не нашел, и мы бы там так и остались. Потому что маленькая деревенька — как вообще можно? И вот мы попали в Чкалов и там две недели жили на вокзале на скамейках. Разор был страшный. Через две недели женщины пошли по военным организациям — ни денег, ничего нет. Аттестат надо. А чтобы взять аттестат, нужны документы или знать, где мужья воюют. В общем, их нигде никто не принимал, выгоняли отовсюду. А среди них была одна из особого отдела. Она говорит, что вот, вас нигде не принимают, пошли тогда в наше КГБ. Ну, вы помните, какие были разговоры и прочее-прочее. Но деваться некуда, пошли. Пришли они в это управление, а им там: «Да садитесь, да отдохните, да мы вам сейчас воды». Они, конечно, разревелись все, потому что их кругом гнали, а тут — садитесь, да в чем дело, да расскажите, да мы сейчас попробуем что-то сделать. В общем, выделили им какие-то небольшие денежные средства. И вот мама тогда сняла даже не комнату, а угол у бабушки одной на окраине за вокзалом.

И когда папа узнал, что мы находимся в Чкалове, приехал на вокзал, выходит, к нему подходит дежурный офицер: «Товарищ генерал, куда вас?» Он говорит: «У меня семья здесь, давай в центр». Вот, значит, они едут в центр. «А на какой улице-то?» Папа: «На 2-й Буранной». «Товарищ генерал, вы бы сказали сра-

зу. Это у нас здесь на слободке, за вокзалом». И вот они приехали на эту Буранную, а там деревянные домики на курьих ножках стоят. И вот папа поднялся в этот домик, а выпрямиться не может. Маленькие потолки там. Вот так вот стоит и в ужасе, где его семья находится. Тут прибежали все женщины, которые с мамой были, жены его сослуживцев, конечно, со слезами и со своими просьбами. Он говорит: «Ну, завтра пойду к коменданту Чкалова бить морду. Что это такое? Мы воюем, а наши семьи вот в таком состоянии находятся». И пошел к коменданту. А навстречу идет его сослуживец, где-то они вместе служили, знали друг друга. Тот: «Сережа, дорогой!» А он с костылем, с палкой. Говорит: «Подожди. Я пришел отколотить тебя. Что ты делаешь с нашими семьями?» Он говорит: «Да я только заступил сегодня».

А того коменданта города расстреляли, у него жуткое безобразие – и растраты были страшные, и раненые у него прямо на вокзале лежали. Страшное дело было. Его под суд. И через неделю папа нас забрал. А он, когда лежал в госпитале Алма-Ата, там нас разыскивал. Ему выделили комнату, а комнату выделили в домах наркомата. Тогда у нас не министерства были, а наркоматы. И вот у наркома сельского хозяйства была трехкомнатная квартира, его потеснили и предложили папе одну комнату из этих трех. Папа говорит – взял самую солнечную. Мы потом с ними очень подружились. Чудесная семья. Было у них двое детей. Мы потом даже с ними переписывались. И в Алма-Ата мы прожили два года. Папа с нами недельку побыл и потом отправился на фронт». ⁶³

В этом откровенном рассказе спрессовано все: страшные будни войны на фронте и в тылу, ужасы эвакуации, стойкость женщин и детей, переживших тяжелейшую дорогу от западной границы на Урал. Все там были в равных условиях – дети генералов и дети шахтеров. Все ждали сводок с фронта и писем от родных мужчин. Семье Бирюзова повезло. Сергей Семенович оказался в отпуске по ранению в тылу, помог своей семье чуть лучше устроиться. А ведь мог и не оказаться в тыловом госпитале. Мог просто до него не дожить... Ранение было слишком тяжелым. Иначе бы его в далекий тыл не отправили. Не та обстановка была на фронте, чтобы долечиваться генералу. А могло все обернуться и вовсе по-другому. После тяжелого ранения мог 36-лет-

ний Бирюзов остаться безногим инвалидом и навсегда остаться в тылу. К его счастью и по его настоянию этого не случилось. Ноги удалось спасти. Генерал Бирюзов возвратился на фронт.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНУЮ ДИВИЗИЮ

«После госпиталя снова вернулся в ставшую родной дивизию, но ненадолго. В апреле 1942 года я был назначен начальником штаба 48-й армии, которая вела бои на Орловском направлении в составе Брянского фронта». ⁶⁴

Обращает на себя внимание и тот факт, что после излечения С. Бирюзова хотели назначить начальником штаба резервной армии. Однако он отказался от нового назначения и попросил направить его в родную 132-ю стрелковую дивизию, посчитав при этом, что на посту командира он принесет больше пользы. ⁶⁵

Дивизия участвовала в зимнем контрнаступлении под Москвой. Она освобождала от противника Елец и Ливны. Люди гордились этим и рвались к новым боям. И еще одно приятное событие произошло в жизни генерала С. С. Бирюзова. За участие в тяжелых оборонительных боях осенью 1941 года, когда его дивизия нанесла значительный урон врагу, советское правительство наградило его орденом Ленина.

Наступательные действия к приезду комдива успели закончиться. Весь Брянский фронт опять перешел к обороне. Исчерпав свои возможности для наступления по всему фронту, 13-я армия продолжала наносить противнику отдельные удары с ограниченными целями.

Разумеется, из сказанного не следует, что войска получили передышку. Наши командиры уже в полной мере испытали на себе, что значит иметь слабо обученные войска. Убедительным примером деятельностного подхода к обучению солдат тому, что необходимо на войне, является приказ командира 132-й стрелковой дивизии генерал-майора С. С. Бирюзова от 24.02.1942 г. «О подготовке начсостава штабов, частей и подразделений рядового и младшего начсостава 132-й сд»:

«Боевая и политическая подготовка с начсоставом штабов частей, с командным составом подразделений в частях и рядовым составом поставлена плохо, носит поверхностный характер, не введена в систему и не отвечает требованиям сегодняшнего дня.

Несмотря на то, что начсостав штабов частей еще недостаточно умело выполняет свои обязанности, делу подготовки начсостава штабов в частях уделено мало внимания.

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Организовать регулярную и систематическую учёбу с начсоставом штабов, обратив при этом особое внимание:

а/ Отработке документов каждым командиром штаба, согласно занимаемой им должности и в порядке взаимозаменяемости.

б/ Практика скрытого управления войсками.

в/ Управление подразделениями в бою.

2. Организовать и вести систематические занятия с начсоставом подразделения, обратив особое внимание на отработку:

а/ Управление подразделением в бою /отделение, взвод, рота/
/сочетание огня и движения, использование огня пулеметов и винтовок в бою, умение тактически правильно ставить задачи поддерживающей артиллерии, привлекая на эти занятия командиров, поддерживающих батарей/

б/ отработать с начсоставом всех степеней по тактической подготовке темы:

г/ наступление во взаимодействии с миномётами и артиллерии.

2/ организация обороны и система огня в обороне.

3/ организация отражения атак противника на оборонительный участок

Тактическую подготовку с начсоставом проводить на местности путем 2–3 часовых коротких летучек, исходя из реальной обстановки. Обратить особое внимание при этом на правильность принятых решений командирами и организацию осуществления этих решений.

3. На занятиях с рядовым составом обратить особое внимание:

а/ На усовершенствование знаний материальной части личного оружия, главным образом уметь им пользоваться в бою

б/ Ежедневной тренировке в умении использовать индивидуальные средства противохимической защиты

в/ Уметь окапываться в наступательном бою и возводить сплошные оборонительные сооружения /окопы полной профили, блиндажи, щели, ДЗОТ/ в обороне.

Провести взводные учения со всеми взводами в частях на тему: наступление стрелкового взвода с использованием ротных миномётов, обратив особое внимание на отработку взаимодействий с ними.

4. Устанавливаю как правило: с командным составом до командира роты включительно, занятия проводит командир полка, его заместитель или начальник штаба полка. С командирами взводов занимаются командиры батальонов, с мл. ком. составом – командиры рот.

5. Командирам частей, исходя из конкретной обстановки, на своём участке, спланировать учёбу со всеми категориями военнослужащих, без ущерба бдительности насения боевой службы. На участках обороны и при условии непрерывного усовершенствования в инженерном отношении своих участков обороны.

Занятия проводить исключительно по утверждённым командованием части расписаниям.

6. Планы занятий со всеми категориями военнослужащих в частях представить мне к 25.2.42 г.

П.п. Командир дивизии /Бирюзов/». ⁶⁶

Если заглянуть в журнал боевых действий 132 стрелкой дивизии мы увидим, что части дивизии продолжали удерживать и укреплять прежний рубеж обороны. Существенных изменений на фронте дивизии не произошло. Части дивизии продолжали укреплять свои участки обороны.

Приведу выписку из журнала боевых действий 132-й стрелковой дивизии за март месяц 1942 года:

«1.3.42 г. Части дивизии продолжают удерживать и укреплять прежний рубеж обороны. 605 сп вторым батальоном обороняет ТРУДЫ МЕРЯЕВА. Второй эшелон полка и штаб полка – огорожено.

712 сп- БЕРЕЗОВЕЦ, МУРАТОВКА, СЕННОЕ, РУБЛЁНКИ, КОЛОДЕЦ, ЖЕНОВЕЦ, КАДИНКА, КАДИНСКИЕ ВЫСЕЛКИ. Штаб полка – ЖЕНОВЕЦ.

В./ 498 сп- ДУБИНКИНА, ОРЛЫ, ТРУБЫ, НОВЫЙ ПУТЬ, ШИ-

ЛОНКА, ОТРАДНЫЙ, БЕРЕЗОВЫЙ, СИДОРОВКА, ПОКРОВКА, Штаб полка-СИДОРОВКА.

Г./ 642 кап преданный занимает прежние боевые позиции штаб полка-Сидоровка. Спецподразделения дивизии и Штадив — НИЖН. ЖЕРНОВЕЦ.

Части дивизии на 1.4.42 имеет 2221 активный штык из них 712 сп-657, 498 сп-1039, 605 сп-525. В течение дня огнем артиллерии 498 сп убито и ранено 15 немцев в районе КРАСНЫЙ.

2.3.42 г. Изменений в расположении дивизий не произошло в 14.00 до 150 человек передвигалось из ВОЛЧЬЕЙ ДВЕРЫ на БЕРЕЧКА и из Дроского до 300 чел. Так же в БЕРЕЧКА колонны противника были обстреляны артогнем, рассеяны, имеют потери. В результате арт и мин обстрела со стороны противника участков обороны полков части имеют потери, 2-убитых и 5 раненых красноармейцев. Лошадей убито-1, ранено-1.

В дивизию пришло пополнение в количестве 750 чел.

3.3.42 г. На всех участках обороны полков проводились инженерные работы по укреплению участков.

В 2.30 из СЕТЕНЁВА и ДУБИНКИНА перешли в наступление до 300 немцев тремя группами до 100 чел по большаку на ДУБИНКИНА до 150 на южную окраину и 50 на сев. зап. окраину села. Подпустив противника на ближнюю дистанцию 7 и 8 роты открыли по противнику огонь из всех видов вооружения. В 4.00 не выдержав нашего огня противник с потерями отошёл в СЕТЕНЕВА. Потери противника не установлены, на поле боя с наступлением светлого времени на снегу много обнаружено кровавых следов. Части дивизии за один день потеряли раненым — 1 чел, убито — 1 лошадь.

4.3.42 г Существенных изменений на фронте дивизии не произошло. Противник ограничился ведением редких арт. и мин. огня по всему фронту обороны дивизии. Потерь и трофеев нет.

5.3.42 г Части дивизии продолжали укреплять свои участки обороны, занимались военной и политической подготовкой. Артобатарея 498 сп, ведя огонь по КРАСНЫЙ, заставила замолчать минбатарю противника».⁶⁷

В непрестанно меняющемся ходе боевых действий, разумеется, принимались не только правильные, но и не совсем удачные решения. В деятельности командиров 132-й стрелковой ди-

визии имелись недостатки, о которых было доложено Военному совету 13-й армии.

Вот как докладывал о выполнении резолюции Военного совета комдив С. С. Бирюзов:

«Докладываю о выполнении вашей резолюции на документе майора ДОМОЖИРОВА.

1. Ряд замечаний т. ДОМОЖИРОВА соответствует действительности, мне они были известны и по данным недостаткам со всей возможной энергией работаю и заставляю работать всех.

2. Все сделанное по обороне в части устройства ДЗОТ и приспособлений считаю каждый раз недостаточным, однако, в п. ВЫСОКОЕ, о котором т. ДОМОЖИРОВ докладывал, можно поместить гарнизон в готовые ДЗОТ-ы в 3 раза превосходящий существующий гарнизон.

3. В части оценки руководства командира полка и начальника штаба со стороны тов. ДОМОЖИРОВА сделано поспешно и необоснованно. Тов. ЛОМТАДЗЕ систематически находится в ротном районе непосредственно занимающем оборону перед УСТЬЛЕСКИ. Очень трудолюбивый и храбрый командир. В части наличия двух квартир у командования полка докладываю: штаб расположен в ОГОРОЖЕНО и там они имеют квартиру, вторую имеют ВЫСОКОЕ, так как большое время проводят ВЫСОКОЕ, передовом пункте. Плохого в этом я ничего не нашел, а в документе ДОМОЖИРОВА это доложено вам, как отрицательный факт, да и едва ли это является заслуживающим внимания.

4. О ведении огня на дальние дистанции, согласно проверенным данным и свидетельским показаниям установлено постепенное ее прикрытие, так с 12.3 по 23.3.42 г. данным огнем уничтожено 14 немецких солдат. Беседовал совместно с комиссаром дивизии с частью тех бойцов, которые действительно стреляли и убили.

5. В отношении руководства действиями разведки – проводил зам. ком. дива разведчик дивизии и ДОМОЖИРОВ, а т. ЛОМТАДЗЕ совершенно не поручалось руководство ночным поиском.

*Все, что в препровожденном мне документе есть справедливого устраняется с полным рвением. Прилагаю объяснение командира полка».*⁶⁸

Можно сделать и еще один вывод: С. С. Бирюзов защищал своих подчиненных от необоснованных обвинений в их адрес и не боялся брать на себя всю полноту ответственности.

Рассмотрим еще один, исключительно интересный, документ — «Доклад об общем состоянии 132-й стрелковой дивизии», составленный С.С. Бирюзовым. Его содержание дает полную и объективную характеристику дивизии. Надо сказать, что в нем не замалчиваются недостатки и просчеты. Думается, командив знал, что вышестоящее командование не любит подобные «объективки», и тем не менее, написал все так, как считал нужным. Это еще раз подтверждает — С. С. Бирюзов был принципиальным командиром. Давайте прочтем некоторые оценки и выводы, содержащиеся в докладе:

«Проверкой установлено, что до 90 процентов командиров взводов совершенно не знают топографию и не умеют пользоваться картой.

В дивизии было 1647 чел., с 1 января 1941 г. поступило пополнение — 5367 чел. т.е. 75 процентов. Абсолютное большинство пополнения не служило в армии и необученные. Большая засоренность пополнения осужденными — свыше 400 человек.

Далее отмечается в докладе, что система огня не является целостной, а отдельными очагами и весьма дырявыми. На каждый километр фронта приходится одна пулеметная точка, два миномета на 1 км фронта.

Общее заключение.

Дивизия частично в состоянии принять материальную часть, но только носимую, возимую же без тягловой силы принять не можем.

Необходимо пополнить большим количеством пулеметов и винтовок, тягловой силой (живой или механической)».⁶⁹

Из другого документа видно, что в сложившихся условиях в подразделениях дивизии использовались трофеи, что вероятно немного выручало, помогало восполнять имеющийся недостаток оружия и боеприпасов, техники, обмундирования. И в этом есть своя глубокая и полная правда войны: сражались, используя все имеющиеся возможности, обращали против врага его же оружие. И крестьянская сметливость, и хватка брали свое — все шло в дело, все использовалось для нужд армии. За этим документом

-88-

Сводный
по списку имущества 132 с. г. на 5.9.47.

Наименование имущества	Кол-во	Куда сдать		Уничтожен
		Р. с. в. н. о. п.	В/ч.	
Витамин	4	-	6	1
Других витаминов	3	-	-	3
Станок для вышивки	1	-	-	1
Орудие 37 мм	1	-	-	-
Орудие 75 мм	1	-	-	1
Резиновые перчатки	2	-	-	1
Бронев. стариков к 37 мм орудию	23 шт	-	-	23 шт
Мин. К. р. б. Милем	2 шт	-	-	20 шт
Коробка с инструм. на- бором "Тригранник"	1 шт	-	-	карт 16 шт 4800
Лейтенантов	6	-	-	6
Тифозиков	5	-	-	5
Персонал машины	1	-	-	1
Мот. транспорт	1	-	-	1
Кухонь	1	-	-	1
Профилологов	6	-	6	-
Камели	5	-	5	-

№	Наименование имущества	Кол-во	Куда сдать		Уничтожен или пропущен
			Р. с. в. н. о. п.	В/ч.	
18	Предков	2	-	2	-
19	Прорези. Клань	2	-	2	-
20	Пангок	2	-	2	-
21	Салом. резин.	1	-	1	-
22	Орудия	3	-	3	-
23	Коробки инструм. набор	3	-	3	-

Най. отбрасываю
по списку имущества 132 с. г.
Лейтенантов, 5.9.47.

(ЦАМО, Ф. 1354, Оп. 1, Д. 17, Л. 88)

хорошо просматривается большой жизненный опыт паренька из скопинской глубинки Сергея Бирюзова, вдоволь хлебнувшего лиха.

Есть под Москвой село Филатово. Здесь живёт Семён Ефимович Карякин, ветеран 132-й дивизии. Находясь на службе в 605-м полку, он прошёл в должности старшины с боями от Ельца до Берлина. Награждён за ратные подвиги орденами Красной Звезды, Отечественной войны второй степени, десятью медалями. Вот о чем он рассказывает:

«Начало 1942 года было ознаменовано большими и радостными событиями на фронте. Советские войска на полях Подмосковья разгромили немецко-фашистские полчища, неудержимо продвигались вперёд, освободили много населённых пунктов. Наша дивизия также провела ряд успешных наступательных операций, перешла к обороне. В это время мне довелось два раза видеть нашего генерала Сергея Семёновича Бирюзова, возвратившегося из госпиталя после тяжёлого ранения.

Наш полк держал оборону шириной примерно до десяти километров. От каждого батальона, как это положено, было выставлено боевое охранение с задачей: зорко следить за передним краем противника, докладывать командиру батальона обо всех изменениях, происходящих в полосе нашей обороны.

И вот произошел такой случай. На исходе дня, когда на землю спустились сумерки, группа фашистских разведчиков незаметно проделала в проволочном заграждении проход и пыталась завязать ближний огневой бой. В этом случае стрелковому отделению, которое находилось в боевом охранении, следовало бы открыть по немцам ответный огонь. Но этого не произошло. Не приняв боя, отделение отошло в окопы своей роты. Попросту говоря, оно уклонилось от выполнения своей задачи. Конечно, командир роты навёл порядок на переднем крае — отбросил противника за нейтральную полосу.

В этот вечер на командный пункт полка приехал на лыжах С. С. Бирюзов. Поинтересовался, как несут солдаты службу в обороне, хорошо ли охраняют передний край. Командир полка подробно ответил на все вопросы генерала — не стал даже скрывать и случай с боевым охранением.

— Сейчас же направьте ко мне командира этого отделения. С ним надо очень серьёзно поговорить, — обратился Бирюзов к полковому начальнику.

Не прошло и двадцати минут, как сержант был уже в зем-

лянке. Между ним и генералом состоялся примерно такой разговор:

– Какую задачу ваше отделение выполняло?

– Несло службу в боевом охранении.

– Почему вы оставили свои позиции? Кто вам дал на это право?

Сержант стоял молча, опустив глаза. Потом сказал, что в его отделении почти все солдаты недавно пришли с новым пополнением. В боях ещё не участвовали. Пороха не нюхали. И вот при первом серьёзном испытании они растерялись.

– Нет, не то слово, сержант! – поправил его Бирюзов. – Они не растерялись. А просто струсили. Проявили недисциплинированность. За это на войне очень крепко наказывают.

Долго разговаривал Сергей Семёнович с сержантом. На простых и поучительных примерах он показал, что воинская дисциплина, организованность и порядок – надёжные спутники воинов на поле боя. Генерал привёл при этом знаменитое изречение русского полководца Суворова: «Дисциплина – душа победы».

А вот другой эпизод. Сергей Семёнович приехал в наш полк, чтобы проверить состояние оборонительного рубежа – минных полей, проволочных заграждений, инженерного устройства артиллерийских и миномётных огневых позиций, пулемётных гнёзд, стрелковых ячеек, ходов сообщений. Комдив остался доволен – оборона была укреплена достаточно прочно. Однако, проверяя наличие в ротах и батареях огневых средств, Сергей Семёнович выявил много недостатков. Так, не все бойцы имели по два-три комплекта патронов, как это положено в боевой обстановке. С отклонением от уставных требований была проложена телефонная связь. Особенно плохо дело обстояло с маскировкой. О всех замеченных недостатках Бирюзов тут же сказал командиру полка и начальникам служб. А потом закончил:

– Все ваши беды, большие и малые, происходят прежде всего от слабой дисциплины, от низкой требовательности офицеров и сержантов к себе и подчинённым. Если бы этого не было, то мы имели бы гораздо больший успех в наступлении и обороне. Кстати сказать, нам надо теперь готовиться к наступательным боям».



Командующий армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Н. П. Пухов во время совещания с бывальыми воинами

Эти два эпизода — разные по характеру и по масштабам. Но их объединяет одно: стремление командира дивизии прививать чувство высокой ответственности каждому солдату, сержанту и офицеру за выполнение своего воинского долга, воспитывать воинов в духе строжайшей дисциплины, неукоснительного соблюдения присяги и уставов.⁷⁰

К сожалению, некоторые действия войск фронта в этот период были малоэффективными. Например, однажды С. С. Бирюзов получил приказ: взять штурмом Красный хутор. А время шло уже к весне, глубокий снег стал совсем рыхлым. Наступать по такому снегу — чистое наказание.

Оценив должным образом обстановку и прикинув свои возможности, С. С. Бирюзов поделился своими сомнениями с командующим армией Н. П. Пуховым, который заявил:

— Ничего не могу сделать, это приказ фронта.

Пришлось приступать к делу.⁷¹ В ходе боя стало ясно, что нет никакого смысла продолжать это заранее обреченное на неудачу наступление. Комдив приказал прекратить дальнейшее продвижение, окопаться в снегу, а с наступлением сумерек отойти всем на свои исходные позиции.⁷²

По возвращении на свой КП С. С. Бирюзов немедленно связался с начальником штаба армии и доложил, что наступление было неудачным. Генерал Петрушевский ответил на это очень лаконично:

— Для вас, видимо, будут большие неприятности — вы самовольно отменили боевой приказ...

Вскоре последовал телефонный звонок и С.С. Бирюзову было приказано командармом сдать «хозяйство», т.е. дивизию, начальнику штаба и немедленно выехать в Елец в распоряжение штаба фронта.

Из сказанного можно сделать некоторые выводы. Будущий маршал вовсе не принадлежал к числу вояк, исполняющих любые нелепые приказы — недаром он требовал от подчиненных

всемерно избегать неоправданных потерь. Решительный и жесткий начальник, он весной 42-го распорядился отменить штурм маленького хутора Красный, который приказало взять вышестоящее начальство. Бирюзов понимал, что даже прорваться к злополучному хутору не удастся, а солдат можно положить немало. По тем временам такое неподчинение могло стоить Бирюзову не только карьеры, но и жизни. Однако ему удалось доказать свою правоту, и нелепый приказ был официально отменен.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 48-Й АРМИИ

*«В апреле 1942 года я был назначен начальником штаба 48-й армии, которая вела бои на Орловском направлении в составе Брянского фронта».*⁷³

По прибытии в Елец С. С. Бирюзов отправился к командующему войсками Брянского фронта генерал-лейтенанту Филиппу Ивановичу Голикову, который сообщил о назначении его начальником штаба вновь формируемой 48-й армии.⁷⁴

Следует отметить, что армия существовала пока только на бумаге. Ее нужно было создать из дивизий и бригад, выделяемых Брянским фронтом и прибывающих из глубокого тыла.

Все заботы о формировании армии и ее управлении легли на плечи С. С. Бирюзова, т.к. назначенный на должность командующего А. Г. Самохин еще не прибыл из Москвы. Через сутки выяснилось, что он по ошибке совершил посадку не в Ельце, а в оккупированном немцами Мценске. Там он был пленен, и враг завладел при этом оперативной директивой нашего Верховного Главнокомандующего.

С. С. Бирюзов не сомневался в том, что трагический эпизод с генералом Самохиным сыграл свою роковую роль и в какой-то мере предопределил печальный исход наступления на Харьков в мае 1942 года.⁷⁵

По-иному сложилась в связи с этим событием и судьба 48-й армии. Перед ней была поставлена новая задача — готовиться к наступлению не на Харьков, а на Орел из района севернее Ливны. В ходе подготовки к наступлению проводились различные

мероприятия, о которых С. С. Бирюзов докладывал в штаб фронта 4 июня 1942 г. Например, тогда им было проведено расследование провала частной операции:

«Причины провала операции.

Операция провалилась без должных мер б/обеспечения, слаба разведка и охранение с очень низкой дисциплиной ночных действий.

Не отработан вопрос взаимодействий между взводами, особенно остро ощущается неотработанность боевых порядков.

Отсутствовала живая связь между ротами и командиром батальона, большой отрыв, отставание командира батальона от рот.

Слаба, на очень низком уровне взаимная выручка в бою.

Растерянность и трусость некоторых лиц начсостава, незнание своей роли в бою.

Отсутствовало управление боем подразделениями во всех звеньях: полк, батальон, рота, взвод.

Боевая задача начсоставом не уяснена и личному составу не доведена до сознания.

Полк потерял убитыми 100 человек, ранеными 33 человека, пропавшими без вести 17 чел.».

Важно отметить, что одними выводами командование армии не ограничилось.

«Установлены виновники:

Командир 894 сп подполковник АЛЕЩЕНКО с должности снят, отдаётся под суд.

Военком 894 сп-бат. комиссар ШУГАЕВ с должности снят, назначен с понижением.

Командир 2/894 сп-старший лейтенант МАРТЫНЮК с должности снят, назначен с понижением.

Зам. командира 2/894 сп-политрук КЛИМУШИН, с должности снят, назначен с понижением.

Зам. командира 2/894 сп-старший лейтенант НИКОЛАЕВ, с должности снят, отдан под суд».⁷⁶

Как известно, в ходе подготовки к наступлению штаб любого соединения выполняет огромный объем работы по оценке во-

иск противника и готовности своих подразделений к бою. Пути сбора информации самые различные: взятие «языка», т.е. пленного, радиотехническая разведка и т.д.

На начальном этапе войны, когда надежная связь практически отсутствовала в батальонном, да и дивизионном звене, получение оперативной информации было крайне затруднено. И как следствие, происходило запоздалое или не до конца продуманное принятие решения о вступлении в бой. Таких примеров, к великому нашему сожалению, немало.

В данном случае, применительно к действиям С. С. Бирюзова в должности начштаба фронта, хотелось бы привести документ, который свидетельствует о положительных изменениях в организации связи между штабами. И что самое главное, использовалась возможность получения информации из уст в уста. Важны и личностные отношения между «абонентами». Разговор двух начальников штабов доверительный, информативный, что позволило каждому из них получить достоверную и интересующую каждого из них информацию.

Вот эта запись:

«У АППАРАТА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БИРЮЗОВ.

— Здравствуйте тов. генерал. Давно не имел чести говорить с Вами. Хочу Вас проинформировать о положении у меня и моего соседа и просить Вашей взаимности.

Первое: У меня противник живой силой активности не проявляет, проводит частые налеты арт.мин. и поиски разведчиков, по неподтвержденным сведениям, в район МЦЕНСКА и южнее якобы прибыла какая-то мотодивизия и заменила 293 пд. Последняя якобы ушла и заменила части на Вашем фронте, но эти сведения требуют проверки, мой правый сосед закрепился на достигнутом рубеже, а также и правый сосед моего правого соседа.

Противник перед ними активности не проявляет, сидит в окопах в прежнем составе, прежними силами, говорят, будто у них появилось несколько свежих танков, прибывших из р-на Болхов. И до полка мотопехоты, но они чувствуют себя надежно.

Последние дни на моем фронте участились полеты авиации пр-ка, разведывательные, корректировщики и бомбардировщики, в среднем ежедневно отмечается от 35-50 вылетов, причем курс полета

у него избран по двум основным направлениям: первое основное направление Миценск-Горбачево, где больше всего он совершает полеты как с целью разведки, так и с целью бомбежки, и второе направление на моем левом фланге и стыке с Вами, где тоже отмечается в день от 17 до 20 самолетовылетов.

Вот и все мои сведения и новости.

Прошу проинформировать, что нового у Вас и как себя чувствует мой приятель Пухов. Все.

— Здравствуйте, тов. генерал Козрун, рад Вас приветствовать.

Прежде чем приступить к информации, не скажите ли Вы мне, какой знак на машинах у 293 пд, если знак медведь, то она действительно находится на нашем фронте.

Точно, знак – медведь, значит верно, она у Вас.

Поймано двое перешедших в разное время в разных местах, но оба с направления Сетуха Ниж.Зелегоц, тот и другой подтвердили – видели машины с фигурами медведь, других данных подтверждающих нет у меня, на нашем участке противник активности ни огневой, ни живой силой не проявляет.

В разведку совершенно не ходит, сидит за минными и проволочными заграждениями. Проведённые на широком фронте поиски малые и большие успеха не дали, решено провести более капитальные и раскрыть – что же перед нами?

У Пухова дело стабилизировалось, противник усиленно окапывается, отводит часть сил и главным образом танковые. Под Воронежем наши захватили переправы на р. С.Дон непосредственно северо-зап. Воронежа и, надо полагать в ближайшее время это плацдарм в районе Воронежа у противника ликвидирую. Сегодня прощался со мной Казаков, но далее известно очевидно и Вам о прибытии куда о прибытии куда ещё левее Ватутина.

У меня всё: О Казакове и Ватутине мне тоже известно, я прошу учесть, что 293 пд своим правым флангом занимала Сетуха и поэтому перебежчик мог там видеть машины этой дивизии, но если другой перебежчик видел машины южнее жел. Дороги с медведем, то можно с уверенностью сказать, что 293 пд переместилась южнее, во всяком случае и нам и Вам проверять эти данные.

У меня к вам больше нет вопросов. Прошу принять мой привет и наилучшие пожелания. У меня все, до свидания».⁷⁷

В боевой характеристике С. С. Бирюзова от 29 июля 1942 г. отмечалось: «...Энергичен, дисциплинирован и выдержан. В оперативно-тактической обстановке разбирается быстро и правильно, своевременно реагирует на изменения в ней...»⁷⁸

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА МАРШАЛА С. С. БИРЮЗОВА

Письма С. С. Бирюзова – это ценнейшее свидетельство силы духа тех, кто победил фашизм, не щадя собственной жизни, отстаивал родную землю, кто был примером выполнения своего долга перед Родиной. Эти весточки с фронта со штемпелем полевой почты, написанные между боями и атаками жене, дочерям – Ольге и Валентине, племяннику, предельно просты и правдивы.

Письма генерала выходят далеко за рамки семейной хроники, они учат мужеству, чуткости к чужой боли, ненависти к врагам, любви и дружбе.

Они впервые были опубликованы в газете «Московская правда» 17 апреля 1985 г. На одном из экземпляров газеты с опубликованными посланиями «Письма Маршала» есть дарственная надпись: «Музею шк. № 58 г. Рязань от семьи Бирюзовых, 16.05.85.»

Автор публикации писем журналист Ю. С. Лурье прислал копии писем Бирюзова в редакцию газеты «Московская правда». В строках этих писем, опаленных войной, вырисовывается образ мужественного, умного военачальника, преданного сына своей Родины.

Приведу отрывки из фронтовых писем С.С.Бирюзова:

«24.07.42

Завтра у нас «концерт», поэтому уже секрета не представляет. В общем, фрицам будет пропета веселая музыка. Не одна сотня из них найдет себе могилу на нашей русской земле. Как я их ненавижу, всеми фибрами своей души. Вот если бы все воспылали такой ненавистью, до единого человека, то мы бы разделились с ним значительно раньше. Враг коварен, подлый и ненасытный. Я свидетель десятков сожженных и стертых с лица земли сел, поселков и многих городов. Я видел обездо-

ленных, приниженных и несчастных русских людей. Я видел, как люди впрягались в плуга и сохи, пахали на себе. Я видел людей, которые похожи скорее на зверенышей, живущих в ямах, раздетых, почти что голых и голодных. Я видел десятки малышей, которые везли повозки самодельные, а на этих повозках лежал их скарб. Посмотришь на все это, и так становится больно, больно. В каждом ребенке видишь свою Ольгу, Валентину, а в каждой женщине – тебя. И во всех них видишь наших родных, близких нам русских людей и других наций, но Советских. А сколько сволочей, сколько шпионов образовалось из советской молодежи, из трактористов, колхозников и даже рабочих, которые немцами засылаются к нам. Диву даешься и не понимаешь: неужели мы не сумели в таких людях воспитать коллективное начало и чувство патриотизма своей страны? Слишком широко развиты были свободные и подчас эгоистичные интересы каждой в отдельности индивидуальной личности. И тем не менее при всех этих отрицательных порочных явлениях победа нашего народа должна быть и будет обеспечена. И эта война научит нас многому. Эта суровая действительность является выявлением наших ошибок и их исправлением».

В следующем письме от 15.8. 42. С. С. Бирюзов описывает некоторые подробности одного из боев:

«Опишу я вам один бой, который провели недавно наши подразделения. Наступал вечер, все стихло, готовясь погрузиться во мрак августовской ночи. Вдруг на головы бойцов посыпались снаряды, мины, а за их разрывами показались танки, а за танками шли цепь за цепью в своих серо-зеленых мундирах немцы. Шло их много, до 800 зверей. Все они стреляли и кричали «хох». Все они были пьяные. Шли они на недавно отбитую у них высоту. Там находилось наших 60 бойцов. Завязался неравный бой 800 против 60, да еще не считая танков. Но вот подбит один, второй танк. Остальные поспешно прячутся в лощине. Пехота идет все ближе и ближе. Ее косят пулеметы и пули из винтовок, редуют ряды наступающих, но редуют ряды и обороняющихся. На помощь движется рота наших бойцов. К этому времени завязалась рукопашная на высоте в окопах и ходах сообщениях. Битва идет холодным оружием. На одного политрука насаждают десятка полтора немцев и в конце концов одолевают его и в ярости начинают отпиливать ему тесаком голову. И вот за этим занятием их застают пришедшие на помощь

бойцы. Враг разбит и позорно бежал, но свой звериный след пребывания на высоте оставил. Он оставил и не успел унести отрезанную голову политрука. Бойцы истребили их поголовно, и вот двое из этой падали предстали предо мной как пленные. Как было мерзко и неприятно смотреть на этих волков, так и хотелось их уничтожить. Но нужны «языки». Когда они бессильны, тогда они заявляют, что воевать не хотят и о войне слышать также не хотят. Теперь они прикидываются тихими и мирными, но у всех у них волчье сердце. Они вот таких, как Олечка, берут и сажают на штыки. Вот то, что я описал, это обычные картины. Смерть живет среди бойцов и командиров каждую секунду и минуту. Вот ты знала Корякина, а говорят, что он уже убит. Погиб случайно. Ехал километрах в 20 от переднего края. Артналет противника. Осколком снаряда убит, а все остальные, а с ним было восемь человек, целы и невредимы».

В декабре 1942 года Сергей Семенович Бирюзов назначается начальником штаба 2-й гвардейской армии, которая под командованием генерала Малиновского громила немцев в великой битве на Волге.

«15.12.42.

Добрый день, дорогой Виктор!

(Виктор Бирюзов – племянник маршала, воевал на Черном море, на крейсере «Киров». Был машинистом-турбинистом)

Несказанно рад твоему письму. Очень и очень рад, что ты жив и продолжаешь бить немцев. Будем бить дружнее и рано или поздно разобьем это чудовище. На море его зверств не видно, т.к. все поглощает вода, а вот на земле здесь следы его чудовищных представлений видишь на каждом шагу. Сожженные города и села, обездоленные мирные жители, а сколько я видел следов его издевательств, идя по следам его отступления. Всего этого забыть невозможно. С каким остервенением я проводил и провожу бои, особенно когда командовал дивизией, т.к. там к бою ближе. На том участке, где я нахожусь, сейчас временное затишье, так, периодические каждодневные небольшие бои. В этих боях очень многие показывают героизм и боевой дух русского народа.

О себе могу сказать, что воюю с 5.7.41 г. Имел перерыв в результате ранений. Всего я их получил пять. Два, полученных в разное время, не потребовали моей эвакуации, и я оставался в строю с не-

большим пребыванием в своем госпитале. А три последующих ранения вынудили эвакуироваться в тыловой госпиталь. Сейчас чувствую себя хорошо. И способным бить немца, как в первые дни.

Сколько пленной сволочи прошло через мои руки. Вот и сейчас ожидаю привоза пленных.

Сегодня с танками пошел в наступление, в итоге, кроме трупов своих и подбитых танков, ничего не получилось. В общем, эпизод небольшой, но стоил ему свыше 500 человек. Это у нас считается по мелочам.

С приветом, Сергей».

БИТВА НА ВОЛГЕ

«В декабре того же года назначен начальником штаба 2-й гвардейской армии, которой командовал Р.Я.Малиновский, ныне Маршал Советского Союза, министр обороны СССР. В дни битвы на Волге части и соединения армии сыграли важную роль в разгроме группировки гитлеровского генерала Манштейна».⁷⁹

4 декабря 1942 года пришла телеграмма из Москвы о назначении С. С. Бирюзова на должность начальника штаба 2-й гвардейской армии, управление которой находилось в Тамбове. (Она была развернута по приказу Ставки в октябре 1942 года на базе 1-й резервной армии). «По пути, — вспоминает С. С.Бирюзов, — то и дело попадались большие села. Там прежде всего бросалось в глаза отсутствие мужчин. Навстречу нам сплошным потоком шли автомашины с боеприпасами, продовольствием, горючим.

Смотрел я на этот живой поток и думал: до чего же она прожорлива – эта распроклятая война! Сколько людей и с каким напряжением трудятся для того, чтобы обеспечить фронт всем необходимым! И в то же время меня переполняло чувство глубокой благодарности к скромным труженикам тыла — к нашим героическим женщинам, к старикам, к подросткам. Какое тяжелое бремя легло на их плечи!»⁸⁰

Родная для С. С. Бирюзова Рязанская область в первые месяцы войны успела побывать тыловой и прифронтовой. На ко-

роткое время часть районов области, в том числе и Скопинский район, были оккупированы гитлеровцами и освобождены Красной Армией. Сейчас, в 1942 году, труженики области взяли на себя тяжкий труд приема раненных и эвакуированных, снабжения армии сельскохозяйственной продукцией и промышленными товарами. По числу тыловых госпиталей, расположенных на ее территории, Рязанская область занимала одно из первых мест в стране. С высочайшим напряжением работали рязанские (в их числе и скопинские) железнодорожники, доставлявшие грузы в прифронтовую полосу. Захват врагом Донбасса создал серьезные трудности в обеспечении народного хозяйства страны топливом. Поэтому пришлось приложить большие усилия для восстановления шахт, расположенных в Скопинском и Новодеревенском районах Рязанской области. Строители и шахтеры при 25-градусном морозе работали по 12-14 часов в сутки, выполняя по 3-4 нормы. В результате добыча угля в 1942 году достигла довоенного уровня. Параллельно с восстановлением шахт на рязанских заводах осваивался выпуск продукции для нужд фронта. Промышленность области начала производить минометы, гранаты, снаряды и обмундирование. И это в условиях, когда основную массу работающих составляли женщины и подростки.

В 1941 году в Рязанской области 70% машин, большая часть тракторов, значительное количество лошадей и повозок были мобилизованы в армию. Выполнить возросший объем работ в сельском хозяйстве можно было лишь при условии огромного трудового напряжения, увеличения конно-ручных работ. В силу того, что трудовых ресурсов в колхозах не хватало, на уборку урожая проводилась мобилизация всех жителей сельских, а потом и городских районов в возрасте от 14 до 55 лет, не занятых в промышленном производстве. В результате огромных усилий тружеников села в годы войны область поставила государству более 65 млн. пудов зерна, около 55 млн. пудов картофеля, 11 млн. пудов овощей, 3,5 млн. пудов мяса.⁸¹

Всех этих цифр С. С. Бирюзов мог и не знать. В одном он был уверен: его земляки, как и вся страна, живут трудно, работают с огромным напряжением, с тревогой прислушиваются к фронтовым сводкам и ждут, когда Красная Армия погонит фашистов с захваченной территории. Ждут результативных дей-



С. С. Бирюзов, Я. Г. Крейзер на КП 2-й гвардейской армии. 1943 год

ствий от него, генерала С. С. Бирюзова.

Добравшись до штаба армии, С. С. Бирюзов представился командующему армией генерал-лейтенанту Р. Я. Малиновскому. Тот выслушал его стоя, приветливо улыбнулся и протянул руку. Затем представил ему своих заместителей:

члена Военного совета армии дивизионного комиссара Ларина и заместителя командарма генерал-майора Крейзера.

Впечатления С. Бирюзова: «Родион Яковлевич расположил меня к себе с первой же нашей встречи. Он держался очень просто, по-товарищески, хотя уже тогда пользовался репутацией крупного военачальника. Под его командованием советские войска провели ряд важных операций на юге». ⁸²

Командующий армией генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский обратил внимание нового начальника штаба на то, что главная их задача — быстро и организованно провести перебазирование всех частей в район Сталинграда. ⁸³

Так для С. С. Бирюзова началась военная служба в новом качестве — руководителя штаба армии. Размышляя о роли штабной работы на войне, генерал С. М. Штеменко писал: «Элементы обстановки для штаба и полководца являются как бы аналогичными, но подход к ним, анализ, назначение и цель их применения в системе организации и проведения операций будут разными. Штаб, как уже сказано, добывает и готовит данные для принятия решения, а полководец, осваивая материалы штаба, синтезирует их и принимает на этой основе решения».

Новую для себя аналитическую работу предстояло осваивать С. С. Бирюзову в новой должности. И он с этой работой блестяще справился. Твердый и решительный в своих поступках, Сергей Семенович порой жестко, но последовательно вырабатывал у работников штаба навыки четких и оперативных действий. День ото дня доклады Бирюзова командующему становились все короче — верный признак того, что

армия превращается в единый, хорошо сколоченный боевой организм, готовый к выполнению ответственных оперативных задач.

Через несколько дней после вступления С. С. Бирюзова в должность, войска начали грузиться в эшелоны. Пока шла выгрузка и сосредоточение 2-й гвардейской армии, обстановка на фронте осложнилась. Чтобы деблокировать группировку Паулюса, в составе которой к моменту ее окружения было 22 дивизии общей численностью более 330 тыс. человек, гитлеровское командование подтянуло в район Термосин и Котельникова новые крупные силы.⁸⁴

Перед командованием армии была поставлена задача — разгромить войска генерал-фельдмаршала Манштейна и не допустить продвижения его к окруженной группировке.⁸⁵

О том, как принималось это непростое решение, рассказывал через много лет после войны маршал А. М. Василевский, бывший в 1942 году представителем Ставки на Сталинградском фронте: «Мы сначала просчитались, недооценили количества окруженных войск. На самом деле в окружении было 300000 человек, и все они могли прорваться и после соединения с Манштейном уйти, и последствия, повторяю, были бы неисчислимыми.

Считаю, что Сталинградский фронт наличными силами уже не в состоянии был сдержать наступление Манштейна. Наблюдая это своими глазами, я, поехав на командный пункт Юго-Западного фронта, позвонил оттуда Сталину и настойчиво попросил, чтобы для контрудара по Манштейну Сталинградскому фронту была придана Вторая гвардейская армия, которая по первоначальному плану действительно была предназначена для наращивания удара на Ростов с тем, чтобы в результате этого удара отрезать не только войска, окруженные под Сталинградом, но и кавказскую группировку немцев. Я это знал, разумеется, но в сложившемся критическом положении настаивал на переадресовке армии.

Сталин эту армию отдавать категорически не хотел, не хотел менять для нее первоначально поставленную задачу. После моих решительных настояний он сказал, что обдумает этот вопрос и даст ответ. В ожидании этого ответа я на свой страх

и риск приказал Малиновскому начать движение частей и армий в новый район... приказал ему садиться на командный пункт к Толбухину, забрать у него линии связи, чтобы сразу наладить управление вновь прибывающими войсками. Это приказание было отдано поздно вечером, а ответа от Сталина еще не было...



Маршалы Советского Союза
С. С.Бирюзов, М. В.Захаров,
Р. Я.Малиновский. 1961 г.

Я ходил из угла в угол и ожидал, что мне ответят, потому что фактически я уже двинул армию. Наконец, в 5 часов утра Сталин позвонил мне и сказал:

- Черт с вами, берите!

И бросил трубку». ⁸⁶

От штаба армии в этой ситуации потребовалась исключительная мобильность. Нужно было в считанные часы разработать план переброски войск, подготовить командирующему все необходимые данные для постановки боевых задач соединениям, обеспечить взаимодействие с соседними армиями Сталинградского фронта.

Из воспоминаний Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского: «Мы встретились с С. С.Бирюзовым на дорогах войны холодной метельной зимой 1942 года во 2-й гвардейской армии. Вместе с С. С.Бирюзовым мы проводили бессонные ночи, готовясь к решающему сражению, разрабатывались планы трудной переброски войск. Тогда я увидел Сергея Семеновича непосредственно в боевой работе и не смог не оценить в нем больших способностей военного руководителя, организатора боевой деятельности войск». ⁸⁷

Вот еще одно воспоминание о С. С. Бирюзове тех дней. Вот что пишет в своих воспоминаниях Павел Васильевич Мальцев, служивший в то время в штабе 24-й стрелковой дивизии, входившей в состав 1-го гвардейского стрелкового корпуса 2-й гвардейской армии. Для перевозки личного состава и боевой техники корпуса под Сталинград требовались вагоны, много вагонов. За ними и пришлось идти к Бирюзову.

«Вместе с полковником М.Д. Грецовым мы отправились к начальнику штаба армии генерал-майору С. С. Бирюзову.

В небольшой комнатке увидели высокого, стройного и внешне очень молодого генерала, который стоял над картой и что-то помечал на ней. Доложил о цели моего прихода. Генерал молча взял мои расчеты и карту, внимательно прочитал их, глянул на меня, Грецова и, не сказав ни слова, написал на карте: «Двенадцать эшелонов». Я было заикнулся, что дивизия полная, и по «Наставлению» для ее перевозки необходимо до сорока эшелонов, но генерал ничего не ответил. Стало ясно, что разговор окончен. Мы вышли. Я потоптался в приемной, соображая, что делать дальше. Зная крутой характер комдива Кошевого, можно было не сомневаться, что он снова пошлет меня сюда же выбивать недостающие эшелоны.

Набравшись смелости, еще раз зашел к генералу Бирюзову. Тот сердито глянул на меня, взял карту и дописал: «Людей и лошадей грузить в вагоны битком, повозки — в шесть ярусов». Возвращая карту, сказал: «Товарищ капитан, поезжайте в дивизию, не мешайте мне работать. А генералу Кошевому передайте, что других возможностей нет». Я вышел и присел в приемной, чтобы осмыслить происшедшее. А к начальнику штаба армии все шли и шли командиры разных степеней и рангов. Было видно, что дел у него невпроворот, и больше ничего он нам не даст».⁸⁸

Главный удар противника приходился по правому флангу 2-й гвардейской армии. Там пролегал кратчайший путь к окруженной группировке Паулюса.

Когда утром 19 декабря войска Манштейна вышли к реке Мышкова, полагая, что оттуда откроется беспрепятственный путь к окруженной группировке Паулюса, они неожиданно для себя наткнулись на жесткую оборону неизвестно откуда оказавшихся здесь советских войск. Это были передовые соединения 2-й гвардейской армии, принявшей на себя танковый удар противника буквально в 35-40 километрах от окруженных под Сталинградом немецких соединений.

С 19 по 24 декабря 1942 г. С. С. Бирюзов подписал первую оперативную сводку, в самом начале которой не оказалось привычной фразы: «Войска армии вели упорные, оборонительные бои...» У этой сводки начало было совсем другим: «Войска ар-

мии главными силами перешли в наступление на фронте Черноморов, Громославка, Васильевка, Капкинка...».⁸⁹

Решающий удар армия должна была нанести в районе города Котельниково. Бои за Котельниково отличались редкой жесточенностью. С. С. Бирюзов так вспоминает об этих боях: «Мне на ум всегда приходит замечательное суворовское изречение «Кто удивил, тот и победил». Все дело в том, — пишет далее С. Бирюзов, — что мы очень удачно выбрали момент перехода в наступление. Оно началось в то самое время, когда противник, потеряв надежду прорвать наш фронт в районе Громославки, стал перебрасывать свои войска в сторону 51-й армии, рассчитывая пробить коридор вдоль железной дороги Котельниково-Сталинград. Тут-то и вступили в действие резервы 2-й гвардейской армии — механизированный и танковый корпуса, полностью сохранившие свою ударную силу».⁹⁰

На очереди был другой важный опорный пункт противника - Термосин. 31 декабря 1942 г. Термосин был освобожден.

Ведомость Секретно
составления сил на фронте 2-й армии ЭВН
на 23.12.42.

Ротный пункт		Имя воиска		
Заставка	Общее количество	Общее количество	Состав	
Именования				
		Новиков	Возвеква	
1	18	Стрелковый батальон	80	3,3
1	15	Артиллерийский дивизион	43	3,0
1	3	Мото-мех бригада	7	2,0
1	3	Станковых полков	11	4,0
1	12	Спец. батальон	22	3,8
	-	Танковых бригад	3	3
1	800	Ручных пулеметов	1620	
		Станковых пулеметов	440	2,5
1	195 (снаряд)	Бронебашенных орудий	1975	10
1	180	Миниметов 82 мм.	734	6
	-	Миниметов 120 мм.	144	144
1	90	Артиллерийские орудия	216	2,5
1	132 (снаряд)	Легких орудий	256	2,0
1	48 (снаряд)	Тяжелых орудий	150	3,0
	-	Зенитных орудий	61	61
1,5	207 (снаряд)	Легких танков	161	1
1,5	306 (снаряд)	Средних танков	237	1
4	90 (снаряд)	Тяжелых танков	21	1
1	3	М-43	90	30
		Истребительная авиация (самолетов)		
		Штурмовая авиация (самолетов)		
		Бомбардировочная авиация (самолетов)		
Нач штаба 2-й А командир батальона (Бирюзов)				
Нач Оператив. Отдела командир полка (Трещев)				
23.12				

(ЦАМО, Ф. 303, Оп. 4005, Д. 8 Л.15)

За смелые и решительные действия 2-я гвардейская армия получила благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Ознакомимся с ведомостью соотношения сил на фронте 2-й гвардейской армии на 23.12.42 г. Расчет соотношения сил, который сделал С. С. Бирюзов, показывает, что перевес был на стороне советских войск. Необходимо отметить, что этот перевес произошел не сам по себе, а в результате каждодневной аналитической работы штаба армии, возглавляемого С. С. Бирюзовым.

2-я гвардейская армия, совершив тяжелый форсированный марш (200-280 км), сыграла решающую роль в отражении удара противника, пытавшегося деблокировать окруженную под Сталинградом группировку и перейти в наступление, вынудила немецко-фашистские войска начать отход на юг.

Командующий армией генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский отмечал: «Гов. Бирюзов, будучи начальником штаба 2-й гвардейской армии, проявил умение и настойчивость в подготовке и проведении оборонительной, а затем и наступательной операции армии. Храбрый, волевой командир. Неоднократными выездами непосредственно в штабы корпусов, дивизий и бригад обеспечил решительное проведение в жизнь решений командующего».

1 января 1943 года Сталинградский фронт был переименован в Южный и получил задачу выйти на рубеж Шахты, Новочеркасск, Ростов, Батайск, чтобы отрезать пути отступления войскам противника с Северного Кавказа.

2 февраля 1943 г. Р. Я. Малиновский был назначен на пост командующего войсками Южного фронта, 2-ю гвардейскую армию принял от него Я. Г. Крейзер.

31 марта 1943 г. С. С. Бирюзов награжден орденом Суворова 2-й степени.

ДОНБАССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*«В апреле 1943 года, когда наши войска вышли на р. Миус, я был назначен начальником штаба Южного фронта, переименованного затем в 4-й Украинский фронт, который освобождал Украину, Таврию, Крым».*⁹¹

9 апреля 1943 года Бирюзова назначили начальником штаба Южного фронта. Ему было в ту пору только 38 лет. Он пишет в своей книге: «Я имел отличное здоровье, не знал усталости и горел неугасимым желанием — отдать новой работе все, на что способен. Это, не скрою, позволяло мне думать, что возлагавшиеся на меня надежды оправдать сумею».⁹²

Бывший командующий артиллерией 2-й гвардейской армии И. Г. Стрельбицкий, в то время генерал-майор артиллерии, о том, каким запомнился ему начальник штаба Южного фронта в период подготовки к летним операциям 1943 года, писал: «Сергей Семенович — высокий блондин лет 35, с крупными чертами умного лица. Это первое хорошее впечатление позже еще более окрепло. В какой бы обстановке мы потом ни встречались — в дни затишья на фронте или в период тяжелых боев, — он всегда был внимательным, постоянно жил мыслью о делах и состоянии войск, жадно впитывал в себя все новое из опыта минувших боев. Таким, пожалуй, и должен быть начальник штаба, с удовлетворением думал я, осматривая простую крестьянскую хату, где Бирюзов занимал комнату. Все здесь тоже говорит о вкусах, характере и стиле работы начальника штаба. В комнате два стола: на одном на доске наколота большая карта, испещренная красными и синими стрелками, цифрами, условными знаками, на другом — книги, бумаги, разложенные в строгом порядке. Ознакомив меня с обстановкой, начальник штаба говорит о том, чего не может рассказать карта. «Мы находимся накануне новой огромной битвы, — горячо и убежденно говорит Сергей Семенович. — Нам дорог каждый час. Время работает на нас, и мы должны бережливо, умело его использовать в целях подготовки к наступлению. Орудия, снаряды, машины — все это важно и нужно накапливать. Но при этом помните о главном — о людях. Готовьте их к новым испытаниям».

Южный фронт в то время представлял собой большой и сложный военный организм, объединявший сотни тысяч людей, значительное количество разнообразной боевой техники, множество различных вспомогательных служб и предприятий, двигавшихся вслед за войсками по обширной территории Приазовья и Донбасса. Во фронте насчитывалось 28 стрелковых диви-

зий, 2 механизированных и 1 кавалерийский корпус, 3 танковые бригады, воздушная армия.⁹³

«Первое время командующий (назначенный в марте 1943 г. генерал-полковник Ф. И. Толбухин — А. А.) строго контролировал все мои действия, — писал С.С. Бирюзов. — Это даже вызывало досаду. Но вскоре мне была предоставлена полная самостоятельность. Иначе я и не представлял себе свое положение. Командующий должен верить в своего начальника штаба, как в самого себя. Без этого работать нельзя. Начальник штаба — это не просто исполнитель. Он — один из самых близких помощников командующего, и непременно с творческим складом ума и характера. Со своим аппаратом на основе общего замысла командующего начальник штаба обдумывает все детали дела и готовит мотивированные предложения. С помощью его осуществляется контроль за исполнением приказов и обеспечивается управление войсками. Штаб можно сравнить с центральной нервной системой человека».⁹⁴

Перед Южным фронтом была поставлена задача — разгромить донбасскую группировку противника и освободить Донбасс. Оборонительный рубеж на берегу реки Миус немцы начали создавать еще осенью 1941 года. Весной 1943 года он состоял из трех укрепленных полос, глубина которых достигала 50 километров. Наступление Южного фронта началось 17 июля 1943 года. Противник оказал упорное сопротивление. На направлении главного удара удалось вклиниться в его оборону на 5-6 километров и захватить небольшой плацдарм на реке Миус. Удары на вспомогательных направлениях также не получили развития. Более того, немецкое командование перебросило в полосу Южного фронта два танковых корпуса. 30 июля противник нанес сильный контрудар на главном направлении и вклинился в расположение советских войск. Войска Южного фронта под натиском превосходивших сил противника были вынуждены уйти на исходное положение.

17 августа 1943 года войска Южного фронта вновь начали наступление, которое вошло в историю под названием Донбассской операции. На этот раз Ставка Верховного Главнокомандования смогла подкрепить войска фронта дополнительными силами и средствами. Вместе с Толбухиным Бирюзов вылетал



Руководящий состав 4-го Украинского фронта Ф. И. Толбухин, С. С. Бирюзов и другие

ную работу по организации специальных учений с командным составом – командно-штабных игр. Тщательнейшим образом по аэрофотосъемкам изучалась оборона противника. Детально отработывалось взаимодействие между танками, кавалерией, мотопехотой, созданной для ввода в прорыв конно-механизированной группы (4-й механизированный и 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпуса), и взаимодействие всей группы с авиацией. Дело это было новое и требовало всесторонней подготовки. Неустанно работал партийно-политический аппарат, проводя работу по мобилизации личного состава к наступлению. Войска фронта были пополнены людьми и вооружением.

17 августа войска Южного фронта стремительно и слаженно развернули наступление.



Маршал А. М. Василевский, генерал-полковник Ф. И. Толбухин, генерал-майор С. С. Бирюзов. Лето 1943 г.

в Москву для доклада Ставке разработанного ими плана предстоящей операции. Из Москвы возвратились ободренные вниманием Ставки, высоко оценившей представленный план. По собственному признанию Сергея Семеновича, он испытывал чувство гордости.

В ходе подготовки операции штаб фронта и его начальник проделали огром-

«В результате, — писал А. М. Василевский, — силы противника, действовавшие против Южного фронта, уже в первые дни операции оказались расчлененными на две части... Я доложил Сталину, что считаю обстановку на Южном фронте многообещающей». ⁹⁵

Однако противник сопротивлялся ожесточенно и имел для этого внушительные силы. Против войск Южного фронта действовало 15 его дивизий. К 1 сентября фашистам удалось сильным контрударом отрезать 2-й и 4-й гвардейские мехкорпуса от главных сил. Однако пойти на большее вражеское командование не рискнуло. Оно понимало, что его войска сами могут попасть здесь в ловушку и могут быть уничтожены ударами второго эшелона Южного фронта, и поэтому с наступлением темноты начало отводить их на новый рубеж обороны. Сведения об этом вовремя были получены штабом фронта, но их надлежало проверить. Не менее существенным для командования фронта было то обстоятельство, что оба механизированных корпуса, узнав о выходе противника на их тылы и не желая дальше отрываться от своих войск, приостановили наступление.

Бирюзов в этой сложной обстановке предложил Военному совету фронта лично установить контакт с командованием механизированных корпусов. Предложение было принято Военным советом фронта и представителем Ставки Верховного Главнокомандования. С большим волнением Василевский, Толбухин и член Военного совета К. А. Гуров проводили Бирюзова на выполнение задания. Он мог выполнять его только под покровом темноты, а ночь кончавшегося лета не так уж длинна. Сумеет ли найти он командные пункты корпусов? Успеет ли?..

Когда Бирюзов с четырьмя сопровождающими появился на КП командира 4-го гвардейского мехкорпуса генерала Т. И. Танащиина, тот был ошеломлен. Произошел следующий разговор: «Как вы оказались здесь... в тылу противника?!» — «Смотал удочки ваш противник. Как только стемнело, так он и ушел, не спрося вас».

То же самое повторилось и в штабе 2-го мехкорпуса Свиридова. Оба корпуса по указанию Бирюзова стали продолжать наступление. Бирюзов связался по радио с командующим фронтом и доложил ему об этом. В ответ услышал радостный голос Федора Ивановича:

— Благодарю... Все мы благодарим вас. Жду. Возвращайтесь...

О возвращении здесь уместно рассказать словами самого Сергея Семеновича, взятыми из его воспоминаний «Суровые годы»:

«Солнце уже поднялось над разрушенными хуторами, когда я тронулся в обратный путь... Днем я сравнительно легко добрался до КП фронта, хотя дорога была ужасна. На земле не осталось, кажется, ни одного квадратного метра, не поврежденного снарядом или бомбой. Там и сям торчали дыбом бревна и рельсы, являвшиеся некогда перекрытиями в немецких блиндажах. Часто попадались раздавленные танками пушки.

В одном месте меня остановил раненый сержант. К сожалению, я не смог посадить его в машину, потому что в ней уже разместились человек пять таких же, как он, наскоро перевязанных окровавленными бинтами. Да сержант и не претендовал на это. У него ко мне был только один вопрос:

- Товарищ генерал, высоту-то наши взяли?
- Взяли, – ответил я, хотя и не знал, что это за высота.
- Ну, тогда все в порядке. Буду спокойно лечиться.

Спасибо...»

Донбасская операция закончилась во второй половине сентября освобождением Донбасса.

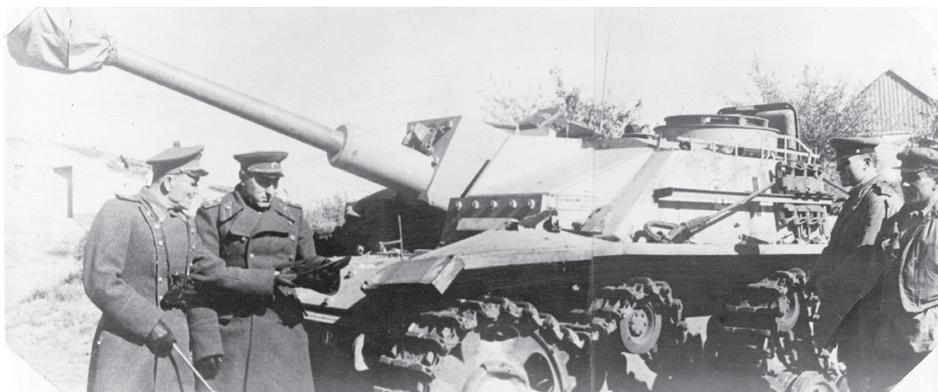
С. С. Бирюзов дает в своей книге емкую характеристику ситуации на Донбассе, подвергшемся гитлеровской оккупации. Советской армии предстояли трудные и кровопролитные бои за эту территорию, ибо «гитлеровцы, как голодные шакалы, вцепились в лакомый кусок – нашу «всесоюзную кочегарку». Они называли Донбасс «восточным Руром» и готовили ему судьбу немецкой колонии. Невообразимые зверства творили там фашисты, стремясь сломить волю свободолюбивых советских людей».

Начальник штаба Южного фронта С. Бирюзов на всю жизнь запомнил, как однажды к нему на КП пришел в сопровождении офицера разведки человек средних лет, без документов, оборванный и до крайности истощенный. Офицеры принялись расспрашивать этого человека о том, зачем он пришел к военному руководству фронта.

«– Я донецкий шахтер, – отрекомендовался он и попросил представить его командующему.

– А что у вас такое? – поинтересовался я и назвал свою должность.

– Пришел просить... нет, требовать: ускорьте освобождение Донбасса. Люди гибнут! Тысячи заживо погребены в темных



Генерал-майоры С. С. Бирюзов и А. Г. Самохин у подбитого немецкого танка 1943 г.

забоях... Мы сами вам поможем. Донбасский пролетарий – он знаете какой! Его не так-то просто сломить, а покорить совсем невозможно». Донбасс был нужен всей нашей стране. Он давал до войны около 60 процентов общесоюзной добычи угля, выплавлял до 30 процентов чугуна и 20 процентов стали.⁹⁶

Своими наступательными действиями в Донбассе Южный фронт содействовал войскам, развивавшим наступление на белгородско-харьковском направлении с последующим выходом на Правобережную Украину.

«Лично для меня, – пишет С. С. Бирюзов, – Донбасская операция явилась своеобразным экзаменом на зрелость в новом качестве. Здесь я впервые выступал в роли начальника штаба фронта В ходе операции С. С. Бирюзов продемонстрировал свое умение планировать и осуществлять задуманное командующим фронтом Ф. И. Толбухиным. Смелые и решительные маневры подвижными войсками были предприняты в интересах наращивания усилий и быстрого разгрома противника.

30 августа 1943 г. С.С. Бирюзову присвоено воинское звание генерал-лейтенант. 17 сентября 1943 г. он награжден орденом Кутузова 1-й степени.



Митинг в связи с освобождением Донбасса. Выступает командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф. И. Толбухин. Сталино. Сентябрь 1943 г.

МЕЛИТОПОЛЬСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Для немцев было важно удержать Мелитополь — «вороты в Крым». Выбранный противником рубеж под Мелитополем являлся сильной оборонительной позицией со всех точек зрения.

Начальник штаба Южного фронта С. С. Бирюзов характеризовал его следующим образом: «Передний край его (противника) обороны проходил по ряду командных высот, надежно прикрытых рекой Молочной с очень обрывистым западным берегом. На севере в районе Васильевки вражеские позиции упирались в днепровские плавни. На юге они примыкали к соленому озеру Молочному, которое вытянулось почти на 30 км до самого Азовского моря. Озеро это неглубоко, но дно у него илистое, топкое и берега сильно заболочены».

Наличие плавней допускало оборону левого фланга немецкой 6-й армии незначительными силами. Оборона немцев на р. Молочной по западному высокому берегу состояла из сплошного противотанкового рва, а в районе с. Константиновки было сооружено три противотанковых рва. За противотанковыми рвами шла система сооружений полевого типа: окопы, огневые позиции для минометов и противотанковых ружей, блиндажи, пулемётные площадки, дзоты, бронеколпаки.

На расстоянии 1-1,5 километра от первой линии проходила вторая линия обороны, построенная по тому же принципу и усиленная проволочными заграждениями, минными полями. Ряд населенных пунктов имели круговую оборону, состоящую также из противотанковых рвов, окопов, дзотов и дотов. Укреплялись и приспособлялись к обороне каменные дома.

Советские части вышли к «линии Вотана» к 22 сентября 1943 г. Попытки с ходу прорвать оборону немцев положительных результатов не дали, после чего войска Южного фронта приступили к тщательной разведке обороны противника, подтягивали тылы, накапливали боеприпасы, производили перегруппировки и начали подготовку к прорыву оборонительной полосы противника. Войска Южного фронта к началу операции имели тридцать пять стрелковых дивизий, два танковых, два механизированных и два кавалерийских корпуса. На 26 сентября личный

состав Южного фронта составлял 311 246 человек. 8-я воздушная армия, подчиненная Южному фронту, к 26 сентября насчитывала 921 самолет, в том числе 684 исправных: 337 истребителей, 201 штурмовик, 134 бомбардировщика.

Мелитопольскую операцию планировалось начать 25-26 сентября. Оборона немцев на реке Молочой, по оценке советского командования, должна была рассыпаться как картонный домик. Однако этого не случилось.

Ни в один из дней прорыва обороны противника быстрого, ураганного темпа достичь не удалось. Наши войска встречали сильное огневое сопротивление и контратаки противника.

В целом на первом этапе Мелитопольской операции войска Южного фронта на главном направлении прорвали передний край обороны противника на фронте протяжением 22 км и вклинились в глубину его тактической обороны на 2-10 км. Однако взлома неприятельской обороны вследствие ее большой огневой и тактической плотности не произошло.

Для развития прорыва в начале октября 1943 г. была проведена перегруппировка советских войск. Главный удар был перенесён с правого на левое крыло фронта 9-13 октября 1943 г. Обозначившийся 10 октября успех на фронте 28-й армии, действующей на вспомогательном направлении, продолжил развиваться и 11 октября. Это заставило командование фронта пересмотреть первоначальный план наступления.

Начальник штаба фронта С. С. Бирюзов вспоминал: «Собрались в просторном блиндаже командующего войсками фронта (Ф. И. Толбухина). Было нас немного: А. М. Василевский, Ф. И. Толбухин, новый член Военного совета Е. А. Щаденко, М. Я. Грязнов и я. Начальник разведки обстоятельно доложил обстановку. Я дополнил его.

Все согласились с нами, что противник уже исчерпал свои основные резервы и в ближайшее время следует ожидать перелома в ходе боевых действий на главном направлении. В этих условиях не следовало, конечно, ослаблять нашу ударную группировку. Но было признано целесообразным попробовать ввести 19-й танковый корпус в полосу наступления 28-й армии. Использование кавалерии было поставлено в зависимость от развития событий: если осуществится прорыв на главном направлении,

она пойдет туда, но если раньше этого обозначится явный успех южнее Мелитополя, конники последуют за 19-м танковым корпусом». ⁹⁷

Войска Южного фронта, наступающие на главном направлении, преодолеть тактическую зону обороны противника вторично не смогли и вели бои в глубине этой обороны, продвинувшись на отдельных участках от 1 до 8 км. Вследствие неуспеха при прорыве обороны противника на центральном участке была произведена перегруппировка 51-й армии, 19-го танкового и 4-го гвардейского кавалерийского корпусов к левому крылу фронта для развития успеха 28-й армии.

Началась борьба за Мелитополь. В течение 15 и 16 октября бои в Мелитополе носили особенно ожесточенный и кровопролитный характер. В боях за Мелитополь противник применял большое количество танков, штурмовых и самоходных орудий. Противник устанавливал в зданиях мины или сюрпризы, изготовленные из противопехотных гранат, противотанковых мин натяжного действия, с прикреплением к окнам, дверям и другим предметам и вещам.

Строгий, требовательный характер С. С. Бирюзова был хорошо известен на фронтах, где ему довелось воевать. Но столь же хорошо известно было и то, что Сергей Семенович был человеком справедливым, честным, порядочным. В своих дневниках, вышедших под названием «Разные дни войны», Константин Симонов вспоминал о Бирюзове такую историю:

«Бирюзов был болен. Ему надо было дать успокаивающее, обезболивающее средство. Тот врач, на долю которого это выпало, дал генералу лекарство и только потом вдруг обнаружил, что по нелепой оплошности дал, оказывается, совершенно другое лекарство, и при том в дозе, правильной для обезболивающего средства, а для этого чрезмерной и даже опасной для жизни.

Врач немедленно принял меры и заявил начальству о происшедшем.

Больному было плохо и делалось все хуже, несмотря на срочные меры. Помогут ли они, было неизвестно. Врача арестовали. Оплошность носила такой характер, что ему грозил суд.

Бирюзов пришел в себя. Принятые меры в соединении с природным здоровьем спасли его. А врач сидел под следстви-

ем. Придя в сознание, Бирюзов приказал освободить врача из-под стражи и привести к себе. Поговорив с ним и услышав объяснения, как все это вышло, Бирюзов поверил ему и приказал закрыть дело. А врача оставили на том же месте, где он служил.

Бирюзову пробовали возражать, но он был не из тех, кого легко переспорить; поверив, он настоял на своем, не дал сломать человеческую судьбу». ⁹⁸

«И во время войны, и после нее, когда я видел Бирюзова, я, глядя на него, молчаливо вспоминал историю с ним и с врачом», – эти слова Симонова многое определяют в их, продолжавшихся долгие годы, отношениях.

Уличные бои за Мелитополь советская пехота вела при большой насыщенности истребительно-противотанковой артиллерией. Стрелковым полкам, как правило, придавались истребительно-противотанковые полки, которые обеспечивали продвижение батальонов и рот при штурме отдельных зданий и в боях за отдельные улицы.

20 октября 1943 года Южный фронт переименован в 4-й Украинский, начальником штаба которого до мая 1944 года был генерал С.С. Бирюзов. О настроениях, владевших Сергеем Семеновичем Бирюзовым в эти дни, нам вновь расскажут его письма к родным.

«24.10.1943

Добрый день, дорогие Юля, Валичка и Олечка!

Работаю я начальником штаба фронта, раньше он назывался Южный, а теперь 4-й Укр. фронт. Поэтому все то, что читала в приказах Верховного главнокомандующего о Южном фронте, есть частица и моего труда. За этот год наши войска и я с ними отшагали зимой 800 км, и летом два раза по 300 км, итого 1400 км. За эти операции я в этом году дважды награжден высокими наградами, а всего трижды, включая медаль «За оборону Сталинграда». Не так удовлетворяли награды, как успехи, которые мы проделали».

Далее в письме его автор сообщает, что при освобождении сел Донбасса: «Жителей почти там не было. Из отдельных подвалов вылазили испуганные изможденные дети, и в каждом из них мне казались мои дети. Я очень жалею и переживаю за всех крошек, и когда еду, то всех находящих на дороге детишек сажаю в машину. Посадил я однаж-

ды двух маленьких мальчиков и вез их 25 км. Интересные дети. Один из них назвался Мишка, при разговоре картавил, ему лет шесть, и вот он изрек: вот если бы нам сейчас убитого немца, мы бы с него штаны и ботинки содрали, а то, говорит, у меня худые штаны, а у Гришки нет ботинок. Страшная жизнь: едешь и видишь то там, то там валяются трупы убитых людей и животных, и как-то чувства огрубели и не воспринимают, а вот от поселков, уничтоженных дотла, бежит по коже мороз. Пойманных поджигателей-факельщиков вешаем.

На днях у нас были тяжелые бои, сотни танков противника ходили в атаку, но ни одного метра ему не удалось взять, а десятки танков были подожжены. Сейчас идет дождь и туман. На улице очень грязно, а война не останавливается ни на одну минуту.

Здоровье, в основном, хорошее. Чувствую себя хорошо. Условия работы и сама работа нервная. Все 24 часа звонки, а не каждый звонок несет радостные вести. Часто бываю на передовых в 2 и менее км. С линии наблюдаю бой и руковожу им, что бывает только на самых ответственных направлениях. Несколько раз пришлось быть под непосредственной бомбежкой, не говоря уже об обстреле. У нас это обычное явление. Хлопцы со мной ездят храбрые. Шофер имеет три награды, адъютант – две или три, да и сам не промах». ⁹⁹

Осенью 1943 года под городом Мелитополем разведчики 953-го стрелкового полка 257-й дважды Краснознамённой дивизии проникли в тылы к немцам, взорвали большой склад боеприпасов, а по возвращении привезли двух офицеров в качестве «языков». Вылазка советских разведчиков была настолько дерзкой, что ею заинтересовались начальник 4-го Украинского фронта Ф. И. Толбухин и начальник штаба фронта С. С. Бирюзов. Да и до этого рейда по тылам разведчики полка совершали немало операций и доставляли ценных «языков».

И вот в 20-х числах октября из штаба фронта выехал в место расположения полка ни кто-нибудь, а сам генерал Бирюзов, чтобы взглянуть на «дерзких разведчиков» и вручить им ордена. Вот как рассказывал об этом один из участников событий:

«Мы знали прославленного и бесстрашного генерала, видели его неоднократно даже в боях, опасались за его жизнь.

Когда мы выстроились в сопровождении командира полка и других офицеров, к нам шёл высокий стройный богатырь.

Один из разведчиков, видевший его впервые, восхищённо произнёс:

— Да это же настоящий Илья Муромец!

С шутками и весёлой задорной улыбкой вручил нам генерал ордена, а затем кашлянув в кулак пробасил:

— Ну, хлопчики, а кто из вас, может быть, в детстве лапти носил?

Ребята в смущении переглянулись, не поняв этого озорного вопроса. Да и я, рязанец, тоже по-настоящему не понял намёка генерала, но на его щекотливый вопрос всё-таки осмелился ответить.

— Я носил, товарищ генерал...

— Откуда сам? — оживлённо спросил генерал.

— Из Рязанской области.

— А точнее?

— Чернавский район, село Павловское, бывшие Чёрные Курганы.

— Землячок мой, — и генерал тепло обнял меня.

Смутился я и не знал, что сказать ему.

— Вот она, настоящая русская душа! — в восторге сказал он командиру полка. — Я многих рязанцев встречал, орлы ребята. А сам я из Скопина — рукой подать до его села.

В то время я был комсоргом взвода разведки. А во взводе почти все комсомольцы. Все же, как-никак, был хотя и небольшим, но политработником, как шутили ребята, «без отрыва от производства». И всё же находились озорники, кричали мне:

— Эй, землячок Бирюзова, быстро к комсору полка!

Как-то Бирюзов с двумя офицерами ехал по городу на автомобиле. Увидев нас, притормозил.

— Как, ребята, дела?

— Отлично, товарищ генерал! Бъём гадов!

— А Илья Поликахин жив?

Я в это время находился за спиной другого разведчика, вскоча по стойке «смирно», чётко произнёс:

— Рядовой Поликахин пока жив!

— Это почему же пока? — он вышел из машины и подошёл ко мне, пожав руку, — надо уничтожать врага и оставаться живым...

— Ну а в моём Скопине бывал?

— А как же! — отвечаю я. — Много раз. Особенно на базар любил с ребятами ходить. В нашем-то селе его не было.

— Что-нибудь купить?

— Нет, продать, — пробормотал я, — был такой случай. Отец был мне неродным, недолюбливал меня. А тут, как на грех, нечаянно разбил стекло у фонаря «летучая мышь». Украл у матери двадцать яиц и даже курицу упёр.

Взрыв громкого хохота не дал мне досказать эту историю. Все поняли её конец. Весело смеялся и Бирюзов, поговаривая: «Ну и ну!».¹⁰⁰

Илья Паликахин, земляк Бирюзова, еще станет Героем Советского Союза, встретится с генералом в 1944 году, после освобождения Севастополя.

Поликахин отличился в боях при штурме вражеских укреплений на Сапун-горе и в освобождении г. Севастополя.

Из наградного листа: «Тов. Поликахин, выполняя задачу по разведке в тылу врага, 9 мая 1944 г. пробрался с группой своих товарищей в центр г. Севастополь и под сильным артогнем противника, презирая смерть, тов. Поликахин, действуя смело и решительно, сеял панику среди врага, расстреливая из автомата и забрасывая гранатами вражеских солдат. Сам лично уничтожил 14 солдат, один станковый пулемет вместе с расчетом подорвал гранатой. Одним из первых, несмотря на ожесточенный ружейно-пулеметный и артиллерийско-минометный огонь врага, водрузил Красный флаг Советского Союза на здании гидрометеостанции».

Звание Героя Советского Союза ему присвоено 24 марта 1945 г. Войну закончил в Восточной Пруссии.

На фронте воевали также старший брат Поликахина — Дмитрий Поликахин, сводные брат и сестра — Василий и Анна Фомины.

15 мая 1945 г. Поликахин демобилизован. С 1951 г. с семьей жил и работал в г. Железнодорожный Московской обл., активно работал в комитете ветеранов Великой Отечественной войны, выступал в школах, был внештатным корреспондентом газеты «Знамя коммунизма» и «Ленинское знамя», стоял у истоков создания городского краеведче-

ского музея. Написал книгу «В горниле войны», изданную в 1975 г.

Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степ., 2 орденами Красной Звезды, медалями. Поликахин изображен на диараме «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.», созданной художниками-баталистами студии им. Грекова в г. Севастополе.

Наверняка, Сергей Семенович Бирюзов не раз встречался со своими земляками на войне. Однако в своей книге рассказал только о двух таких волнующих встречах. Одна — с Ильей Паликахиным, вторая — с тем бойцом, которого застал за колкой дров под Сталинградом.

Эта встреча имела свое продолжение. В своих мемуарах маршал рассказывал о том, как в 1943 году под Мелитополем к нему, начальнику штаба фронта, придет солдат и принесет письмо от смертельно раненного брата младшего лейтенанта Истомина: «Вам пишу вот почему. Податель сей записки — брат мой родной Илюша. Лет ему немного, но он меня заменил в бою. Просто совестно, что его послали служить в какой-то медсанбат санитаром... Прошу Вас, помогите перебраться ему на передовую, где бы он смог сполна проявить себя и за одно и за мою гибель отомстить... Не откажите, товарищ генерал, и прощайте. Извините, если что не так. Младший лейтенант Истомин».

Бирюзов напишет в уголке письма: «Истомина зачислить в разведку, а по окончании наступления командировать на курсы младших лейтенантов». Через много лет С. С. Бирюзов вспоминал: «Истомин-младший прочитал эту резолюцию и к моему величайшему удивлению, сняв пилотку, отвесил поклон:

— Спасибо, товарищ генерал...».¹⁰¹

По истечении 20 лет после победного окончания войны маршал Советского Союза Бирюзов напишет: «Иногда просто диву даешься: почему в странах Восточной Европы нет, пожалуй, ни одного крупного города, где бы не стоял на самом видном месте монумент в честь советского воина — защитника и освободителя, а у нас можно по пальцам сосчитать такие памятники? В боях пали тысячи героев, прославивших и Рязань, и Тамбов, и Ярославль, и Горький. А загляните в эти и многие другие наши города. Что вы найдете там в воздаяние бесчисленным подвигам своих земляков?».¹⁰²



Генерал-лейтенант С. С. Бирюзов на фронте в Таврии. 1943 г.

Прав был маршал Бирюзов. День Победы стал государственным праздником только в 1965 году. Только через 20 лет после войны повсеместно стали устанавливать мемориалы в память о погибших на войне — героях и просто рядовых бойцов. Потом возникли многочисленные музеи в память о героях Великой Отечественной войны.

Сергей Семенович не дождал до этих лет. Но все послевоенные годы он помнил о своих героически воевавших земляках, о других солдатах и офицерах, которые не щадили жизнь свою в борьбе с фашизмом. Он помнил и думал о них. Потому и написал такие горькие слова в своих мемуарах. Но вернемся в осень 1943 года, когда войска Южного фронта прорывались в Таврию.

21 октября 1943 года после артиллерийской подготовки оба крыла фронта перешли в решительное наступление, прорвали оборону противника на участке севернее Васильевка, Карачекрак, Эрнстовка, Гендельберг по фронту более 20 км и продвинулись на отдельных участках на глубину от 1 до 6 км, а в Мелитополе овладели несколькими кварталами.

В течение двух дней советские войска продолжали развивать прорыв, ведя ожесточенные бои на обоих направлениях, на отдельных участках правого крыла удалось продвинуться в глубину от 1 до 8 км, а на левом крыле к 16 часам 23 октября овладеть Мелитополем.

В ходе Мелитопольской операции войска фронта полностью разгромили 8 вражеских дивизий и нанесли значительные потери 12 дивизиям. Было уничтожено более 85 тысяч солдат и офицеров. Наши войска с выходом к Днепру и крымским перешейкам создали условия для освобождения Крыма. Операция поучительна скрытой перегруппировкой сил и была неожиданной для противника.

19 марта 1944 г. С. С. Бирюзов награжден орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени

С освобождением от немцев Мелитополя – основного опорного пункта в обороне на р. Молочной – решилась судьба всей обороны противника и открылась дорога к выходу советских войск в оперативную глубину обороны немцев со свободным движением на запад и в Крым.

КРЫМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*«Трудности и самые неожиданные неприятности как-то сразу обрушились на нас, едва наши передовые части достигли ворот Крыма – Перекопского перешейка».*¹⁰³

Вот как развивались события у ворот Крыма 3 ноября 1943 года. Командир 10-й кавалерийской дивизии генерал Миллеров (входившей в состав 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпуса генерала Н. Я. Кириченко) доложил о любопытном случае, который только что произошел в 36-м кавалерийском полку. Коноводы этого полка вместе с лошадьми расположились рассредоточено на кукурузном поле у перекрестка железной дороги и проселка Чаплинка – Армянск. Внезапно их атаковали с воздуха вражеские самолеты. Напуганные кони табуном в 150-200 голов устремились галопом вдоль дороги на Чаплинку и почти без потерь примчались в наше расположение.

Это происшествие натолкнуло нас на мысль, что здесь-то и следует атаковать противника. Было совершенно очевидно, что в том месте, где беспрепятственно проскочило такое число коней, во вражеской обороне имеется какая-то брешь.

Атака началась сразу же с наступлением темноты.¹⁰⁴

За тридцать четыре часа армия прорвала перекопские позиции врага и уничтожила в боях до десяти тысяч гитлеровцев. 10 апреля утром гвардейцы ворвались в траншеи Ищунского укрепленного района. Гитлеровцы бросили сюда подкрепления. Бои приняли характер исключительной ожесточенности и доходили до рукопашных схваток. В этот напряженный момент и прибыл в армию начальник штаба фронта генерал С. С. Бирюзов. Он всегда считал 2-ю гвардейскую армию, с которой прошел нелегкий путь от Сталинграда до реки Миас, своей родной. Была и вторая



Командный состав Южного фронта перед Миусской операцией

причина. «В представлении людей моего поколения, – писал после войны Бирюзов, – само слово «Перекоп» ассоциировалось с понятием наивысшего проявления воинской доблести. Как же я мог не побывать там, где история вновь поставила нас перед необходимостью штурма Перекопского перешейка».

Вместе с командирами Г. Ф. Захаровым и командующим артиллерией армии И. С. Стрельбицким С. С. Бирюзов направился в части, ознакомился с обстановкой, дал очень ценные указания по прорыву укреплений и уточнил последующую задачу: во взаимодействии с 51-й армией, действующей на главном направлении от Сиваша, развивать наступление на Севастополь и частью сил на Евпаторию. 51-я армия под командованием генерала Я. Г. Крейзера решила создать группу войск, усилив танковый корпус 279-й стрелковой дивизией и 21-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой. Командование было поручено Разуваеву.

В ходе операции войска фронта обогатились опытом прорыва глубоко эшелонированной обороны противника. В ходе операции С. С. Бирюзов организовал эффективное управление подчиненными войсками и обеспечил их тесное взаимодействие.

Вспоминая ту тяжелую осень, маршал Бирюзов не без обиды подчеркнет: «Обычно, когда заходит речь об освобождении Крыма, все внимание концентрируется на событиях весны 1944 года. Действительно, они наиболее интересны. В результате наступательной операции, осуществленной весной 1944 года, враг был уничтожен и весь Крым окончательно освобожден от оккупантов. Но едва ли следует замалчивать предшествующую этому тяжелую подготовительную работу».

Такого рода работа была привычна для Бирюзова. Он вспоминал о ней так: «...самым важным здесь была ликвидация вражеского плацдарма под Никополем. Никопольский плацдарм

явился для нас сущим бедствием. Нависая над нашим правым флангом и тылом, он как бы раздваивал силы 4-го Украинского фронта. Отсюда противник мог в любой момент внезапным ударом отрезать наши войска, находившиеся в Таврии и перед Крымом».

Дело сдвинулось с мертвой точки только в феврале 1944 года, когда по указанию Ставки в него включились войска 3-го Украинского фронта, и была проведена так называемая Никопольско-Криворожская операция. Ликвидация никопольского плацдарма лишила командование противника надежды на восстановление сухопутной связи с заблокированной в Крыму 17-й армией. Только теперь войска 4-го Украинского фронта, высвободившиеся в результате существенного сокращения линии фронта, получили возможность приступить к освобождению Крыма.

Возобновление наступления 4-го Украинского фронта во взаимодействии с Отдельной Приморской армией, Черноморским флотом и Азовской военной флотилией планировалось в марте, но все время что-то мешало. «Первым неприятным для нас сюрпризом был необычайный для Таврии в это время снегопад, – писал С. С. Бирюзов. – Снегу навалило почти на метр. Им забило все траншеи, замело дороги, засыпало технику». Отсрочку использовали с пользой дела – начальник штаба проверял укомплектованность и боевые качества соединений, отработывал вопросы взаимодействия и управления.

Наступление началось 8 апреля 1944 года. Вражеская оборона не выдержала мощного натиска советских войск. Сначала у фашистов возникло замешательство, которое вскоре переросло в паническое бегство. После быстрого прорыва оборонительных рубежей противника войска фронта умело развивали наступление. В армиях, корпусах и дивизиях создавались подвижные группы. Они действовали в качестве передовых отрядов, стремительно выходили к районам обороны противника, не давая отходящим войскам закрепиться на них.

Приморская армия наступала с Керченского полуострова. Сломив упорное сопротивление 5-го корпуса гитлеровцев, она 10 апреля освободила Керчь и, продвинувшись к Феодосии, к 16 апреля встретилась с 51-й армией, советские войска вышли к Ба-



Представитель Ставки Верховного главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский и командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии Ф. И. Толбухин на командном пункте под Севастополем. Май 1944 г.



Генерал-лейтенант С. С. Бирюзов в освобожденном Севастополе. 1944 г.



45-я артиллерийская батарея форсирует Сиваш. Весна 1944 г.



Группа советских автоматчиков ворвалась на Графскую пристань Севастополя. 9 мая 1944 г.

лаклаве. Однако попытка взять Севастополь с ходу не увенчалась успехом.

Сутра 17 апреля 1944 г. начался заключительный этап Крымской операции. 250 дней гитлеровцы осаждали Севастополь. Советские войска взяли город за 35 дней, благодаря массовому героизму советских солдат. Штурм укреплений города начался 5 мая после двухчасовой артподготовки и ударов авиации. Бои за город продолжались до 9 мая 1944 года, к исходу дня наши войска подошли к оборонительному рубежу от бухты Стрелецкой к морю. Впереди лежала последняя полоска крым-

ской земли, еще принадлежавшая врагу, — от Омеги до мыса Херсонес.

Но тут случилась совсем непредвиденная ситуация, о которой С. С. Бирюзов вспоминает следующее: «10 мая радио возвестило на весь мир о том, что Москва от имени Родины салютует войскам 4-го Украинского фронта и морякам Черноморского флота, освободившим город-герой, крепость и важнейшую военно-морскую базу на Черном море. Объявляя приказ Верховного Главнокомандующего, радиодиктор Ю. Левитан с присущей ему торжественностью произнес:

— Ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму, и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков.

Мы с Федором Ивановичем (Толбухиным. — А. А.) невольно переглянулись. Командующий, вероятно, подумал в ту минуту: «Зачем это Бирюзов поторопился передать в Москву такие сведения?»

А я, грешным делом, мысленно упрекнул Толбухина: «К чему такая поспешность?» Мне казалось, что сам он доложил в Ставку о полном очищении от гитлеровских войск всего Крымского полуострова».

В действительности в Крыму оставалась довольно значительная группировка врага, прижатая к морю на мысе Херсонес. В течение 10 и 11 мая противник продолжал удерживать этот последний клочок крымской земли. Зенитная артиллерия гитлеровцев была поставлена на прямую наводку. В ночь на 12 мая к Херсонесу было стянуто значительное количество советской артиллерии, проведена мощная авиационная подготовка, а с рассветом части 51-й армии и несколько подразделений 19-го танкового корпуса пошли в решительную атаку. Противник был деморализован и не смог оказать никакого серьезного сопротивления. К полудню 12 мая ни одного вооруженного врага на территории Крыма не осталось. Остатки 17-й армии были пленены.¹⁰⁵

16 мая 1944 г. Сергей Семенович награжден орденом Суворова 1-й степени. 17 мая 1944 г. С. С. Бирюзову присвоено воинское звание генерал-полковник.

ЯССКО-КИШЕНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*«После освобождения Крыма в мае 1944 года мне был доверен пост начальника штаба 3-го Украинского фронта. Здесь я участвовал в разработке, организации и проведении одной из выдающихся операций Великой Отечественной войны – Яско-Кишиневской, осуществленной силами 2-го и 3-го Украинских фронтов, а также Черноморского флота и Дунайской военной флотилии. В результате этой операции были освобождены Советская Молдавия, Румыния и Болгария, созданы условия для освобождения Югославии, Венгрии, Чехословакии, для удара под самое сердце гитлеровской Германии».*¹⁰⁶

На штабной работе талант Бирюзова засверкал новыми красками. Как неоднократно отмечали командующие фронтами, Сергей Семенович искусно планировал боевые действия, обеспечивал творческое управление войсками при выполнении ими боевых задач. Руководимые им штабы отличались сплоченностью, умением быстро и качественно обрабатывать оперативные документы, держать под строгим контролем выполнение решений.¹⁰⁷

После войны Сергей Семенович в своей книге «Советский солдат на Балканах» напишет: «Чтобы наступление развивалось успешно, надо безошибочно оценить обстановку, сделать из нее точные выводы и принять на основе их единственное правильное решение. Это очень напряженный, я бы даже сказал, мучительный процесс. Исключительная собранность, мужество, воля должны сопутствовать при этом не только командующему войсками, но и его штабу, всем службам управления».

С таким чувством ответственности, неиссякаемого творчества подходил С. С. Бирюзов к подготовке операции. Особенно весом его вклад в осуществление Яско-Кишиневской операции.

Сергей Семенович умело руководил разработкой плана операции, подготовил и провел широкий комплекс мероприятий по оперативной маскировке войск.

Успех этой операции, как известно, во многом зависел от правильного выбора направления главного удара. С. П. Иванов вспоминает: когда Бирюзов передавал ему должность началь-

ника штаба 3-го Украинского фронта, Сергей Семенович рассказал, сколь сложным был этот выбор.

«Так называемый Кицканский плацдарм, – вспоминал он, – казался непригодным для сосредоточения крупных сил. Но от туда легче было выйти в тылы основной группировки врага. А главное – удара с Кицканского плацдарма враг не ждал. Сергей Семенович гордился, что замысел командования фронта удалось блестяще осуществить, что операция стала образцом военного искусства».

В своей книге «Суровые годы» С. С. Бирюзов пишет: «Вспоминая те давние дни, я и сейчас не могу отделаться от мысли об исключительной дерзости наших действий. Разве пришло бы кому в голову, скажем, в 1941-1942 годах почти полностью оголеть 220 километров фронта и сосредоточить свыше 90 процентов всех сил и средств на направлении главного удара шириной в 40 километров? Разве осмелились бы тогда расположить за Днестром на небольшом Кицканском плацдарме всю 37-ю и главные силы 57-й армий? Ведь если бы противнику удалось раскрыть наш замысел, он мог не только сорвать операцию, но и нанести нам серьезное поражение упредительным контрударом в обход нашей группировки с флангов и тыла.

Риск с нашей стороны был большим, но он имел под собой твердую почву. Фактически незначительное численное превосходство над противником (в людях оно составляло 1,2: 1, в артиллерии и танках – 1,6:1) мы сумели превратить в наш подавляющий перевес над ним. По танкам и артиллерии на главном направлении он стал шестикратным, по пехоте – восьмикратным.¹⁰⁸

На случай контрудара неприятеля до самого последнего момента находились в готовности к его отражению наши механизированные корпуса. Не дремала и авиация.

Но главное, на что мы уповали и в чем, по счастью, не ошиблись, составляли заранее продуманные и великолепно осуществленные широкие мероприятия по оперативной маскировке. В основе их лежало создание ложной группировки войск на кишиневском направлении. Мы имитировали сосредоточение механизированного корпуса в районе Римаровки, стрелкового корпуса – в Карманов, артиллерийской дивизии – в районе Григориполь – Ташлык».

Все было сделано очень тонко. Интенсивно функционировали железнодорожные станции, на которых якобы проводилась разгрузка войск. Из района реального сосредоточения наших войск по дорогам шли машины, танки, передвигалась пехота. Делалось это преимущественно перед наступлением вечерних сумерек, чтобы создать видимость сосредоточения войск в темное время. А фактически ночью войска возвращались обратно.

В дальнейшем мы имели возможность убедиться, что все эти меры оперативной маскировки полностью себя оправдали. Противник не только в момент прорыва его обороны, но даже на второй день нашего наступления продолжал ожидать главного удара на кишиневском направлении. Действия с Кицканского плацдарма он считал отвлекающими. Только к концу второго дня ожесточенных боев враг понял весь трагизм своего положения». ¹⁰⁹

В первый день наступления были прорваны сразу две полосы обороны противника. А к третьему дню операции враг полностью исчерпал свои резервы в полосе 3-го Украинского фронта. Германское командование при этом, несмотря на катастрофическое положение, образовавшееся на стыке 3-й румынской и 6-й германской армий, не сняло из-под Кишинева ни одного соединения. В результате создалась угроза изоляции 3-й румынской армии от 6-й немецкой. Окружение основных сил противника стало реальностью. Пока Гитлер принимал решение о выводе своих войск с выступа, командующие 2-м и 3-м Украинскими фронтами получили приказ Ставки на завершение окружения войск в районе Хуши. 22 августа танковые соединения Малиновского совершили бросок на 30 км, а механизированные соединения Толбухина – на 50 км. При поддержке артиллерии, авиации и Дунайской флотилии группа войск под командованием генерала Бахтина форсировала Днестровский лиман и, преодолевая сопротивление, заняла Анкерман. 3-я румынская армия оказалась в полном окружении и 23 августа сложила оружие. Выход из котла немецких частей был пресечен силами десанта, высаженного Дунайской флотилией в районе Жебриян.

Вскоре поступил приказ Гитлера об отходе на карпатские позиции. Но было поздно. 23-24 августа с северо-запада и востока на Прут в район Хуши вышли танкисты обоих фронтов. В пол-

ном окружении оказались силы пяти немецких корпусов, был освобожден Кишинев, а затем и вся Молдавия, выведена из войны Румыния.

Блестяще проведенная Бирюзовым в качестве начальника штаба 3-го Украинского фронта Яско-Кишиневская операция позволила командующему войсками фронта Маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину отметить в боевой характеристике С. С. Бирюзова: «Энергичный, хорошо подготовленный, имеющий большой практический опыт... Лично храбрый, настойчивый и дисциплинированный генерал...»¹¹⁰

БЕЛГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*«Затем участвовал в Белградской операции».*¹¹¹

Как известно, 8 сентября 1944 года войска 3-го Украинского фронта вступили на территорию Болгарии.

Бескровно начавшаяся операция по освобождению Болгарии от немецко-фашистских войск на второй день бескровно и закончилась. Болгария вышла из войны на стороне Германии и объявила войну своему бывшему союзнику.

И уже 13 сентября поступила директива Ставки, которая требовала от командования фронта энергичнее поддерживать усилия болгарской армии. Маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину предписывалось: «Для руководства действиями наших войск, включая авиацию, и для организации взаимодействия с болгарскими войсками через Генеральный штаб Болгарии направить в Софию генерал-полковника Бирюзова в качестве своего заместителя».



Георгий Дмитриев беседует на улицах Софии с командующим 3-м Украинским фронтом Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухиным и начальником штаба генерал-полковником С. С. Бирюзовым. 1944 г.



С. С. Бирюзов вручает боевые награды болгарским воинам



Командир 1-й софийской бригады «Чавдар» Добри Джуров с партизанами бригады. Октябрь, 1944 г.



Разведчик 127-й отдельной разведроты 52-й стрелковой дивизии кавалер ордена славы трех степеней старший сержант П. Атаев. Югославия. 1944 г.



Войска 37-й армии входят в Болгарию. 1944 г.

Главными его задачами были: во-первых, не допустить удара немецко-фашистских войск по Софии, и во-вторых, решить с правительством Болгарии все практические вопросы, касающиеся участия болгарской армии в войне против гитлеровской Германии.

28 сентября – 20 октября 1944 года войска 3-го Украинского фронта совместно с войсками Народно-освободительной армии Югославии и войск Отечественного фронта Болгарии провели Белградскую наступательную операцию.

С. С. Бирюзову выпала сложная задача планирования операции и организации взаимодействия коалиционных сил на обширном пространстве Балкан, в сложных условиях лесисто-горной местности.

Белградская операция началась 28 сентября с наступления войск 57-й армии во взаимодействии с 14-м корпусом Народно-освободительной армии Югославии в направлении на Бел-

град. Правый фланг наступавших сил прикрывала Дунайская военная флотилия, производившая перевозки войск и боевой техники, а также высадившая десанты в Радуевац и Прахово. 17-я воздушная армия осуществляла авиационные налеты на железнодорожные мосты и другие объекты, препятствуя при этом выводу немецких войск из Греции и южных районов Югославии.

Через десять дней, 8 октября, 57-я армия успешно вышла к реке Морава, с ходу ее форсировала и захватила два плацдарма, что обеспечивало ввод в сражение 4-го гвардейского механизированного корпуса. С северо-востока наступление обеспечил 10-й гвардейский стрелковый корпус 2-го Украинского фронта совместно с частями Югославской армии. 2-я Болгарская армия во взаимодействии с 13-м корпусом Югославской армии, выдвинувшись с юго-востока, освободила два города и перерезала пути отхода основных сил противника.

Развивая дальнейшее наступление, войска 3-го Украинского фронта совместно с 14-м корпусом Югославской армии перерезали коммуникации противника в долине реки Морава и соединились с частями 1-й армейской группы народно-освободительной армии Югославии. Они уничтожили 20-тысячную группировку противника и после невероятно трудных и напряженных боев 20 октября освободили столицу Югославии Белград.

В этот период С. С. Бирюзову впервые пришлось планировать взаимодействие на театре военных действий трех армий разных государств, противостоящих гитлеровцам, вести переговоры с политическими и военными деятелями коммунистического и антифашистского движения Болгарии и Югославии, приобретая при этом большой дипломатический опыт. Сергей Семенович не знал тогда, что это совершенно особым образом скажется на его дальнейшей карьере и судьбе. Он и не задумывался тогда об этом. Он просто воевал с крайним напряжением сил и единственным неодолимым стремлением — к победе.

В результате спланированной при непосредственном участии С. С. Бирюзова, успешно проведенной в течение 23 суток операции, кроме освобождения восточных, северо-восточных районов Югославии и ее столицы, были созданы благоприятные условия для наступления на будапештском направлении. Фронт противника на Балканах был отодвинут на 200 км, а основная

коммуникация Салоники — Белград перерезана. Германское командование было вынуждено уходить с юга Балканского полуострова.

После завершения Белградской операции, в которой С. С. Бирюзов обеспечил бесперебойное управление войсками фронта, он был назначен командующим 37-й армии, находившейся на территории Болгарии.

КОМАНДАРМ С. С. БИРЮЗОВ

«После ее проведения был назначен Командующим советскими войсками в Болгарии и возглавил Союзную Контрольную Комиссию в этой стране. На моих глазах болгарский народ осуществлял первые демократические преобразования, и я счастлив тем, что смог вложить в укрепление социалистической Болгарии сильную лепту.

*Сочетать командную и военно-дипломатическую работу мне пришлось до 1947 года с небольшим перерывом, когда я был назначен заместителем Главнокомандующего сухопутными войсками. Болгарское правительство с разрешения ЦК КПСС наградило меня двумя высшими орденами».*¹¹²

31 октября 1944 года возвратился из Москвы командующий фронтом маршал Ф. И. Толбухин и сообщил, что С. С. Бирюзов назначается командующим 37-й армией. Сам же он был назначен Председателем Союзной контрольной комиссии (СКК). Но он находился далеко от Софии, руководил тяжелыми боями в Венгрии, и повседневной работой в СКК, как посчитали в Кремле, должен руководить его заместитель — генерал-полковник С. С. Бирюзов, совмещая эти обязанности с командованием находившейся в Болгарии 37-й армией.



С. С. Бирюзов среди военачальников Болгарской армии



С. С. Бирюзов вручает боевые награды болгарским партизанам, отличившимся в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками



Исполняющий обязанности председателя СКК генерал-полковник С. С. Бирюзов с военачальниками Болгарской армии. 1945 г.



Генерал-полковник С. С. Бирюзов среди государственных и партийных деятелей Болгарии. 1945 г.

К выполнению новых обязанностей С. С. Бирюзов должен был приступить немедленно. Если командование армией было для него делом вполне привычным, то руководство СКК было поручением совершенно новым.

Общая цель была ясна — осуществлять контроль за выполнением соглашения о перемирии, но она включала в себя множество самых разнообразных задач.

Так, в области административной СКК должна была организовать надежную охрану границ, контролировать выдачу выездных, въездных, а также транспортных виз болгарским подданным и иностранцам, выявлять и отправлять по назначению военнопленных, интернировать подданных Германии и ее сателлитов.

В области военной и военно-морской следовало осуществлять контроль за переходом болгарских вооруженных сил на штаты мирного времени и за чисткой офицерского корпуса от фаши-

стских элементов, возглавлять работы по разминированию населенных пунктов.

Особенно много предстояло сделать в области экономики. Требовалось выявить и взять на учет все инвестированные капиталы, проконтролировать передачу в собственность СССР всех промышленных объектов, принадлежащих раньше нашим врагам, обеспечить возврат ценностей союзным нациям и гражданам.

И не случайно вскоре его вызвали в Москву к И. В. Сталину. С. С. Бирюзов вспоминает о поездке в столицу: «Я основательно подготовился к этой встрече и все же очень волновался. Ведь тогда культ Сталина достиг, пожалуй, своего апогея. Вызовы к нему носили характер исключительных событий. Весь трагизм состоял в том, что даже крупнейшие партийные и государственные деятели верили в непогрешимость Сталина. Что же говорить о таких, как я, фронтовых генералах! Он был настолько недосыгаем для простых смертных, что казался нам чуть ли не полубожеством.

Прием происходил в присутствии В. М. Молотова.

— Как дела в Болгарии? — сразу же спросил И. В. Сталин и указал мне на кресло.

Я сел и, стараясь держаться как можно спокойнее, начал докладывать о политической обстановке в стране, положении дел на фронте. Сталин молча слушал. Потом вдруг едва уловимым жестом прервал меня и заговорил сам, прохаживаясь по кабинету с дымящейся трубкой в зубах.

Указания Сталина в отношении моих новых обязанностей носили общий характер. Говорил он тихо и многозначительно — так, что невольно приходилось напрягаться и прислушиваться». ¹¹³

В этот же день С. С. Бирюзов впервые встретился с Г. М. Димитровым, который находился в это время в Москве и после роспуска Коминтерна в июне 1943 года был назначен заведующим отделом международной политики ЦК ВКП (б), который благодаря Димитрову стал фактическим преемником дела Исполкома Коминтерна.

Вскоре С. С. Бирюзов вернулся в Болгарию и издал 24 ноября 1944 г. приказ войскам 37-й армии:

«Сего числа возвратился из служебной командировки из

города Москва и вступил в исполнение обязанностей командующего армией.

Моему заместителю генерал-майору ШИРЯЕВУ обратиться к исполнению своих служебных обязанностей».¹¹⁴

Сразу же после его возвращения из Москвы к нему стали прибывать генералы и офицеры американской и английской миссий.

Следует подчеркнуть, что на первых порах советские сотрудники в СКК и их английские и американские коллеги решали вопросы большей частью на деловой основе, возникавшие расхождения преодолевались. И пока американцы и англичане честно и без предвзятости выполняли в СКК свои обязанности, они оставались для представителей СССР союзниками по антигитлеровской коалиции и встречали самое дружественное отношение с нашей стороны. Но, как только они становились на путь превратного толкования или нарушения того или иного пункта соглашения о перемирии с Болгарией, им давался решительный отпор. Со временем, особенно в условиях начавшейся «холодной войны», позиция американских и английских представителей в СКК все более ужесточалась. Они стали лихорадочно выискивать любые предлоги, чтобы парализовать деятельность СКК, подорвать международные позиции народно-демократической Болгарии, затормозить и даже повернуть вспять неуклонно развивавшийся в стране процесс революционных преобразований.

Руководству СКК приходилось внимательно следить и за соблюдением установленного количественного состава представительства. Англичане и американцы стремились всячески раздуть свои штаты, организовать слежку за нашими войсками, находившимися в стране. В апреле 1945 г. С. С. Бирюзов вынужден был напомнить генералу Окслею о его обещании в кратчайший срок довести состав своих сотрудников до установленной численности.¹¹⁵

Хотелось бы особо обратить внимание на утверждение Бирюзова, что указания Сталина носили общий характер. На мой взгляд, это далеко не так. Давайте вместе прикоснемся к некоторым «неназванным», но обозначенным проблемам.

Советский Союз заметно отставал в создании ядерного оружия, и ему неоткуда было взять уран в промышленных ко-

личествах. Если бы отставание сохранилось и дальше, первое в мире социалистическое государство могло бы и не выжить. На приёме в честь успешного испытания советской атомной бомбы 29 августа 1949 года И. В. Сталин сказал: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, «попробовали» бы её на себе».

Для создания первых советских реакторов был необходим уран, много урана. Откуда СССР достал столь нужное для выживание государства сырьё?

Была получена информация и захвачены немецкие документы о высококачественных запасах урана, имевшихся в районе Бухово, в Родопских горах. По мере приближения окончания войны в Советском Союзе начинали предпринимать первые шаги по геологическим поискам урановой руды. В ноябре 1944 года большая группа советских специалистов под руководством 4-го специального отдела НКВД В. Кравченко выехала в только что освобожденную от фашистов Болгарию. Между тем, обстановка в стране складывалась непросто. Об этом свидетельствует приказ о притуплении революционной бдительности, подписанный С. С. Бирюзовым 10 декабря 1944 года.¹¹⁶

В нем отмечалось, что, несмотря на ряд указаний Военного Совета, политотдела армии и последнего постановления Военного Совета армии № 2 от 19.11.44 г. в частях и соединениях продолжают иметь место факты притупления революционной бдительности, особенно распространились связи с болгарским населением, белоэмигрантами и даже с фашистскими шпионами.

«Наши военнослужащие, особенно офицеры, завели обширное знакомство с населением, посещают их квартиры, участвуют в вечерах и банкетах.

Некоторые военнослужащие, потеряв облик гражданина Советского Союза, вступают в брак с болгарами, этим самым изменяют Родине.

Военный Совет располагает данными, когда Нач. Хим. Службы 188 сд капитан Сорока, живя на квартире у одной болгарской учительницы, в селе Пилаузово рассказывал последней нумерацию полков и дивизий, кроме того ежедневно перед отъездом в часть ставил ее в известность о проводимых им занятиях – в каких подразделениях и на какую тему.

Сан. инструктор 234 ап этой дивизии сержант Доронин в знак «особой дружбы» с болгаринном рассказал о месте дислокации подразделений дивизии и подарил ему пистолет системы «вальтер» и запасную обойму с патронами.

Киномеханик Полит. отдела д 2 зв. сд. сержант Толкачев с целью вступить в брак с болгаркой в г. Бургас сделал фиктивный документ и представил его священнику для оформления брака и т.д.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Прокурору 188 сд о фактах разглашения военной тайны капитаном Сорока и сержантом Дорониным расследовать и предать суду военного трибунала. Командиру 92 зв.сд: сержанта Толкачева разжаловать в рядовые и направить в стр. роту.

2. Постановление Военного Совета армии № 0049 от 19.11.44 ещё раз довести до всего офицерского состава включительно до командиров рот.

3. Каждый случай потери бдительности и связи с местным населением, граничащий с разглашением военной государственной тайны тщательно расследовать и доносить мне.

4. В часы очередной полит. информации со всем офицерским составом, политическую информацию по повышению революционной и классовой бдительности, сохранении военной и государственной тайны, полит. информации провести лично командирам полков и их заместителям по полит. частям.

5. Разъяснить всем военнослужащим, что всякая связь с тем или другим гражданином Болгарии следует рассматривать как малую политическую устойчивость». ¹¹⁷

Следует отметить, что в своем стремлении укрепить дисциплину и бдительность в подчиненных ему войсках С. С. Бирюзов был прав. Двумя месяцами позже ГКО направил постановление № 7408 от 27 января 1945 года, подписанное И. В. Сталиным, только двум людям в стране — наркому иностранных дел В. М. Молотову и наркому госбезопасности Л. П. Берии, с грифом «Совершенно секретно, особой важности».

В постановлении говорилось следующее:

«1. Организовать в Болгарии поиск, разведку и добычу урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также геологическое изучение других известных или могущих быть открытыми месторождений урановых руд и минералов.

2. Поручить НКВД СССР (т. Молотову) провести переговоры с правительством Болгарии о создании смешанного болгарско-советского акционерного общества с преобладанием советского капитала для производства поисков, разведки и добычи урановых руд на урановом месторождении Готен и в его районе, а также производства геологического изучения других известных или могущих быть открытыми в Болгарии месторождений урановых руд и минералов. Переговоры с болгарскими властями и всю документацию по созданию и оформлению акционерного общества проводить, именуя месторождение радиевым».

Поставкам болгарского урана, ввиду высокого его качества, уделялось исключительное внимание. Г. Димитров лично следил за урановыми разработками. Советская сторона направила в Болгарию более трехсот горных инженеров, срочно отозвав их из армии, район Бухово охранялся внутренними войсками НКВД. Однако вскоре через агентуру советской контрразведке стало известно, что американские спецслужбы готовят диверсионные акты с целью сорвать поставки урана в Советский Союз и одновременно выявить подлинный размах работ, чтобы определить сроки создания ядерного оружия в СССР. Американцы даже пытались организовать похищение Щорса. Мы приняли контрмеры: Эйтингон занялся проверкой американских разведчиков и их жен, задержанных при содействии нашей агентуры из местных турок вблизи урановых месторождений, но успеха не достиг.

В своих мемуарах «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 годы» П. Судоплатов написал: «Урановая руда из Бухово (Болгария) была нами использована при пуске первого атомного реактора».

Зимой 1944/45 г. и весной 1945 г. генерал Окслей и другие офицеры союзников зачастили в различные районы страны — «на охоту», «на рыбалку», «на лыжные прогулки». Маршруты этих «увеселительных поездок» подозрительно совпадали с близостью советских и болгарских военных объектов. Использовались и другие предлоги. Так, у союзников была служба по регистрации их соотечественников — летчиков, сбитых над территорией Болгарии. И вот в феврале 1945 г. один американский офицер, допущенный СКК в город Видин с группой сотрудни-

ков, попытался собрать сведения о наших войсках. Председатель СКК сделал соответствующее представление генералу Крейну.

В своих воспоминаниях С. С. Бирюзов ни слова не пишет о своей встрече с И. В. Сталиным, состоявшейся в июне 1945 года. В журналах записей лиц, принятых Сталиным, сделана запись о приеме 29 июня 1945 года с 22 часов 55 минут до 23 часов 50 минут (без малого час), в котором участвовали маршал Толбухин, генерал Бирюзов, болгарский военный министр Велчев, начальник штаба болгарской армии Кинов.¹¹⁸

Речь шла о вопросах, связанных со строительством болгарских вооруженных сил, в решение которых были вовлечены и Толбухин, и Бирюзов. Но отразить эти вопросы в своих мемуарах С. С. Бирюзов не считал возможным. Понятно, что круг вопросов, которым занимался Сергей Семенович в Болгарии, связаны с обеспечением порядка, военной дисциплины, политической стабильности в стране.

В связи с этим исключительный интерес представляют воспоминания К. М. Симонова: «Мы приехали в Софию глубокой ночью, и утром я еще спал, когда за мной явился офицер из штаба Бирюзова с приказанием немедленно доставить меня к генерал-полковнику. Я обрадовался, вообразив, что Бирюзову сказали о намерении корреспондента «Красной звезды» попасть к югославским партизанам и он сегодня пораньше с утра вызывает меня по этому поводу. Но оказалось, что причина срочного вызова к Бирюзову совершенно другая и крайне для меня неприятная.

Когда я открыл дверь, ходивший по кабинету Бирюзов резко повернулся ко мне. Его умное длинное лицо было в этот момент сердитым. Он был зол и не считал нужным скрывать это. Закрыв за собой дверь, я проговорил все, что полагалось в таких случаях — что корреспондент «Красной звезды» подполковник Симонов по его приказанию явился, — и с вдруг возникшей тревогой ждал, что будет дальше.

Руки мне Бирюзов не подал, но и по стойке «смирно» не поставил. Сел за стол и показал, чтоб сядил напротив него. Обращался ко мне не по званию, а «товарищ Симонов», но говорил накаленно.

Оказывается, наши болгарские товарищи из Общества болгаро-советской дружбы, пока я ездил в Рильский монастырь, не

помню уж, не то расклеили афишу о моем воскресном литературном утреннике, не то напечатали билеты, и это дошло до Бирюзова.

Он жестко спросил: кто мне давал разрешение на устройство публичной встречи? Я стал было объяснять, как и почему все это вышло, что предложил это не я, а мне и что, по-моему, все это может оказаться хорошим и полезным делом, но Бирюзов прервал меня, еще раз жестко повторив вопрос: кто разрешил мне эту встречу?

Пришлось ответить, что никто не разрешал.

— Так вот, я запрещаю ее вам, — сказал Бирюзов. — Ее не будет. Ясно?

Я сказал, что ясно, но как же теперь отменить ее? И, не удержавшись, спросил:

— А почему, собственно, ее нужно отменять?

— А вам это все еще непонятно? — с иронией сказал Бирюзов.

Я ответил, что нет, мне это непонятно.

— Ну хорошо, раз так, придется вам это разъяснить! — сказал Бирюзов.

Не могу, а потому и не буду пробовать дословно восстанавливать все, что он мне сказал. Но смысл сказанного помню.

Он начал с того, что мои ссылки на болгарских товарищей, с которыми я договаривался, неуместны, потому что мы еще и до сих пор находимся в состоянии войны с Болгарией и пока что силою обстоятельств, к сожалению, вынуждены, обращаясь к болгарам, употреблять не слово «товарищи», а слово «господа». В Софии сидят представители союзных, так же, как и мы, все еще находящиеся в состоянии войны с Болгарией государств, их корреспонденты и их разведчики. Если я всего этого не понял и не заметил, это не делает мне чести. В этих условиях утренник дружбы, устраиваемый в Софии подполковником Советской Армии, пока неуместен и может дать повод для враждебных нам инсинуаций. А возможно, уже и дал. В другое время и в другом месте, если бы позволила служба, он и сам бы, возможно, пришел послушать «Жди меня», но не сейчас и не здесь. А сейчас и здесь публичная встреча им запрещена.

— А как же теперь быть? — спросил я. — Как теперь это объяснить?

— А это уж ваше дело. Заявите, что вы больны. Он встал, явно не считая нужным дальше говорить со мной на эту тему. Я тоже встал, но вместо того, чтобы попросить разрешения идти, сказал, что объявлять себя больным не могу и не буду! Вожжа попала под хвост; притворяться я не умел, и объявлять себя больным казалось стыдным.

Мой ответ взорвал Бирюзова, и раньше злого на меня, но до сих пор сдерживавшего гнев. Он сказал, что раз так, то отмену встречи объяснит и без меня. А мне он приказывает в 24 часа покинуть Болгарию, чтобы тут и духу моего не было! И холодно добавил:

— Идите.

Я повернулся через левое плечо и вышел.

Через двадцать четыре часа, вытуренный Бирюзовым из Болгарии, я, добравшись на чьей-то попутной машине, был в Бухаресте.

Встряска была основательная; став к тому времени довольно известным писателем, я, по совести говоря, был изрядно разбалован добрым, а подчас и слишком добрым отношением к себе фронтового и армейского начальства. Но хоть я и злился на Бирюзова, но все-таки понимал, что прав он, а не я. А кроме того, этот давший мне выволочку генерал чем-то понравился мне. Наверно, будь я кадровым военным, предпочел бы служить под началом у такого вот человека, у которого да – это да, а нет – это нет.

Во всяком случае, лет через шесть после этого, когда шла война в Корее, и туда вызвался ехать военным корреспондентом от «Литературной газеты» Александр Чаковский, я вспомнил о находившемся на Дальнем Востоке Сергее Семеновиче Бирюзове. Чаковский уже был в пути, а мне, как редактору, хотелось, чтобы нашему военному корреспонденту помогли там, на Дальнем Востоке, поскорее попасть в самую гущу событий, в Корею. И я позвонил Бирюзову. Начал с того, что напомнил о нашей встрече в Софии, и попросил, приняв военного корреспондента «Литературной газеты», по возможности сделать так, чтобы он через двадцать четыре часа оказался за пределами Советского Союза. — Хорошо, — сказал Бирюзов. Было слышно, как он усмехнулся по телефону. — Раз так, сделаю». ¹¹⁹

Так судьба еще раз свела на фронтовых дорогах К. Симонова и С. Бирюзова, на этот раз лицом к лицу. Это еще раз подтверждает, что к Победе они шли параллельными путями: один — военачальником, другой — журналистом. Их представления о страшной и кровопролитной войне питались впечатлениями, полученными на одних и тех же полях сражений. Но военачальник и журналист могли одну и ту же картину видеть все-таки по-разному и потом, много лет спустя, по-разному вспоминать одни и те же события.

37-я армия под руководством С. С. Бирюзова находилась в постоянной боевой готовности, но при этом крепила традиционную дружбу с болгарским народом. Совместно с частями болгарской армии она была размещена в районе границы с Турцией, возле которой в это время была сосредоточена крупная группировка турецкой армии, обеспечив защиту фланга наступающих войск 3-го Украинского фронта. Для воссоздания подлинной картины боевой готовности 37-й армии рассмотрим содержание приказа, отданного С. С. Бирюзовым войскам 37-й отдельной армии 21 января 1945 года.

«Содержание: О результатах проверки хода боевой подготовки, проведенных учений по теме: «Марш в предвидении встречного боя, СД и встречный бой» в частях и подразделениях 195 и 333 СД.

В результате личной проверки в период 18-19. 01.1945. хода боевой подготовки, выполнения внутреннего распорядка, несения караульной службы и учения на тему – Марш СД-в предвидении встречного боя и встречный бой в частях и подразделениях 66 СК установил:

При указании о полной перестройке организации боевой подготовки и внутреннего распорядка части корпуса не выполнили, хотя и есть некоторые улучшения в строевой подготовке в области знания офицерским составом уставных команд .

Внешний вид бойцов остается неудовлетворительным. Среди рядового состава большое количество в рваном обмундировании, без погон, подворотников, крючков и пуговиц: не бритых, не остриженных и не подтянутых.

Так, например: в 604 СП 195 СД, на строевом осмотре в 9 СР 3 СБ 50 процентов рядового состава без погон, обмундирование потрёпанное; во 2 СВ 1118 СП шинелей 16 рваных шинелей в 3 СБ этого пол-

ка 13 рванных шинелей, 17 порванных брюк; обмундирование грязное, бойцы не стрижены и не бритые.

Офицерский состав не подтянут, не брит, в мятых, грязных и не форменных фуражках, без погон, без пуговиц.

Штатно-списочный состав не соответствует действительности так, например: в 3 взводе 7 СР 1113 СП красноармеец КАЗРОБАЙ числится отличным стрелком, а фактически ездовой, кр-ц ХОЗЯ-ЕВ числится наводчиком ручного пулемета, а фактически стрелок; старшина роты :КАСАЛЬ до сего времени числится стрелком 1-го отделения 3 взвода.

На занятиях отсутствуют связные, ординарцы, прикомандированные, писаря и т.д.

В батарее 45 мм пушек 604 СП по списку 45 чел., а на занятиях присутствовало 28 чел.

В батарее 76 мм пушек того же полка по списку 63 ч. а на занятиях присутствовало 41 чел.

В 120 мм батарее из 60 чел. на занятиях присутствовало 40 чел.

В 3/578 СП в период занятий в общежитии батальона находилось 23 чел. без уважительных причин. С освобожденными и оставшимися без обуви занятия не проводятся.

По-прежнему подбор и научение сержантского состава остается неудовлетворительным. На должность командиров отделений большинство назначено из рядовых – бывших в плену и в окружении и прослужившим в Армии не более 2-4 мес.

В 3 СБ 604 СП 195 СД из 38 командиров отделений 28 чел. были в плену и в окружении и служат в Красной Армии только с августа 1944 г.; в 4 СР 1118 СП 383 СД из 8 чел. 4 чел. были в плену; в 5 СР из 8 чел. 6 чел. были в плену, в 9 СР из 9 чел. 4 чел. были в плену. Кроме того, они подготовлены плохо, не имеют боевого опыта, не отвечают требованиям занимаемой должности и авторитетом не пользуются.

Несмотря на имеющиеся улучшения в строевой подготовке в целом, все же некоторые командиры отделений, взводов и рот слабо знают уставные команды в построении и перестроении своих подразделений.

Командир 2-го взвода 9 СР 1118 СП лейтенант ГОЛОВКИН не знает ни одной команды для перестроения взвода в движении; командир 4 СР 1118 СП лейтенант РОГИНЦЕВ не сумел построить роту в две шеренги и в походную колонну.

10. Проведённые тактические учения показали, что офицеры недостаточно понимают природу современного встречного боя не понимают, что этот вид боя требует развёртывания на широком фронте и успех его решается быстротой и стремительностью действий, манёвром охватов и обходов, что решающее значение во встречном бою имеет упреждение пр-ка в развёртывании, в открытии массированного огня миномётов и артиллерии, в нанесении внезапных ударов боевой авиацией и в переходе в атаку.

(ст. 432 ПУ - 43г.).

Командиры дивизий самоустраняются от организации и руководства боем. перепоручая это НШ и начальникам родов войск.

Штабы не слажены. Нет чёткой организации работы внутри штабов. Благодаря плохой организации работы штабы дивизий и полков «съедают» время, необходимое подчинённым частям и подразделениям для подготовки к выполнению поставленной боевой задачи.

Например: приказ командиру 195 СД был вручен в 6.00 19.1.45, а командиры батальонов получили приказ на марш только за 10 минут до выступления.

Организация колонн на марше не отвечала требованиям ведения встречного боя. Артиллерия и миномёты оказались в хвосте колонны и по существу превращались в обоз (1118 СП).

Командиры встречным боем руководить не умеют, решение принимают медленно, неуверенно, и неправильно.

Командные пункты со средствами связи, как правило, выбирались у дороги без соблюдения правил маскировки (штаб 195 СД).

Развёртывание колонны из походного порядка для отражения атаки танков и авиации проходит медленно и неорганизованно.

Особенно плохую работу и неорганизованность во время учения показал штаб 333 СД (нач. штаба полковник СКОВЕЕВ).

Штаб дивизии вышел на учение в лице нач. штаба, оперативного дежурного, работника шифровального отделения и с одной рацией; остальные работники штаба остались на зимних квартирах офицеры штаба своих обязанностей не знали, обучением обстановки не занимались и рабочих карт не вели.

Разведка организована плохо и только по главному маршруту без ясной и чёткой задачи.

Штаб 333 СД как на марше, так и во встречном бою подчинёнными штаба не руководил. Штаб 1118 СП был в хвосте колонны и по

существо не знал действительного положения полка на марше (нач штаба майор ОРЛОВ).

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Отмеченные недочёты устранить к 20.02.45.

2. Изучить со всем офицерским составом гл. 1Х ПУ-43г.¹²⁰

Приведу часть другого Боевого приказа штаба 37 А от 5.7.45г.

1. 82 и 34 СК в полном составе вывести из состава 37 Армии и передать в состав 46 Армии.

2. Маршрут движения для 34 СК – София , Яблонице , Плевен , Бяла , Русе / Руцук /; график марша: три дня марша – сутки отдыха, три дня марша – двое суток отдыха, три дня марша – сутки отдыха и т.д.

Выступление 8.7.45г. Прибытие в район Русе / Руцук / не позднее .. 7.45.

3. Маршрут движения для 82 СК: правый – Бургас, Варна, (не читаемо) ; левый – Сливен, Шумен, Силистра, Чернавода.

График движения тот-же, что и для 34 СК.

Выступление – 8.7.45г. Выход к румыно-болгарской границе не позднее 19.7.45г.

Передача корпусов в состав войск 46 Армии будет произведена на румыно-болгарской границе. Корпуса будут передаваться со всеми частями и подразделениями, принятыми от 75 СК.

Автомашины, отстающие по причинам неисправности, немедленно брать на буксир и продолжать движение не останавливая колонн.

Организовать жесткую службу замыкания: в хвосте ротной колонны должен следовать старшина роты, батальонные колонны – зам. командира батальона по строевой части, полковой колонны – зам. командира полка по строевой части или ответственный офицер штаба полка с санлетучкой; в хвосте автоколонны следует ответственный офицер с авторемонтной летучкой.

Марш совершать во время наименьшей жары – с 3.00 до 11.00 и с 18.00 до 5.00.

Категорически потребовать от всех командиров частей и соединений:

1. Жесткой дисциплины марша;

2. Постоянного нахождения офицерского состава на своих местах; всему офицерскому составу до командира дивизии вклю-

чительно лично вести свои части и находиться в голове своих частей и подразделений;

3. Воспретить производить какие-либо самочинные заготовки и реквизиции продуктов питания, фуража, транспорта и т.д. у местного населения;

4. Под личную ответственность командиров всех степеней не допускать поправки посевов.

Населенные пункты и города для размещения войск не занимать; большие привалы, дневки и ночевки производить исключительно вне населенных пунктов – в лесных массивах и рощах, вблизи водоемов. На больших и малых привалах производить проверку личного состава по подразделениям; на дневках и ночевках переключка утром и вечером. Об отсутствующих немедленно докладывать по команде. Крупные населенные пункты в городах проходить стройными колоннами, подтянутыми с оркестром и песнями, остановок в этих пунктах не производить.

Марш и отдых частей и соединений организовать с мерами боевого обеспечения, обратить особое внимание на охрану войск в период привалов, дневков и ночевков, делая соответственно для этого полевые заставы, караулы и секреты.

Наряд тщательно инструктировать начальникам штабов или заместителям командиров полков по строевой части. Выход за черту bivака разрешать только по командировочным предписаниям с разрешения не ниже командира полка.

Для рекогносцировки районов ночевков и дневков высылать вперед дивизионных квартирьеров во главе с ответственным офицером штаба. Высылку полковых и батальонных квартирьеров запретить. Категорически запретить проходить или заезжать в г. Бухарест даже одиночным машинам.

В целях соблюдения секретности перехода корпусов в новые районы, задачу полкам и дивизиям ставить не более 3-5 суток.

Конечную задачу корпусов ниже личного ознакомления командира дивизии не доводить.

В процессе марша обеспечить организацию ремонта транспорта и систематическую стирку портянок. Санитарную обработку личного состава производить каждые 10-ть дней.

Начальнику тыла Армии обеспечить перевозку грузов корпусов, не поднимаемых транспортом самих корпусов. Организовать

две ж.д. летучки для переброски указанных грузов в районы выхода корпусов.

Корпуса обеспечить продфуражем с рубежа болгарской границы - 10 сутодач и ГСМ - 3 заправки. Для обеспечения марша по Болгарии организовать базы по маршруту следования частей. Командирам корпусов своим транспортом поднять боеприпасов 0.4 б/к; остальные привезти по железной дороге.

Начальнику связи Армии обеспечить проводной и подвижными средствами связи на марше с корпусами: с 34 СК до Русе, а с 82 СК до Кардомер.

Командирам корпусов донесения в штаб Армии представлять к 10.00 и 18.00 самолётом и проводными средствами ежедневно.

Для связи с самолётом при штабкора подбирать посадочные площадки и обозначать их белыми полотнищами и красными ракетами, имея на площадках организованное дежурство.

Командиру 34 СК лагеря 353 СД сдать командиру 333СД, лагеря 259 СД оставить в полной сохранности. Выделив для охраны команду до особого распоряжения.

Командиру 82 СК лагеря 188 СД передать арт. бригаде и лагеря 28 и 92 ГВ.СД в спецчастей корпуса – командиру 4-го мотомехкорпуса

Весь казарменный фонд, лагеря, имущество и инвентарь передать специально выделенными комиссиями под председательством заместителей командиров дивизия и полков по соответствующим актам.

Всё имущество и инвентарь, полученное от болгарских комитетов и учреждений, под личную ответственность командиров всех степеней по актам.

Акты представить через начальника тыла Армии.

План марша представить в Штабм к 20.00.6. 7...»¹²¹

Мы привыкли судить о войне по описаниям сражений, военных операций. Всеми этими вопросами командарм Бирюзов занимался с присущим ему профессионализмом. Но такая же часть его профессии – обеспечение боеспособности войск в относительно мирной обстановке, организация передислокации войск, обеспечение секретности при этом. Это та, невидимая постороннему глазу, работа, которая отнимает много времени и сил командира, а уровень ее проведения говорит об организа-

торском таланте командующего. У Бирюзова был талант военного организатора.

Приведу еще несколько выдержек из доклада командующего 37-й армией генерала-полковника С. С. Бирюзова Главнокомандующему Южной группой войск Маршалу Советского Союза Толбухину.

«Соответственно вашей директиве №-00647/ОП от 4.7.45., войска 34 и 82 СК 8.7.45. выступают в Румынию для вхождения в состав 46 Армии.

В порядке подготовки к маршу проделано следующее:

1. Маршруты корпусов полностью разведаны в период до 7.7.45.; определены: состояние дорог, водоисточников, возможности выпаса и ветеринарно-санитарное состояние проходимых войсками районов;

2. В районах дневок частей установлены: служба регулирования и пункты помощи: а) медицинские (два врача, две медсестры, спецмашина и необходимые медикаменты для оказания первой помощи в каждом), б) ветеринарные (два врача, два фельдшера и спецмашина в каждом), в) технические (автолетучка);

3. Войска, имея при себе с места выступления продфуража 5 сутодач и ГСМ 4 заправки, на маршрутах пополняются с армейских баз снабжения в пунктах: для 34 СК – с.Радовене, Плевен, ст. Две Могилы, ст. Русе/Рушук/; для 82 СК (28 зв.СД и 188 СД) – ст.Шумен, ст. Божи Дар; для 92 зв. СД 82 СК – ВАРНА, ст. Добрич (см.карту);

4. Связь штаба со штабами корпусов осуществляется: а) телефоном – по всем маршрутам; б) телеграфом – «МОРЗЕ» в пунктах: для 34СК – ПЛЕВЕН, БИДА, РУСЕ /РУЩУК/; для 82 СК – СЛИВЕН, ШУМЕН, АКАКДАДА, СИЛИСТРА; в) самолетами «ПО-2» ежедневными рейсами с места стоянок штабов;

*5. Радиосвязь запрещена».*¹²²

Что следует сказать по поводу этих документов, так ярко иллюстрирующих повседневную армейскую жизнь? Из одного перечисления пунктов приказов и распоряжений видно, сколь серьезно относился С. С. Бирюзов к выполнению своих обязанностей, к проблеме планирования и обеспечения боевой готовности армии. Работа в Болгарии позволила командарму Бирюзову вспомнить некоторые страницы русской истории. Он побывал

на Шипкинском перевале, на котором стояли на смерть русские солдаты в русско-турецкой войне 1877-1878 года. Через двадцать лет С. С. Бирюзов писал в своей книге: «Около селения Шипка мы увидели церковь. Оказывается, она построена в честь победы, одержанной здесь русскими войсками в 1877 году. И таких памятников, любовно сберегаемых населением, очень много. Для каждого болгарина они священны.

В этих местах хорошо помнят русского генерала Драгомирова, дивизия которого в июне 1877 года первой форсировала Дунай и атаковала турок на его правом берегу. Еще большей известностью пользуется другой русский генерал – Гурко, ворвавшийся первым со своим отрядом на Шипкинский перевал. Но особенно чтят здесь Столетова, Скобелева и Радецкого.

Осенью 1877 года русские войска под командованием Скобелева атаковали в крепости Плевна армию турецкого полководца Осман-паши». ¹²³

Эти строки воспоминаний очень своеобразно характеризуют Бирюзова. Начавший свое военное образование на пулеметных курсах, Сергей Семенович вырос в серьезного военачальника, хорошо знающего русскую военную историю, которая не в 1917 году началась. Он называет «непопулярные» в то время имена русских полководцев Драгомирова, Гурко, Скобелева. Он, похоже, еще не знает, что Михаил Дмитриевич Скобелев похоронен на его родине, в Рязанской области, но ему известно имя «белого генерала» Михаила Скобелева, как величайшего полководца. У читателей еще будет возможность убедиться в том, что Сергей Семенович Бирюзов хорошо знал русскую военную историю и с глубочайшим уважением относился к опыту русских полководцев прошлого.

ПОБЕДА

Весть о безоговорочной капитуляции застала Сергея Семеновича Бирюзова далеко от Софии в обществе болгарских товарищей – видных деятелей новой Болгарии. Бирюзов в своих воспоминаниях не уточняет, какие проблемы они тогда обсуждали и решали. Но с часу на час ждали этого сообщ-

щения, когда получили его, ликование не было границ. «Бросили все дела и специальным поездом немедленно выехали в Софию».

Прибыли туда под вечер, что творилось в Софии – передать невозможно. Как только Бирюзов с товарищами вышли из помещения вокзала, их окружили толпы демонстрантов, начали качать. «Нет, никогда не изгладится из памяти тот вечер, – писал Бирюзов. – Какой-то наш солдат, поставленный часовым у входа в гостиницу, не выдержал – пустился в пляс.

– Прекрати. Ты же на посту, – увещевал его разводящий.

– Не могу! – кричал в ответ солдат, – то сердце пляшет, а руки автомат держат крепко»...

И еще несколько строк из книги С. С. Бирюзова «Суровые годы»: «Я не знаю в своей жизни более радостного дня, чем 24 июня 1945 года. Меня и некоторых других товарищей из советских войск в Болгарии вызвали на Парад Победы в Москву. Ровно в 10 часов зазвучал Гимн Советского Союза, загремел салют, и из конца в конец стало перекатываться могучее «ура». Начался марш колонн.

Не забыть минут, когда к подножию Мавзолея В. И.Ленина стали падать на землю 200 вражеских боевых знамен». ¹²⁴

Сводный полк 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина – это пять батальонов двухротного состава по 100 человек в каждой



Парад Победы. 24 июня 1945 года.
С. С.Бирюзов у штабс-квартиры 3-го Украинского фронта



С. С.Бирюзов – участник Парада

роте. Кроме того, 19 человек командного состава (в их числе генерал-полковник С. С. Бирюзов). Всего 1059 человек и 10 запасных.

Сергей Семенович вспоминал, что когда на приеме в Кремле был произнесен тост за командующего 3-м Украинским фронтом Толбухина, за генералов Глаголева, Трофименко, Шарохина, Бирюзова, Судца. Захватаева, Гагена, они подошли к столу президиума. Им жали руки. Зал бурно аплодировал.



С. С. Бирюзов с женой Юлией Ивановной. 1945 г.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

*«Затем я был назначен Командующим Приморским военным округом».*¹²⁵

Вспоминает генерал-майор в отставке П. Д. Косенко, председатель Совета ветеранов войны Центрального административного округа столицы: «В конце 1945 года на базе нашего 1-го Дальневосточного фронта был образован Приморский военный округ. Полевое управление округа, штаб, управление артиллерии, воздушная армия, штаб тыла располагались в Ворошилове (так тогда назывался Уссурийск). 5-я армия дислоцировалась в Спасске-Дальнем, 25-я – в Северной Корее, 39-я – на Ляодунском полуострове (порты Дальний, Порт-Артур) и на других направлениях действий. Иначе говоря, войска округа были растянуты на огромной территории: по фронту от Лесозаводска до Хасана, а вглубь – от Пхеньяна и Порт-Артура на всю глубину Приморского края.



Командующий Приморским военным округом. 1948-1949 гг.



С. С. Бирюзов среди генералов Приморского военного округа



С. С. Бирюзов — командующий Приморским военным округом и Ким Ир Сен — Председатель Кабинета министров КНДР. 1948 г.

В 1947 году по результатам инспекции Минобороны округ получил полный «неуд»: в плачевном состоянии находились боевая подготовка частей, соединений и штабов, воинская дисциплина, состояние казарменного фонда и учебно-материальной базы, тыловых складов... В общем, мы ждали нового командующего войсками округа.

И вот в один из июньских дней мне, молодому капитану, офицеру оперативного управления штаба округа, приказывают немедленно прибыть на улицу Пушкинскую, в дом с таким-то номером. Быстро нахожу трехэтажный дом (тогда единственный в городе со всеми удобствами),

поднимаюсь на второй этаж, стучу в дверь, захожу в квартиру и... теряюсь: мне навстречу из-за стола поднимается высокий, стройный, подтянутый, с густой шевелюрой человек в гражданском костюме. Кто он, как же мне этому штатскому представляться?! Заметив мою растерянность, незнакомец начал первым: «Я назначен командующим войсками округа, меня зовут Бирюзов Сергей Семенович». Потом объяснил: только что прилетел из Москвы, один, семья приедет позже, что у него пока нет адъютанта, а помощник нужен. «Как вы на это смотрите?»

Ну а как мне «смотреть»? Конечно же, отвечаю: «Есть!». Ведь быть адъютантом командующего — это и честь, и ответственность, хотя и забот не меряно. Уже на следующий день в 6 утра мы вылетели в Порт-Артур, где генерал-полковник Белобородов принимал 39-ю армию.

С того дня целый год мы летали и ездили по всем гарнизонам и отдельным частям округа с генерал-полковником Бирюзовым, который, казалось, не знал усталости и во всем стремился разобраться сам. Мои рабочие тетради пухли от записей, бывало, что за одну командировку распоряжениями, замечаниями, пометками и прочими записями заполнялось по две общие тетради! Записи служили для составления проектов приказов и циркуляров, которые утверждались на военном совете округа и затем рассылались по назначению. Меня поражало, что Сергей Семенович мог по памяти сказать, что именно должно было быть записано по тому или иному поводу в такой-то части и какие замечания предстояло устранить ее командиру, к какому сроку, чем ему требовалось помочь. В части и соединения направлялись специалисты управлений округа, выделялись средства и материалы для строительства, ремонта и восстановления ДОСов, казарм, учебно-материальной базы, складов и так далее. В следующих командировках командующий придирчиво проверял по каждому пункту, как выполняются поставленные задачи, что тормозит дело, строго спрашивал с нерадивых и нераспорядительных. Сергей Семенович вообще-то был горяч и даже вспыльчив, так часто бывает с людьми добрыми и чистыми, которых возмущает лень и непорядочность. Но никто и никогда не смог бы обвинить его в несправедливости или предвзятости. Занимаясь задачами обустройства боевого и тылового хозяйства округа, он при этом настойчиво требовал, чтобы в войсках непрерывно шла боевая учеба, изучался и внедрялся опыт прошедшей войны, сам руководил войсковыми и командно-штабными учениями, учил этому подчиненных командиров. Много было сделано им по обеспечению взаимодействия с силами Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. В этой нескончаемой круговерти разнообразных задач и проблем была одна маленькая, чисто дальневосточная, радость: Сталин и правительство, военное ведомство и после войны работали в ночном графике, а у нас в те часы только начинался день!

Командующим были предприняты и успешные военно-дипломатические шаги по укреплению взаимопонимания с руководством Северной Кореи. Так, после одной из очередных встреч

с Ким Ир Сенем в Корейской народной армии стали работать наши военные советники и специалисты.

Через год командующий благословил меня на учебу в Академии имени Фрунзе, за что я ему всю жизнь благодарен. Ведь академия открыла для меня широкую военную дорогу – я стал командиром полка, вырос до генерала, командовал дивизией, потом был начальником высшего военного училища. И очень часто ловил себя на мысли, решая те или иные вопросы службы: а как бы поступил в похожей ситуации мой командующий?

Будучи слушателем второго курса академии, я узнал, что Приморский округ признан одним из лучших в Вооруженных Силах, и от души порадовался за своего командующего. А вот в октябре 1964-го, уже будучи командиром дивизии в Группе советских войск в Германии, я услышал по радиостанции «Волга» трагическое известие о гибели маршала... В тот день я потерял очень дорогого и важного для себя человека». ¹²⁶

С. С. Бирюзов лично контролировал исполнение поставленных им задач. Занимаясь задачами обустройства боевого и тылового хозяйства округа, он при этом настойчиво требовал, чтобы в войсках непрерывно шла боевая учеба, изучался и внедрялся опыт прошедшей войны, сам руководил войсковыми и командно-штабными учениями, учил этому подчиненных командиров.

Вот что вспоминает об этом периоде военной службы С. С. Бирюзова ветеран Великой Отечественной войны, подполковник в отставке М. Архипов:

«О Маршале Советского Союза Сергее Семеновиче Бирюзове написано и сказано много. Но мне, его земляку, хочется дополнить эти многочисленные воспоминания некоторыми личными наблюдениями, очень характерными штрихами его жизни и деятельности не только как выдающегося военачальника, но и как замечательного человека.

Мне довелось встречаться с Сергеем Семеновичем еще в то время, когда он был генерал-полковником, командующим Приморским военным округом на Дальнем Востоке.

По службе я был переведен в то время из Кавказского военного округа и часть особого назначения Приморского военного округа. После Великой Отечественной войны я прибыл в штаб округа в Ворошилов-Уссурийск, ныне город Уссурийск. Встре-

тился в штабе с начальником отдела округа. Он представил меня командующему.

Принял нас командующий приветливо, усадил возле своего письменного стола и начал беседовать. Первый вопрос, который мне задал Сергей Семенович: откуда я родом? Ответил, что из Рязанской области. Он откинулся на спинку кресла и громко переспросил: «Рязанская область большая, а конкретно откуда? Ответил, что из Скопина. Тогда он улыбнулся и воскликнул: земляк, оказывается!

Сидящий со мной рядом начальник отдела с удивлением смотрел то на командующего, то на меня: вот, мол, как складывается обстановка. После шла более получасовая задушевная беседа, а не натянутый официальный инструктаж. Он интересовался благоустройством Скопина, жизнью и бытом скопинцев, обещал побывать в родном городе, как только представится возможность.

Мы поблагодарили командующего за беседу. Он пожал нам руку и тепло проводил. Я был счастлив и гордился тем, что находился под начальством такого именитого земляка.

По голосу Сергей Семенович может показаться собеседнику на первый взгляд суровым, а как только разговор заходит глубже, он представляется доброжелательным, во всем чувствуется отеческая забота. Но когда доходит дело до службы, он становится требовательным начальником.

По правде сказать, до приема меня Бирюзовым в Уссурийске я не знал, что Сергей Семенович родом из Скопина, хотя много слышал о его боевых делах.

... Шли годы. Сергей Семенович стал Маршалом Советского Союза, первым заместителем министра обороны СССР, начальником штаба Вооруженных Сил Страны Советов. Будучи в таком положении, он оставался простым человеком, гражданином. Многие скопинцы побывали у него, и всегда он встречал земляков радушно и приветливо, как родных.

В начале 60-х годов в Скопинском районе ДОСААФ образовали спортивно-технический клуб. Материальная база была слабая. И тогда райком ДОСААФ обратился к Бирюзову с просьбой о помощи в укреплении материально-технической базы. Он (Бирюзов) немедленно отозвался». ¹²⁷

АВСТРИЯ

«В 1953 году был Главнокомандующим Центральной группой войск в Австрии»¹²⁸

Обязанности Главнокомандующего Центральной группы войск в Австрии и Венгрии С. С. Бирюзов исполняет с июня 1953 года в течение года.

Советский образ действий в Австрии в первые послевоенные годы значительно отличался от такового в Германии. В то время, как советская военная администрация в своей оккупационной зоне в Германии сама устанавливала немецкие централизованные органы власти, в Австрии эта задача была в компетенции австрийских органов. «В то время как в Вене и Нижней Австрии административные органы очень рано зажили своей жизнью и получили сравнительно большую долю самостоятельности, а также очень быстро получили от советских органов административный суверенитет, в Германии управляющие органы в 1945 году оставались вспомогательными по отношению к советской военной администрации и не имели самостоятельных властных полномочий», — утверждает профессор истории Университета Линца Ганс Гаутманн. (Гаутманн Г. Вклад Советского Союза в построение системы демократического управления в Австрии в 1945 году).¹²⁹

Это отношение изменилось лишь осенью 1945 года, после создания Союзнической комиссии по Австрии, которая, в соответствии с ростом напряженности в межсоюзнических отношениях и на основании 1-го контрольного соглашения, привела австрийское управление во всех зонах оккупации к определенному регламенту. По мере того, как отношения между союзниками в послевоенной Европе усложнялись, «особый статус» Австрии требовал больше определенности.

Значительная часть наших недостатков в несении оккупационной службы войсками и гражданской администрацией исходила из ряда принципиальных ошибочных положений, главными из которых являлись:

1. Отсутствие тщательно продуманной и заранее разработанной политики в отношении оккупированной страны. До 1955

года от солдата до верховного комиссара никто не знал, что будет с Австрией в ближайшие годы – какова конечная цель оккупации этой находившейся под нацистским влиянием страны, объявленной союзниками жертвой немецкой агрессии. Высказывались противоречивые предположения. В 1948-м упорно говорили о том, что войска уйдут в 1949-м, в 1949-м готовились к уходу в 1950-м и т.д. Затем, в связи с событиями в Корее, начали муссироваться слухи о продлении оккупации до 25 лет. После беспорядков в ГДР в 1953 году предполагали, что советская зона оккупации будет присоединена к Венгрии с образованием федеративной республики Австро-Венгрия. Имели место и другие домыслы, которые не подтверждались и не опровергались руководством. Да оно и само военное руководство не знало ни сроков оккупации, ни обстоятельств ее окончания. Эти вопросы должны были решать руководители государств – победителей во Второй мировой войне.

В результате все «сидели на чемоданах». Казарменный фонд для войск не ремонтировался, капиталовложения в промышленные предприятия не производились. Юридически отношения с местными властями не закреплялись. Четко расписанных наставлений, инструкций и положений, подготовленных компетентными органами еще задолго до вступления войск в страну и определяющих основную линию наших военных и гражданских учреждений в отношении местного населения, не было.

В противоположность нашей стороне, западники еще до вступления в Австрию имели подробные положения об оккупационной службе, и их органы пропаганды в целях «борьбы за австрийца» начали кампанию за быстрее освобождение страны от четырехсторонней оккупации, стремясь показать, что основными противниками в этом являются русские. Англо-американские и французские фирмы, в порядке подготовки своих позиций на случай вывода войск, скупали за бесценок акции австрийских предприятий, крупные земельные участки, дома, заводы, замки, оформляя эти акты по всем правилам капиталистической юриспруденции. Мы вынуждены были включиться в навязанное нам бывшими союзниками соревнование между «западом» и «востоком», кто больше даст материальных благ и льгот бедной Австрии. Это соревнование, начатое примерно

в 1950 году, продолжалось до заключения Государственного Договора и велось далеко не в нашу пользу, поскольку экономические возможности у наших «партнеров» были значительно выше.

Они могли свои военные автомашины, завезенные во время войны в Европу, пустить по бросовым ценам в продажу австрийцам, поскольку возвращать этот уже изношенный автотранспорт в Америку было нерентабельно. Австрийский обыватель, не понимая, что этим «благородным» жестом душится его национальная автопромышленность, видел лишь возможность купить по цене велосипеда исправный американский «Виллис» и восхвалял щедрых заокеанских благодетелей, кляня русских «грабителей», вывозивших из его страны трофейные автомашины, демонтированные станки с бывших немецких предприятий, старую мебель. Обыватель не знал, что американцы, забрав в Австрии все патенты, являлись настоящими грабителями крупного масштаба, перед действиями которых конфискация русскими немецкой собственности казалась мелочью. К сожалению, наша пропаганда не смогла убедить в этом австрийцев. Она была слишком слаба и велась неквалифицированно.

2. Присущая тому времени непоколебимая убежденность в преимуществе всего советского, от авторучки до уровня техники и материального благосостояния народа, высокомерное отношение ко всему несоветскому, пренебрежение обычаями и жизненным укладом людей в оккупированных странах – эти мнения, в известной мере, мешали перенимать все рациональное в методах руководства хозяйством, оценке техники, организации производства. Хотя заимствовать в этой области в Австрии было что, т.к. она использовала во всех областях деятельности передовой опыт развитых капиталистических стран.

Наши солдаты и офицеры, увидев относительно высокий жизненный уровень в Австрии, не без оснований заявляли: «Что этим фашистам было нужно в этой войне? Они живут куда зажиточнее нас». Эти мнения, не оцененные должным образом нашей пропагандой, вносили некоторый диссонанс в умы наших людей, привыкших верить, что за рубежом все значительно хуже, чем у нас, начиная от людей, которые являются друг другу волками, кончая картошкой, менее вкусной и питательной, чем на родине. При этом зачастую не принимались во внимание ни

особенности развития страны, ни трудности строительства первого в мире социалистического государства, окруженного враждебными капиталистическими странами.

3. Резкая смена правил, порядка и условий пребывания советских граждан произошла при замене руководства ЦГВ. Это был переход от одной крайности к другой. До 1948 года при главкоме генерале армии Курасове все офицеры имели право проживать в ЦГВ с женами и детьми до 14 лет. В 1948 году вновь прибывший главнокомандующий генерал-лейтенант Свиридов доказал руководству, что семьи военнослужащих в Австрии подвергаются разложению в условиях пребывания в капиталистической стране и их необходимо выселить на родину. В течение короткого времени десятки товарных эшелонов с женщинами, детьми и скарбом выдворялись из Австрии. Для отсрочки выезда не принимались во внимание никакие причины. Для вывоза «приобретенного» имущества на каждую семью выделялась половина товарного вагона. Семьи полковников получали вагон. Это было полуофициальное разрешение к вывозу всевозможной рухляди, приобретенной различными путями в стране. На память прихватывали многое, даже изразцовую облицовку печей. Это срочное переселение массы людей и имущества проходило на глазах у австрийцев. Западники, очевидно, терялись в догадках в связи с этим мероприятием, пытаясь разгадать оперативные замыслы советского командования.

В 1953 году командование группой принял генерал-полковник С. С. Бирюзов, который доказал руководству, что выселение семей было ошибкой, разложение офицеров, проживающих в одиночку, происходит значительно интенсивнее, число ЧП растет. Новый командующий группой войск получил санкцию на ввоз офицерских семей. Начался их массовый въезд в страну. То, что эти капризы руководства стоили многих миллионов рублей, способствовали в известной мере падению нашего престижа в глазах иностранцев, никого не волновало.

До 1953 года денежное содержание личного состава наших войск в ЦГВ в валюте было невысоким. Командир отдельной части, полковник получал около 3000 шиллингов в месяц. Примерно столько же получал американский рядовой. Но, помимо валютного содержания, наши офицеры получали 100 % штат-

но-должностного оклада в советских рублях, что позволяло за время службы приобрести солидные накопления. На получаемую валютную часть можно было безбедно существовать с семьей. В 1953 году главком Бирюзов, желая повысить жизненный уровень своих подчиненных, добился разрешения обменивать офицерам на шиллинги до 600 рублей в месяц и таким образом увеличивать валютную зарплату более чем в 2 раза, т.к. по курсу один рубль оценивался в 6,5 шиллинга.

Периодически вводились и отменялись разного рода запреты офицерам: носить гражданскую одежду, посещать австрийские магазины (группа имела разветвленную систему магазинов УСИА и военторга), купаться в Дунае, изучать немецкий язык, учиться в школах и вузах. Все мы пытались сделать на свой оригинальный лад.

Выборы в Верховный Совет СССР, проводимые на родине с 6 часов утра по московскому времени, в Австрии на наших избирательных участках начинались также по московскому времени, т.е. на 2 часа раньше. И ни о чем не подозревавшие австрийцы в 4 часа утра, почти ночью, просыпались от лихих солдатских песен. Это наши избиратели организованно шли и ехали к избирательному участку, к урнам, чтобы отдать свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Каждый руководитель тогда вершил дела в меру своего разума, не основываясь на заранее апробированных положениях и опыте предшественников. С. С. Бирюзову удалось изменить ситуацию с дисциплиной и боеспособностью советских войск в Австрии к лучшему, укрепить морально-политическое состояние военнослужащих и их семей. В решении имеющихся проблем Сергею Семеновичу помог огромный практический опыт, накопленный за время войны и после нее.

ГЛАВКОМ ПВО

*«С 1954 года – заместитель Главного командующего, а с 1955 года – Главного командующий войсками противовоздушной обороны страны. В этом же году Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта мне присвоено воинское звание “Маршал Советского Союза”. В 1957 году удостоен звания Героя Советского Союза».*¹³⁰

В послевоенные годы Советский Союз постоянно испытывал давление со стороны бывших союзников по борьбе с гитлеровским фашизмом. Они быстро отказались от взаимных обязательств. Насели на СССР со всех позиций – идеологических, экономических. Замахнулись «ядерной дубинкой», нагнетая международную напряженность.

В 50-е годы XX столетия «бывшие союзники» начали втягивать советское государство в гонку вооружений, чтобы расшатать механизмы централизованной плановой экономики, надломить потенциал ее развития. Гонка вооружений стала «ловушкой» не только для нас, но и для Запада. Тогда в этой «ловушке» пытались выжить, накапливая армаду военной силы. К великому сожалению, это повторяется и в настоящее время.



Прибытие Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова и маршала артиллерии Н. Д. Яковлева в артиллерийскую ордену Отечественной войны радиотехническую академию Советской Армии имени Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Харьков. 1955 г.

Вторая половина 50-х – начало 60-х гг. во многом предопреде-



Рапорт генерал-лейтенанта А. Ф. Щеглова Маршалу Советского Союза С. С. Бирюзову. 1955 г.



Объявление приказа Министра обороны о выпуске слушателей Академии. 1955 год



Посещение лаборатории кафедры - 2. 1955 год



Беседа Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова и маршала артиллерии Н. Д. Яковлева с секретарем Харьковского областного комитета КПСС А. А. Булгановым. 1955 год

лили экономическую мощь советского государства. Эта мощь формировалась на основе опережающего развития предприятий ВПК. Оборонный комплекс развивали и крепили конкретные лица. Они определяли политику в период «холодной во-



Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов и маршал артиллерии Н. Д. Яковлев среди постоянного состава. 1955 год

йны». За советами по наиболее важным вопросам, как правило, Н. С. Хрущев обращался в первую очередь к тем, кому доверял. Таким доверенным лицом был его первый заместитель Фрол Романович Козлов, который с мая 1960 года отвечал за оборону страны. Про него говорили: «Секретарь ЦК КПСС по обороне».¹³¹

В 1956 г. на вооружение армии США поступила баллистическая ракета «Редстоун» с ядерной боеголовкой, а в 1958 г. началось развертывание ракет средней дальности «Юпитер» и «Тор», а в 1959 г. – первой межконтинентальной баллистической ракеты «Атлас-Д» с дальностью порядка 10 тысяч км. Крупным успехом американских специалистов было создание малогабаритной межконтинентальной ракеты «Минитмен». Для нее в короткий срок разработали новую рецептуру твердого, так называемого «смесового» топлива.

В 1958-1961 гг. объем производства военной продукции в СССР увеличился более чем в два раза. Ее доля в общем объеме промышленной продукции составила 6 процентов. Военные расходы составляли 18-20 млрд. рублей, или 5-6 процентов национального дохода. Вроде бы небольшие цифры, но надо учитывать, что «покупали» продукцию для армии у предприятий по заниженным ценам. В конце 1961 года в «оборонке» трудилось 700 тысяч человек, в авиапромышленности – 1,2 млн., на строительстве боевых кораблей и подводных лодок – 427 тысяч, в военной радиоэлектронике – более миллиона, в ракетно-космическом комплексе – 350 тысяч, в атомной промышленности – не менее миллиона. Были освоены новые типы ракет, созданы зенитные комплексы С-75, подводные лодки проекта 629 и 627, танки, системы ракетного вооружения, безоткатные орудия, арттягачи, радиолокационные станции, средства военной связи и военно-инженерные средства.¹³²

В связи с этим представляет интерес черновая протокольная запись заседания Президиума ЦК КПСС о заказах вооружения Министерства обороны СССР на 1958 год, проведенного 7 декабря 1957 г. Председательствовал Н. С. Хрущев.

В ходе заседания обсуждался ряд важнейших стратегических вопросов развития ПВО, так, предусматривалось производство зенитно-ракетного комплекса С-75 в количестве 200-300 единиц. Решался вопрос: сколько дать ракет Р-12. – 100 или 200 шт.¹³³

В соответствии с поручением ЦК КПСС Госплан СССР совместно с Государственным комитетом по оборонной технике, по радиоэлектронике и по судостроению рассмотрел вопрос об увеличении плана производства ракет Р-12 в 1959 году до 500 штук, в 1960 г. – не менее 600 штук в год.

Весьма трудным являлся вопрос обеспечения бортовой и наземной радиоаппаратурой, в связи с чем намечалось подключить еще несколько заводов.¹³⁴

Восстановим хронологию некоторых событий периода «холодной войны». Первое нарушение воздушного пространства СССР U-2 произошло в середине 1956 г. Над советской территорией было совершено 6 полетов, затем, после некоторого перерыва, еще около 20 полетов. Только с 1953 по 1956 гг. американские самолеты нарушали границы СССР 130 раз, а воздушное пространство над другими социалистическими государствами – 211 раз.¹³⁵

На одном из заседаний Президиума ЦК КПСС от 6 марта 1958 г. (протокол № 142) рассматривалась телеграмма т. Шитикова из Хабаровска от 2 марта 1958 г. о нарушении иностранным самолетом государственной границы СССР на Дальнем Востоке. В ней сообщалось, что в 4.05 утра по московскому времени 2 марта 1958 г. американский разведывательный самолет U-2 нарушил советское воздушное пространство на Дальнем Востоке около местечка Великая Кемая, после чего скрылся в сторону Японского моря.¹³⁶

На этом заседании был объявлен строгий выговор Дементьеву, Вершинину, Бирюзову, Хруничеву, Артему Микояну за то, что не отнеслись с должной ответственностью и не проявили настойчивость в предупреждении возможности полетов иностранных самолетов на нашей территории.

Н. С. Хрущев потребовал от Кириченко, Брежнева, Дементьева, Устинова, Хруничева, Вершинина, Бирюзова и Калмыкова рассмотреть предложения конструкторов, военных – что должно быть сделано, чтобы исключить возможность появления самолетов. Н. С. Хрущев сказал, что надо дать истребитель.

Комиссии – заслушать конструкторов и дать им выговор. Потребовал также собрать конструкторов моторов.

Провести специальное заседание Президиума ЦК.¹³⁷

Столь строгие взыскания были не случайны. Нарушения воздушного пространства страны были регулярными. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы.

В БОРЬБЕ С САМОЛЕТАМИ-НАРУШИТЕЛЯМИ

«**В**есной 1959 года главнокомандующий войсками ПВО страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов инспектировал отдельный Туркестанский корпус ПВО. Корпус был признан не боеготовым. Командир с должности снят. С. С. Бирюзов из Ташкента позвонил своему первому заместителю маршалу артиллерии Н. Д. Яковлеву и распорядился в течение трех дней оформить мое назначение на должность командира этого корпуса. Первая же встреча с командованием соединения произвела на меня гнетущее впечатление. Начальник штаба, начальники родов войск состояние дел в частях и подразделениях знали слабо, обстановкой не владели. Два месяца мне понадобилось, чтобы познакомиться с частями, в том числе и с личным составом отдельных радиолокационных рот на Памире, дислоцированных вдоль дороги Ош - Хорог, на высотах от 3 до 5 тыс. м. Сделал вывод, что боевой состав корпуса, развернутого на южных рубежах страны, поставленные задачи решать не способен.

За год удалось полностью обновить и усилить руководящий состав корпуса, в основном за счет лучших офицеров из армии особого назначения. С их помощью стали наводить порядок в подразделениях и частях. Лишь одна часть вызвала у меня чувство удовлетворения – 9-й гвардейский истребительный авиационный полк в Андижане, которым командовал подполковник Горюнов. Первый полк советских асов свято хранил боевые традиции, успешно выполнял учебно-боевые задачи, летчики бдительно несли боевое дежурство. Но один эпизод, который мы затронули в беседе с командиром полка, меня насторожил.

В радиотехнической роте, размещенной вместе с полком в Андижане, была единственная, новая по тем временам РЛС П-30. Примерно за полтора года до моего назначения оператор именно этой станции обнаружил воздушную цель на высоте 20 тыс. м. Горюнов поднял истребитель с опытным летчиком – ко-

мандиром эскадрильи. Набрав запредельную для МиГ-19 высоту – 17 тыс. м, пилот доложил, что наблюдает над собой выше примерно на 3 тыс. м крестообразной конфигурации самолет. После этого случая в полк прибыл командующий истребительной авиацией Войск ПВО страны генерал-полковник авиации Е. Я. Савицкий. Он побеседовал с летчиком, проанализировал все имеющиеся по факту пролета загадочного самолета данные и пришел к тому же выводу, что и специалисты из Генштаба на КП армии особого назначения в Подмоскowie в 1957 году: такого самолета быть не может. Летчик из полка был срочно переведен. Встретиться с ним я не мог.

У меня уже тогда сложилось иное мнение, но подтвердить его фактически было нельзя. В 1959 году я представил главнокомандующему доклад о необходимости обновления техники и вооружения корпуса. Вскоре получил ответ, что моя заявка включена в план и поставки будут осуществляться в течение 1961-1962 гг. Однако действительность изменила эти планы.

9 апреля 1960 года в районе Памира со стороны Пакистана перелетел иностранный самолет. «Радиолокационными постами отдельного Туркестанского корпуса ПВО из-за преступной беспечности нарушитель был обнаружен в 4 ч 47 мин., когда углубился на нашу территорию более чем на 250 км».¹³⁸

Это цитата из материалов комиссии главнокомандующего Войсками ПВО страны, расследовавшей факт нарушения государственной границы. В дальнейшем нарушитель безнаказанно сделал несколько заходов над полигоном Войск ПВО страны в районе озера Балхаш. На стартовой позиции, где испытывался новый зенитный ракетный комплекс С-75, боевых ракет в то время не было. Начальник полигона генерал-лейтенант артиллерии С. Д. Дорохов доставить их с технической базы, расположенной в 80 км, не успел. Самолет же развернулся, облетел полигон Байконур и через Мары ушел за границу. Всего самолет-нарушитель находился над нашей территорией 6 ч. 48 мин. Ни корпус ПВО, ни 73-я воздушная армия не имели ни сил, ни средств для пресечения этого беспрецедентно наглого нарушения. С центрального командного пункта Войск ПВО страны меня информировали, что главноком шесть часов простоял у планшета молча.

Лишь дважды С. С. Бирюзов потребовал моего личного подтверждения, что высота нарушителя остается неизменной – 20-21 тыс. м, о чем и доложил министру обороны. При приближении нарушителя к государственной границе я не исключал возможности его снижения. Доложил об этом С. С. Бирюзову и получил разрешение направить пару МиГ-17 вдогон с нарушением границы Ирана. Командир истребительного авиационного полка подполковник П.Е. Кузин поставил задачу двум летчикам идти за границу, при снижении нарушителя уничтожить, вплоть до тарана. Два МиГ-17 ушли за границу на 250-300 км, но нарушитель не снижался и обнаружен не был. С трудом, при почти пустых баках, самолеты вернулись на аэродром Мары-2.

После моего доклада С. С. Бирюзов сказал, что за пропуск самолета-шпиона, выполнившего разведку двух наших секретнейших полигонов, я и другие виновные будут строго наказаны министром обороны. И добавил: «Нос не вешать. У нас в ПВО за одного битого дают не двух, а дюжину небитых. Запомните это».

Приказом министра обороны я был предупрежден о неполном служебном соответствии. Пока размышляли над тем, что необходимо предпринять для предупреждения подобных нарушений, 1 мая 1960 года другой самолет был обнаружен на подходе к государственной границе на Памире. За своевременное обнаружение нарушителя боевой расчет радиолокационной роты был награжден орденами и медалями: майор В. Кулагин – орденом Красной Звезды, старшие лейтенанты В. Урбанович, К. Щлецинский, ефрейтор Г. Лысов и рядовой Г. Старцев – медалью «За боевые заслуги». А летевший курсом на Москву самолет был сбит уже развернутым к тому времени на Урале зенитным ракетным комплексом С-75.

По показаниям катапультировавшегося американского летчика Пауэrsa, для нарушения воздушного пространства СССР использовался самолет стратегической разведки США У-2. Его практический потолок составлял 21-24 тыс. м. На вооружение он был принят в 1956 году, о чем наша разведка ничего не знала. В противном случае на заседании Политбюро ЦК КПСС в апреле 1960 года председатель Государственного комитета по авиационной технике П.В. Дементьев и авиаконструктор А. И. Микоян не заявили бы, что в мире нет самолетов, которые могли бы на

протяжении 6 ч. 48 мин. идти на высоте 20 тыс. м. Оказывается, могли и ходили и даже к тому времени совершили почти 30 разведывательных полетов.

В 1960-1961 гг. досрочно в корпус поступило 5 тыс. офицеров и около 20 тыс. солдат и сержантов, более 100 зенитных ракетных комплексов С-75, значительное количество новых РЛС, в том числе 12 станций П-14 – тогда самых совершенных. Наиболее успешно эти стационарные станции развертывались в 41-м радиотехническом полку, которым командовал Д. Н. Солодченко. Большая заслуга принадлежит и его подчиненным – офицерам Н. Козлову, А. Ромазанову, А. Шендрику.

Дополнительно к двум имевшимся корпус был усилен еще четырьмя истребительными авиационными полками и переименован в 30-й отдельный корпус ПВО. Потребовалось в сжатые сроки сформировать, переучить на новую технику с последующим выполнением боевых стрельб на полигоне 11 зенитных ракетных бригад и два полка. Кроме того, переформировать и усилить радиотехнические войска. Предметом особой заботы стала летная подготовка и обустройство истребительно-авиационных частей. Дело усложнялось из-за многотипности самолетного парка, включавшего в себя целый ряд машин: МиГ-15. МиГ-17, МиГ-19. Як-25, Як-28П, Су-9.

Начать перечисление проблем стоит с того, что зенитный ракетный комплекс С-75 не способен поражать самолеты и крылатые ракеты на малых и предельно малых высотах и требует существенной доработки. Усиление зенитно-ракетных группировок маловысотным комплексом С-125 потребовало бы больших дополнительных затрат. Современные для тех лет истребители-перехватчики Су-9 и не принятые на вооружение, но серийно выпускаемые самолеты Як-28П имеют крайне низкую надежность двигателей, бустерной системы и радиолокационных прицелов. Это привело к росту аварийности и неоправданной гибели летчиков. Авиационные ракеты класса «воздух - воздух» РС-2УС имеют эффективность поражения всего лишь 0,6-0,7. У станций радиотехнических войск низкая помехозащищенность, что вызывает необходимость иметь РЛС различного диапазона. Из-за этого приходится увеличивать количество станций в каждой группировке и расходовать их ресурс. В заключение

я просил ускорить ввод в строй истребителя-перехватчика МиГ-25, который способен обнаруживать низколетящие цели на фоне земли и уничтожать их.¹³⁹

Нарушения воздушных границ СССР продолжались и в 1959 году. Главнокомандующий ПВО страны маршал С. С. Бирюзов докладывал министру обороны Союза ССР, что по имеющимся разведывательным данным стратегическая авиация США с декабря 1958 года проводит полеты тяжелых бомбардировщиков В-52 в Арктике.

Нашими радиолокационными станциями ночью 24 и 25 апреля отмечены разведывательные полеты иностранных самолетов над водами Карского моря на высоте 9000-12000 м, в районе восточнее Новой Земли.

Американцы усиленно изучали северное воздушное направление, выводящее к объектам Урала и Центральной Сибири. Войска получили указание: усилить бдительность».¹⁴⁰

Вражеская разведка велась разными способами. Использовали высотные автоматические аэростаты дальнего действия. Аппаратуру одного из них, которая фотографировала с высоты 30-37 км, подобрали в районе г.Борисоглебска Воронежской области.

Полеты аэростатов фиксировали РЛС ПВО над Камчаткой и Охотским морем, их наблюдали визуально».¹⁴¹

Приходилось терпеть! К сожалению, у нас в те годы не было истребителей, которым были доступны эти высоты. Что ж, взглядимся пристальнее в те обстоятельства, с которыми связана судьба маршала С. С. Бирюзова.

Рассматривая его деятельность, на мой взгляд, следует отметить хотя бы в общих чертах круг обязанностей на занимаемых им военных постах.

Огромен его вклад в укрепление обороноспособности Советского Союза и стран Варшавского Договора в послевоенный период в качестве главнокомандующего войск ПВО. При С. С. Бирюзове противовоздушная оборона стала развиваться поступательно, планомерно, в соответствии с задачами международного военного сотрудничества и исходя из состояния и перспектив развития средств воздушного нападения вероятных противников.

Усилия маршала С. С. Бирюзова по повышению боеспособности войск ПВО были по достоинству оценены государством. В феврале 1958 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Особой заботой С. С. Бирюзова в качестве главкома противовоздушной обороны стало совершенствование организационной структуры войск ПВО. В декабре 1959 года ЦК КПСС рассмотрел доклад министра обороны «О системе противовоздушной обороны страны и ее дальнейшем развитии до 1960–1965 гг.», по итогам которого был утвержден перспективный план развития войск ПВО страны.

В аттестации на П.Ф. Батицкого, подписанной главнокомандующим войсками ПВО страны Маршалом Советского Союза С. С. Бирюзовым 11 декабря 1959 г., были следующие слова: «волевой, инициативный, настойчивый командир... Проявляет иногда высокомерие, излишнюю горячность, недостаточно выдержан в обращении с подчиненными...».¹⁴²

В июне 1960 года предложенная С. С. Бирюзовым новая организационная структура Войск ПВО была одобрена Советом обороны СССР. Основу ее составили корпуса и дивизии ПВО, сформированные по общевойсковому принципу. В целях использования дальнобойных средств ПВО границы ответственности оперативных объединений были расширены, количество объединений ПВО сокращено. Их общее количество составило два округа и семь отдельных армий ПВО.

Немалый вклад внес С. С. Бирюзов и в развитие теории оперативного искусства Войск ПВО. Именно при нем настойчиво отстаивалась теория и практика противовоздушных операций как основной формы применения объединений ПВО.

Как командующий войск ПВО Объединенных Вооруженных Сил (с апреля 1955 года), маршал Бирюзов уделял особое внимание вопросам взаимодействия Войск ПВО СССР и ПВО государств – участников Варшавского Договора. В сентябре – октябре 1961 года под его руководством были успешно проведены первые совместные учения Войск ПВО Советского Союза и войск ПВО ЧССР, ПНР, ГДР.

На высоких постах главкома ПВО, главкома РВСН, первого заместителя министра обороны СССР – начальника Генерально-

го штаба – маршал Бирюзов проявил себя как горячий патриот своей Родины, как выдающийся политический деятель и военачальник глобального стратегического масштаба.

Именно при С. С. Бирюзове истребительная авиация ПВО практически полностью перешла на реактивные машины. В авиачастях ПВО в эти годы осваиваются реактивные истребители-перехватчики с пушечным и ракетным вооружением: сверхзвуковые МиГ-19п, двухместные маловысотные Як-25, широкого диапазона высот Як-28п, первые авиационные ракетные комплексы перехвата Су-9, а также автоматизированные системы управления ими.

При Бирюзове радиотехнические войска наблюдения завершили переход на радиолокационные принципы ведения разведки. Были приняты на вооружение новые ракетно-локационные станции (РЛС) метрового и сантиметрового диапазонов с аппаратурой защиты от активных и пассивных помех, специализированные станции для определения высоты полета летательных аппаратов (радиовысотомеры), а также модернизированные системы радиолокационного опознавания воздушных целей. При Бирюзове в Войска ПВО стали поступать средства радиоэлектронного подавления – станции помех прицельным системам воздушного противника.

При самом активном участии С. С. Бирюзова зенитные средства поражения противника в Вооружённых Силах СССР претерпели революционные изменения. 7 мая 1955 года первая зенитная ракетная система ПВО г. Москвы была принята на вооружение. Зенитно-реактивные соединения и части, развернутые вокруг Москвы, получили наименование армии ПВО особого назначения. Через год ее первые зенитные ракетные полки и корпуса ПВО особого назначения системы С-25 были поставлены на боевое дежурство. В 1957 году приняты на вооружение зенитные ракетные комплексы средней дальности (С-75), сформированы зенитные ракетные полки, вооруженные этими комплексами. С принятием на вооружение в 1961 году маловысотного зенитно-ракетного комплекса С-125 полки, включившие в свой состав и маловысотные дивизионы, переформированы в зенитные ракетные бригады.

Справка:

В нашей стране были созданы и приняты на вооружение:

ЗРК первого поколения ЗРК «Беркут»- С-25, передвижной ЗРК С-75, ЗРК второго поколения, ЗРК дальнего действия С-200, Зенитно-ракетная система (ЗРС) третьего поколения С-300, С-400.

Ракета Р-12 благодаря сравнительной простоте, дешевизне, надежности и высокой боеготовности стала самой массовой ракетой средней дальности, принятой на вооружение.¹⁴³

Фортуна, наконец, отвернулась от американских пилотов. Полет У-2, совершенный 1 мая 1960 года, закончился для них печально. ЗРК С-75 поставил точку в очередном воздушном круизе. События этого первомайского праздничного дня подтвердили верность принятых мер по совершенствованию противовоздушной обороны страны.

Из воспоминаний дочери Бирюзова Валентины Разумовой-Бирюзовой об отце: «Мне особенно помнится день 1 мая 1960 года. Папа тогда Главком ПВО... Последнее время папа очень нервничал, хотя и пытался скрывать свое настроение. Оказывается, как мы узнали позже, были случаи нарушения воздушных границ американскими самолетами-разведчиками... и вот 1 мая – праздник. Когда я проснулась, было 6 утра, папа уже собирался и быстро уехал, сказав, чтобы я ничего не говорила маме – она тогда лежала в больнице. Но тревога не отпускала меня. Пытаясь успокоиться, я готовила папин парадный мундир – ведь он должен присутствовать на параде. Но время шло, часы пробили 9, потом 10 – и никаких звонков. Я включила телевизор – парад начался, а папы нет на Мавзолее. Через какое-то время снова показали трибуну, и я увидела, что министра обороны Родиона Яковлевича Малиновского тоже нет на трибуне. Это означало, что случилось нечто очень серьезное.... Потом, из сообщения по радио, я узнала о сбитом нашей ракетой самолете - разведчике с Пауэрсом». ¹⁴⁴

В этот праздничный день воинами ракетного дивизиона был впервые сбит в районе Свердловска высотный американский самолет-разведчик «Локхид У-2», пилотируемый Пауэрсом. Через два месяца, 1 июля 1960 года, такая же участь постигла и другой американский самолет – РБ-47, незаконно нарушивший

советское воздушное пространство близ Кольского полуострова – он был поражен истребителем-перехватчиком.

Представляют интерес воспоминания генерал-лейтенанта Г. Г. Кудрявцева о полигоне на островах архипелага Новая Земля и испытаниях на нем ядерного оружия. Они основаны на личном его участии в этих испытаниях в качестве начальника полигона (1959-1963 гг.) и заместителя председателя Государственной комиссии по ядерным испытаниям на Новой Земле, знакомстве с официальными документами, относящимися непосредственно к Новоземельскому полигону и частично к ядерным испытаниям в СССР, США и других странах, обладающих этим оружием.

«Время жесткого военного противостояния диктовало и соответствующие меры нашего государства в области оборонной политики: только в мою бытность за 1961-1962 годы, полигон испытал 56 ядерных устройств, в том числе и так называемую «супербомбу» мощностью тротилового эквивалента в 50 мегатонн. Сегодня есть возможность рассказать правду, как это было в действительности.

В 1960 г. полигон посетил Главком ПВО страны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов, который проверял дивизию ПВО и подробно познакомился с полигоном. На долевых началах выделил 2 млн. руб. на строительство жилого дома для офицеров ПВО. Однозначно подтвердил, что командир дивизии, его штаб и все части в гарнизонном отношении подчиняются начальнику полигона, а в период спецучений подчиняются оперативно. Главком подтвердил, что аэродром находится в подчинении Командования ВМФ. Это способствовало улучшению взаимодействия моряков и летчиков ПВО, дислоцированных на Новой Земле. С начала 1961 г. на полигоне усиленно занимались строительством, боевой подготовкой и готовились к предстоящим испытаниям, в том числе и подземным. Мне и вице-адмиралу П. Ф. Фомину с комиссией вновь довелось побывать в районе пролива Маточкин Шар, провести там дополнительную рекогносцировку, рассмотреть и утвердить план геологоразведочных работ в местах, где должны проходить подземные штольни. Детально проверили работу проходческих партий, обеспечение их различными материалами и продовольствием. Обстановка с переговорами о запрещении ядерных испытаний осложнялась.

По всему было видно, что США не собираются их прекращать. Наоборот, они в спешном порядке готовились к ним. Из Москвы всячески напоминали нам об этом и требовали от нас поддержания на полигоне готовности для испытаний во всех средах. Приезжали специалисты и комиссии для различных проверок на полигоне.

Командование полигоном правильно оценивало обстановку, чувствовало озабоченность вышестоящего военного руководства и со своей стороны делало все возможное, чтобы держать полигон в готовности, но строительные работы не прекращали, принимали меры к ускорению завоза продовольствия по плану 1961 года».¹⁴⁵

ВКЛАД РЯЗАНИ В УКРЕПЛЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

Недостаточно изученным остается региональный аспект развития ВПК, а именно: как тот или иной регион участвовал в укреплении обороноспособности страны. Думается, вполне закономерным является рассмотреть рязанский регион в контексте развития ВПК страны в целом, разумеется, в конкретных исторических условиях.

В основу промышленного развития рязанского региона закладывались «секретные» потребности оборонного потенциала СССР. Не говорили же тогда вслух, что предприятия военно-промышленного комплекса приоритетны для нашей области. Но вместе с тем они стали «локомотивом» становления и роста региональной промышленности. Рязань была закрыта для посещения иностранными гражданами. На их появление реагировали моментально. Как только прибывал «иностранец», во все воинские части Рязанского гарнизона поступал сигнал «Арктика», означающий повышение бдительности. В соответствии с инструкциями, строго предписывалось не допустить их приближения к военным объектам и заводам. В годы «холодной войны», это факт, предписывалось захватывать и даже, по возможности, арестовывать «незваных гостей». Но так ни разу и не задержали ни одного «иностранца». Органы

государственной безопасности надежно охраняли «повышенную секретность».

Аркадий Семечкин, работавший фрезеровщиком на заводе «Глобус», вспоминает, что тогда было много «умолчаний». Рабочие предприятий ВПК не имели права говорить о технических разработках даже самым близким людям, не могли выезжать за границу в течение 15 лет после смены места работы. В принципе, опасения были небезосновательны. На тот момент новейшие радиотехнические средства позволяли, например, на большом удалении фиксировать и распознавать «чужие» радиосигналы. К слову, на приборном заводе делали аппараты для распознавания американских самолетов в воздухе, но какой была частота радиоволн, какой их диапазон, никто не знал. По улице Каляева к заводу подходили экскурсионные иностранные группы (из Японии, Франции, дружественных социалистических республик и стран), но ничего здесь нельзя было засечь, даже имея «хитроумное» шпионское оборудование. Если бы такое и имелось у кого-либо, «разведывательная деятельность» исключалась. Жители города и теперь не знают, что же выпускали на заводах. Я сам, будучи курсантом военного училища связи, не раз видел, как что-то, прикрытое чехлами, перевозили по железной дороге на приборный завод. Слух-то ходил, мол, самолеты, ракеты возят. И надо сказать, он не был беспочвенным.

Вот что я установил, копаясь в архивных источниках, разумеется, рассекреченных. Доля ВПК в экономике Рязанской области составляла 70 процентов вплоть до 1991 года. С 1949 по 1959 гг. было принято более 50 постановлений ЦК партии и советского правительства по различным вопросам развития оборонной промышленности Рязанской области.

К сожалению, мало что известно о развитии «оборонной промышленности» в Рязанской области в первое послевоенное десятилетие. Но прикоснуться к этой проблеме я все же попытался, опираясь на впервые вводимые в научный оборот архивные источники. Хочу подчеркнуть, что главная моя цель – показать роль Маршала Советского Союза Сергея Семеновича Бирюзова в развитии и становлении оборонной промышленности в Рязанской области. Об этом никогда ничего не говорили и не писали.

Лимит рабочей силы в Москве не позволял увеличивать данное производство в столице. Было решено ряд производств организовать в Рязани.

На рязанских заводах не собирали самолеты, ракеты, танки, и другие виды вооружения. На них выпускали комплектующие изделия к ним. Трудно назвать род и вид Вооруженных Сил СССР, где бы не применялись изделия, «родившиеся» на предприятиях рязанского военно-промышленного комплекса.

В конце 1957 года первый секретарь Рязанского обкома КПСС А. Н. Ларионов внес в ЦК КПСС предложение об организации в Рязани научно-исследовательского института математического машиностроения, указав, что для создания такого института имеются все благоприятные условия. Заканчивалось строительство завода счетно-аналитических машин, работал завод по выпуску приборов для автоматизации тепловых процессов и ряд предприятий по производству радиотехнической аппаратуры, электровакуумных и радиолокационных устройств. Наличие квалифицированных специалистов, подготовка конструкторов и технологов в радиотехническом институте и электровакуумном техникуме позволяли укомплектовать институт преподавательскими кадрами, а имеющиеся предприятия являлись базой для внедрения технических разработок института.

Организованный институт, как предлагал А. Н. Ларионов, «может быть размещен на площадях Рязанского завода САМ, а в дальнейшем – переведен в здание электровакуумного техникума, строительство которого заканчивается в 1958 году».

Центральный Комитет партии поддержал это предложение, пояснив, что в существующих условиях более целесообразно организовать не институт, а филиал НИИ электропривода Госплана СССР на базе его отдела, занимающегося вопросами математических машин. В дальнейшем филиал можно реорганизовать в самостоятельный институт. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин 4 января 1958 г. дал письменное указание Госплану СССР заняться организацией филиала. Одновременно он сообщил об этом А. Н. Ларионову.

Важным для города и области событием стало создание Научно-исследовательского института Госкомитета Совета Министров СССР по радиоэлектронике.¹⁴⁶

Его профиль – проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области газового разряда, необходимых для развития ракетной, счетно-решающей и радиолокационной техники, исследования проблем атомной энергии и для других важнейших областей оборонной техники и народного хозяйства. Вызванное отставанием в области исследований газового разряда создание НИИ позволяло поднять научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы от уровня передовых капиталистических стран, что являлось важнейшим государственным делом.

Госкомитет по радиоэлектронике выделил ассигнования на 1959 г., договор с Горстройтрестом г. Рязани о строительстве здания для института был заключен. Но строительные работы по запуску первой очереди НИИ в бывшем корпусе электровакуумного техникума велись неудовлетворительно. Выделенные деньги почти не использовались. Председатель ГК СМ по радиоэлектронике В. Д. Калмыков попросил секретаря Рязанского обкома партии А. Н. Ларионова рассмотреть этот вопрос, дать указание о строительстве объектов института в первоочередном порядке. При этом он отметил, что выделены новые ассигнования на 1960 год для выполнения этих работ в сумме 6,3 млн. рублей. На документе рукой А. Н. Ларионова написана резолюция: «т.т. Гусеву, Круглову. Дать предложения. 30 января 1960 г.»

Возникает вопрос: разве в обкоме не обсуждали предложения, прежде чем направить их в Москву? Трудно сейчас найти ответ на этот вопрос. Обком внес предложение, секретариат ЦК принял решение об ускорении темпов строительства НИИ и сообщил об этом Председателю Государственного Комитета Совета Министров Союза СССР по радиоэлектронике В. Д. Калмыкову. При этом тресту «Рязаньжилстрой» дано указание о необходимости ускорения строительства главного корпуса.

Обком партии принял меры к укомплектованию НИИ квалифицированными кадрами, привлек опытных специалистов по газоразрядным приборам из других городов. Государственный Комитет по радиоэлектронике выделил средства на строительство 40-квартирного жилого дома для них. В обкоме посчитали, что этого недостаточно, нужно строить не менее двух 40-квартирных домов, о чем и уведомили Совет Министров СССР по ради-

оэлектронике, чтобы «изыскали возможность выделения в 1961 году на жилстроительство для НИИ дополнительных средств в сумме 1,5 млн. руб.». ¹⁴⁷

Круг возникших проблем при создании института был, конечно, гораздо шире тех, что указаны. Отмечу такую характерную деталь, влиявшую на принятие решений и их выполнение, как сжатые сроки, торопливость, безусловно, продиктованные сложной международной обстановкой, ведь любые промедления по созданию современного вооружения, по мнению политиков, стали бы губительными для нашей страны. Следует подчеркнуть, что НИИ создавался не случайно. В Рязани, впервые в стране, разработали и освоили цельнометаллические игнитроны, предназначенные для мощных сварочных машин, применяемых в ракетной технике.

Видимо, этим и объясняется Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 декабря 1958 года, в котором предусматривали не только создание НИИ, но и производство игнитронов. Готов ли был обком партии выполнить поставленную задачу? Ответ находим в письме А. Н. Ларионова от 28 марта 1960 г. заместителю Председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинову, в котором он просит помощи. Заметим, что к моменту написания письма прошло более года с того времени, как создан институт. Он должен был бы уже давать готовую продукцию, а первый секретарь обкома партии пишет, что для выпуска цельнометаллических игнитронов необходимы бесшовные тонкостенные нержавеющие трубы.

В 1959 г. заказ на них разместили на Первоуральском новотрубном заводе. 50 метров труб там изготовили, а от 375 метров труб отказались. На завод выезжали инженерно-технические работники, лично директор завода, но и это не помогло.

Не мелковатые ли, на первый взгляд, проблемы «поднимает» первый секретарь обкома партии перед вышестоящим должностным лицом? Возможно. Никто метры труб считать не собирался. Было кому этим заниматься. Беда заключалась в системе управления. Подобное письмо не появилось бы на свет, если бы указания, данные Председателем Совета Министров РСФСР Д. С. Полянским, Председателем Совнархоза РСФСР В. М. Рябиковым Свердловскому совнархозу и заводу, были выполнены. ¹⁴⁸

Таких примеров, к сожалению, великое множество. Как бы то ни было, но А. Н. Ларионов решал проблемы, возникающие не только по вине его подчиненных, но и при участии сторонних организаций. В этом, особо подчеркиваю, проявлялся его организаторский талант, целеустремленный характер человека, ответственного за порученное дело перед партией и государством.

Почти все справки, докладные записки, переписка обкома партии с ЦК КПСС по вопросам работы промышленности, транспорта, связи, строительства заводов, коммунального и жилищного благоустройства за 1958 год, хранящиеся в архиве, имеют гриф «секретно», «совершенно секретно», «совершенно секретно особой важности». Какие же секреты прятали архивы?

Рязанцы, одолевая производственные неувязки, служили Отечеству, выполняя оборонный заказ. Сошлюсь на письмо А. Н. Ларионова министру обороны Союза ССР Маршалу Советского Союза тов. Р. М. Малиновскому от 12 декабря 1958 г.:

«В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 декабря 1957 г. № 1475-685 и постановлением Совета Министров СССР от 22 апреля 1958 г. за № 438-206 завод № 463 Рязанского совнархоза обязан в 1958 году освоить производство и подготовить серийный выпуск аппаратуры кабины «У» системы РСН-75 – генеральный заказчик Четвертое Главное управление Министерства обороны и бортовую аппаратуру системы «Собис» для изделия 8К71 – генеральный заказчик НРВ».

Первый секретарь обкома партии знал, о чем писал. Мне, как и большинству читателей, трудно представить масштабность этого проекта, понять его. Причина одна – государственная и военная тайна, а хранить ее умели. Хотя известно выражение Декстера: «В этом мире нет секретов. Есть только скрытая правда. Правда, таящаяся в глубине».

Я долго стремился проникнуть в «глубину» архивных источников, чтобы отыскать эту «правду». Что-то удалось прояснить, определить уровень задач, которые стояли тогда перед руководством Рязанской области.

Справка

СОБИС (система опорожнения баков и синхронизации). В задачу аппаратуры входило не только поддержание во время полета соот-

ношения расхода компонентов, но и строжайшая синхронность этих расходов всех пяти групп составляющих емкостей носителя, что обеспечивало устойчивость полета ракеты на активном участке траектории выведения на орбиту. Рязанский завод № 463 приступил к освоению производства этой аппаратуры сразу же после запуска первого искусственного спутника Земли. На ракете-носителе этого спутника стояли опытные образцы СОБИС, разработанные и изготовленные московским ОКБ-12. Аппаратура выпускалась для комплектования практически всех видов жидкотопливных ракет-носителей:

8К71 (Р-7) – двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета. Она стала базой для создания ряда модификаций:

8К74 (Р-7А) – двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета;

8К72 – трехступенчатая ракета-носитель «Восток».

С конвейера рязанского предприятия сходили также системы опорожнения топливных баков (изделия СОБ и ДРОБ) для ракет класса «воздух-воздух».¹⁴⁹

После прочтения такой справки, весь спектр рязанской «оборонки» воспринимается уже по-другому – масштабнее и, разумеется, проблематичнее.

Для контроля и приемки изделий было организовано военное представительство в составе четырех офицеров и трех служащих. Технологическое время для приемки одного комплекта аппаратуры «У» составляло 700 часов, а системы «Собис» – 450.

Начиная с сентября 1958 года, радиозавод выпускал один-два комплекта таких систем. Для их приемки ежемесячно к имеющимся семи военпредам командировали по три человека из военных представительств ленинградских заводов. Но и при этих условиях случалась задержка приемки изделий.

В соответствии с проектом плана на 1959 год ежемесячно военное представительство должно было обеспечивать контроль и приемку не менее трех-четырёх комплектов каждой системы. Военпредов не хватало.

Кроме того, наземную контрольно-проверочную аппаратуру для системы «Собис» только планировали изготовить. «Летели» требовательные обращения в Министерство обороны

и соответствующие управления об увеличении числа военпредов, но положительных результатов они не давали.

Рязанский обком КПСС просил лично тов. Малиновского «дать указание об укомплектовании военного представительства НРВ на заводе № 463, дополнительно выделив штат на 15 человек контрольно-приемного аппарата для обеспечения нормальной работы по выполнению производственной программы».¹⁵⁰

Этого требовала оборонная доктрина. Вот ответ заместителю Председателя Совета Министров СССР Д.Ф. Устинову заместителя министра обороны СССР маршала В. Соколовского: «Постановлениями Совета Министров СССР от 13.8.1957 года и от 23.12.1957 года ответственность за качество изготавливаемой военной продукции возложена на руководителей промышленных предприятий, начальников отделов, цехов и мастеров этих предприятий, а Министерство обороны обязывалось сократить численность военных представительств на 10-15%. Указанные постановления в части, касающейся Министерства обороны, выполнены.

Вопреки постановлениям Правительства СССР о сокращении численности военных представительств в Министерство обороны поступает много ходатайств об увеличении их численности. Эти ходатайства поступают от председателей государственных комитетов Совета Министров СССР, от руководителей совнархозов, партийных органов и предприятий промышленности.

В связи с увеличением объема работы и заказов по средствам противоракетной обороны, изделиям С-75 и ракетам дальнего действия в марте и сентябре месяцах с.г. была увеличена численность военных представительств 4-го Главного управления Министерства обороны и Начальника реактивного вооружения на 77% за счет дополнительного сокращения военных представительств других заказывающих управлений Министерства обороны.

Несмотря на проведенные мероприятия об усилении военных представительств начальника реактивного вооружения и 4-го Главного управления Министерства обороны, просьбы о дальнейшем усилении их представительств все же продолжают поступать.

Удовлетворить все ходатайства об увеличении численности военных представительств не представляется возможным, так как это противоречило бы постановлениям Правительства о сокращении численности военных представительств Министерства обороны.

Кроме того, Министерство обороны не имеет никакой численности для проведения мероприятия по увеличению военно-приемного аппарата.

Производить дальнейшее увеличение численности военных представительств 4-го Главного управления и Начальника реактивного вооружения, за счет сокращения военных представительств других заказывающих управлений, в настоящее время не представляется возможным, т.к. это может привести к тому, что отдельные виды вооружения и военной техники, в том числе и по реактивному управляемому вооружению, останутся без надлежащего контроля со стороны Министерства обороны.

Руководители промышленных предприятий стремятся переложить ответственность за качество выпускаемой военной продукции на Министерство обороны, требуя при этом увеличения военпредов, не используя в достаточной мере для контроля качества продукции отделы технического контроля (ОТК).

Отделы технического контроля на предприятиях в состоянии обеспечить надлежащий контроль за качеством военной продукции. Однако работники ОТК, часто в ущерб качеству выпускаемой продукции, предъявляют военпредам продукцию с большим количеством дефектов, что приводит к возврату продукции для устранения дефектов (такие случаи имели место за последние месяцы на заводах). В связи с изложенным, Министерство обороны удовлетворить просьбу Рязанского обкома КПСС не имеет возможности.

Подписал В. Соколовский». ¹⁵¹

А. Н. Ларионов прекрасно осознавал значение военной приемки, и то, что завод № 463 является в этом смысле уникальным – на нем было пять военпредов, принимающих изделия для разных видов и родов советских Вооруженных Сил. Как отмечалось выше, с 1958 года военпреды должны были приступить к контролю работ, выполняемых заводом в интересах войск про-

тивовоздушной обороны (ПВО) страны. Это были шкафы и кабины У-2 для зенитно-ракетного комплекса (ЗРК) С-75.

Начало работ по противоракетной обороне относится к 1956 году. 3 февраля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О противоракетной обороне». С-25 «Беркут» прикрывала воздушное пространство Москвы в течение 30 лет.

Под контролем С. С. Бирюзова была создана разветвлённая сеть военно-учебных заведений для подготовки офицеров по всем специальностям войск ПВО страны. С 1 марта 1957 года началась учеба в сформированной в г. Калинин (ныне г. Тверь) Военной командной академии ПВО (ныне Военная академия военно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова). Маршал Бирюзов инициировал подготовку офицеров ПВО в гражданских вузах страны.

Инициативой С. С. Бирюзова стало создание и военной кафедры по профилю ПВО в Рязанском государственном радиотехническом институте.

Привожу фрагменты из книги, посвященной РПТП «Гранит»:¹⁵²

«На военной кафедре в радиотехническом институте изучались ЗРК С-75 «Волхов», возможно, и С125 «Нева» (экспортный вариант «Печора») т.к он был более современным аналогом С-75». (Из воспоминаний А.В. Лобанова, начальника центра по ремонту и сервисному обслуживанию).¹⁵³

В 50-80-е годы прошлого столетия государственный оборонный заказ значительно превышал возможности головного производственно-технического предприятия по его выполнению. Не хватало специалистов. Дело в том, что каждому предприятию в Москве устанавливались лимиты численности, превышение которых строго контролировалось и наказывалось.

Единственным выходом было создание филиалов предприятия в других городах. Вот одним из таких городов была выбрана Рязань.

Начиная с 1959 г. многие выпускники Рязанского радиотехнического института работали на головном предприятии.

Больше того, совместным приказом Минвуза СССР и Минрадиопрома СССР РТИ был определен базовым институтом наших предприятий.¹⁵⁴ Вениамин Павлович Ефре-

мов, Генеральный конструктор ЗРК ПВО сухопутных войск, рассказывает:

– Это была первая зенитно-ракетная система в нашей стране. Оборона г. Москвы состояла из двух колец – ближнее кольцо 50 км от Москвы и дальнее – 100 км.¹⁵⁵

Справка

В состав комплекса С-75 входят: станция наведения ракет СНР-75 (антенный пост, кабина боевого управления «У», аппаратная кабина «А», радиодальномер РД-75 «Амазонка», средства обеспечения и буксировки), пусковые установки (СМ-63, СМ-90) - 6 шт., транспортно-заряжающие машины ПР-11 - 6 шт. Комплекс состоит на вооружении зенитного ракетного дивизиона (зрдн) зенитной ракетной бригады (зрбр). В случае, когда зрдн выполняет задачи в качестве отдельного, ему могут придаваться радиолокационная станция разведки и целеуказания П-12 «Енисей» и радиовысотомер ПРВ-13 из состава радиотехнического дивизиона (рtdн)бригады.

Комплекс С-75 сыграл исключительную роль в становлении и развитии управляемых ракетных средств ПВО страны. Это единственный в мире ЗРК, успешно выполнявший задачи противовоздушной обороны в условиях крупномасштабных боевых действий (Вьетнам, Египет). В настоящее время продолжает состоять на вооружении частей и подразделений ПВО некоторых стран.

Только обращение к первому заместителю Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлову помогло решить А. Н. Ларионову проблему увеличения военного представительства. Ф. Р. Козлов распорядился так: «Тов. Соколовскому В. Д. Прошу дополнительно рассмотреть этот вопрос, имея в виду обеспечение современной приемки важнейших образцов реактивного оружия». 10 января 1959 г. подписал Козлов.

В ответ пришло сообщение:

«Первому заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Козлову Ф. Р.

Копия: секретарю Рязанского обкома КПСС.

Заместителю Председателя комиссии президиума Совета Министров Союза ССР по военно-промышленным вопросам.

В соответствии с Вашими указаниями от 10 января 1959 года Министерством обороны дополнительно рассмотрено ходатайство секретаря Рязанского обкома КПСС тов. Ларионова об увеличении численности военного представительства Начальника реактивного вооружения на заводе № 463 Рязанского совнархоза.

Для обеспечения приёмки аппаратуры к изделиям РСН-75 и 8К71, Министерством обороны даны указания увеличить численность военного представительства на заводе №463 на 15 человек.

Военные представительства ВВС и Начальника реактивного вооружения на этом заводе объединены под руководством старшего военпреда ВВС

30 января 1959 г.

В.Соколовский»

Именно в этот день, 30 января 1959 г., секретарь Рязанского обкома партии И. Гусев отправил заместителю Председателя Совета Министров СССР Д. Ф. Устинову письмо, в котором от имени обкома КПСС просил поддержать предложение о награждении орденами и медалями СССР группы рабочих, инженерно-технических работников и служащих завода, которые успешно выполнили задание партии и правительства по освоению и обеспечению выпуска серийного производства оборонного заказа.

На рязанцев тогда возложили разработку автоматизированной аппаратуры регламентного контроля ГСН-200 (головка самонаведения), имитатора цели системы 200, автоматизированной аппаратуры ответчика ракеты В-860, автоматизированной аппаратуры контроля ракеты К-80.

Для защиты территории СССР, занимавшей одну шестую часть суши земного шара, решили создать ракетносец-перехватчик, способный действовать на удалении свыше 1000 км от аэродрома. 4 июня 1958 года вышло Постановление Совета Министров СССР, предусматривавшее создание авиационно-ракетного комплекса ПВО Ту-28-80. Согласно ему и последующим постановлениям, ОКБ (Туполева) должно было создать дальний сверхзвуковой барражирующий перехватчик Ту-28. Перехватчики несли четыре ракеты. Дальность обнаружения цели бортовой РЛС «Смерч» – 50 км, начало ее автоматического сопровождения – 34-40 км.

Ракета К-80 (в документах – Р-80) поражала цели, летевшие со скоростью до 2000 км/ч на высоте от 8 до 12 км, на дальности от 2 до 25 км.

Для подвески ракет на перехватчике-бомбардировщике разработали специальное подкрыльевое пусковое устройство. Ракеты с инфракрасной головкой самонаведения подвешивали на внутреннем крыльевом пилоне, с радиолокационной головкой – на внешнем пилоне. Комплекс (самолет-носитель и ракеты) стал называться Ту-128С-4.

Военная техника в период «холодной войны» развивалась невиданно быстрыми темпами. Если ознакомиться с документами, опубликованными в книге «Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Архивы Кремля»,¹⁵⁶ становится очевидным, что из всех вопросов, выносимых на заседания Президиума ЦК КПСС, больше трети были посвящены оборонной промышленности. Разного рода указания все стремились выполнить в срок.

Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов не только «выбивал» из поставщиков необходимые материалы, но стремился найти и использовать внутренние резервы. Видимо, это и побудило выступить с инициативой размещения в Скопинском районе завода по производству магниевого фасонного литья для авиационной промышленности. Об этом свидетельствует письмо секретаря Скопинского райкома партии Новикова, которое он направил на имя С. С. Бирюзова 12 мая 1962 г.:

«В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 2 апреля 1960 года № 996-рс, Совет Министров РСФСР распоряжением от 7 апреля 1960 года № 2012-рс обязал Рязанский Совнархоз построить в Скопинском районе завод магниевого проката и завод фасонного магниевого литья.

Строительство этих предприятий было предусмотрено постановлением Совета Министров СССР от 20 декабря 1958 года № 1391-677.

На основе согласованного 29 апреля 1960 года с Государственным Комитетом Совета Министров СССР по авиационной технике и утвержденного 7 мая 1960 года Рязанским Совнархозом планового задания, институт «Гипроавиапром» должен был в конце 1960 года выдать комплексное проектное задание на строительство заводов в г. Скопине.

В апреле 1961 года институтом «Гипроавиапром» вместо комплексного проектного задания были представлены «Соображения на проектирование магниевого комбината в г. Скопине Рязанской области».

В представленных соображениях институтом «Гипроавиапром» был поставлен под сомнение ряд положений, принятых в плановом здании, причем отмечалась нецелесообразность производства магниевого проката в г. Скопине и рекомендовалось ассимилировать производство полуфабрикатов из магниевых сплавов на одном из действующих предприятий алюминиевой промышленности.

Представленные соображения были рассмотрены Советом Народного хозяйства и заключение последнего в мае 1961 года было доведено до сведения Госкомитета Совета Министров СССР по авиационной технике и института «Гипроавиапром».

В течение апреля 1962 года институтом «Гипроавиапром» выдано проектное задание по заводу магниевого фасонного литья в г. Скопине, разработанное по указанию Госкомитета Совета Министров СССР по авиационной технике.

Одновременно институтом «Мосбасгипрошахт» форсируется окончание в июне с/года проектного задания по жилищному социально-культурно-бытовому строительству для упомянутого завода.

Таким образом, во изменение имеющихся правительственных решений о строительстве в г. Скопине завода магниевого проката и завода магниевого фасонного литья выполнено по указанным выше причинам проектное задание только по одному заводу фасонного магниевого литья.

В январе 1962 года в Совет Министров Союза ССР представлен проект решения, завизированный Госпланом Союза и Госэкономсоветом, в котором должны быть санкционированы изменения по наращиванию мощностей по магниевому прокату и магниевому литью. Однако до сих пор проект решения не утвержден.

Отсутствие этого решения не дает возможности представить разработанное проектное задание на государственную экспертизу, в связи с чем, естественно, задерживается утверждение

проектного задания со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно:

- 1) Изготовление проектно-сметной документации на подготовительные и заделные работы на 1963 г.
- 2) Обоснование необходимых капиталовложений на упомянутые работы на 1963 год.
- 3) Оформление землеотвода.
- 4) Размещение заказов на конструирование уникального металлургического оборудования и разработка ряда специальных вопросов по намеченному плану научно-исследовательских работ, предусмотренных технологической частью разработанного проектного задания, которые должны в значительной мере опережать строительство и монтаж.

В связи с изложенным райком КПСС просит Вашего ходатайства перед ЦК КПСС и Советом Министров Союза ССР о скорейшем внесении ясности в вопросы строительства завода магниевого фасонного литья в городе Скопине»¹⁵⁷.

Государственный комитет Совета Министров СССР рассмотрел предложение об открытии производства магниевого проката и литья, автопилотов, навигационных приборов, моторных агрегатов, электротехнических агрегатов автоматики.

При этом было учтено, что высвобождаемая рабочая сила с угольных шахт и подсобных служб будет поглощена металлургическим заводом и частично другими предприятиями, а культура производства потребует высококвалифицированных кадров, привлечет на завод выпускников средних школ. Распоряжением (от 2 апреля 1960 г.) Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР (от 7 апреля 1960 г.) обязали Рязанский Совнархоз построить в Скопинском районе завод магниевого проката и завод фасонного магниевого литья.

На основе согласования с Государственным Комитетом Совета Министров СССР по авиационной технике и утвержденно-го (7 мая 1960 года) Рязанским Совнархозом планового задания институт «Гипроавиапром» должен был в конце 1960 года выдать комплексный проект на строительство завода.

В начале 50-х годов в Рязанском Совнархозе начали освоение, а затем и выпуск радиолокационных станций перехвата РП-6 («Сокол») для самолетов Як-25 и Як-27. Они предназначались для

управления огнем стрелково-пушечного вооружения по воздушным целям. Дальность обнаружения воздушной цели – 20 км.

Выпускали контрольно-проверочную аппаратуру к станции «Сокол-2»; приборы КЭГ-3; широкодиапазонный гетеродинавый волномер ШГВС; сервисную аппаратуру к станции РП-6 («Сокол»)-15, Як-28П.

На смену БРЛС «Сокол» пришли бортовые радиолокационные системы «Орел-РП-11», «Орел - РП-15» и «Орел-Д-58» – для истребителей-перехватчиков Су-11, Су-15, Як-28П. Начался выпуск пультов автоматизированного контроля, тренажеров, радиолокационных станций РПСН-2 ИЛ-«Сектор».

РЛС семейства «Орел» предназначались для управления огнем стрелково-пушечного и ракетного вооружения (ракеты Р-8М, Р-98) истребителя-перехватчика, при атаке цели «снизу-вверх» (с принижением относительно цели) для исключения облучения поверхности Земли лучом антенны. Радиолокатор «Орел» (РП-11) устанавливался на самолет Су-11, Су-15. В комплексе с ракетой Р-8М обеспечивал перехват целей, летящих со скоростью 800-1600 км/час на высоте от 8000 до 23000 метров.

Дальность обнаружения целей составляла 25-26 километров, их автосопровождение начиналось с 16-17 километров. Пуск ракеты осуществлялся на удалении до 12 километров.

БРЛС «Орел» устанавливали на перехватчики Як-28П. Они имели большую антенну, и, соответственно, увеличивали дальность обнаружения цели (40 километров) и ее захват на автосопровождение (до 30 километров). Серийный выпуск осуществляли с 1962 г.¹⁵⁸

Крайне сложной, к примеру, была ситуация с разработкой автоматизированной контрольно-измерительной аппаратуры, когда уже изготовлены опытные образцы и необходимо провести их стыковку с изделиями, т.е. с ракетой, В-860 и К-8М. Разработка аппаратуры была секретной, делом особой важности, что требовало создания особого режима работы.

В середине 1950-х гг. в связи с развитием сверхзвуковой авиации, появлением термоядерного оружия особую актуальность приобрела разработка и создание зенитной ракетной системы большой дальности, способной перехватывать скоростные высотные цели.

Разработка системы С-200 «Ангара» (ракета В-860) завершилась в мае 1959 г. Спустя без малого год были определены конкретные этапы работ и их исполнители с выходом решения. Комиссия по военно-промышленным вопросам предусматривала выпуск комплекса по основным элементам в 1959 г., а по техническому обеспечению в целом – в начале 1960 г. В первой половине 1961 г. наметили срок проведения испытаний – III квартал 1961 г. Научно-исследовательский полигон (10 ГНИИП) МО в районе озера Балхаш привели в готовность уже в августе 1960 г. Определили и основные характеристики С-200. Скоростные цели должны были поражаться на дальности 90-100 км при ЭПР (эффективная поверхность рассеивания), соответствующей фронтовому бомбардировщику Ил-28, и на дальности 60-65 км при ЭПР, равной МиГ-17.

Соблюдая режим секретности, ракеты привезли на спецмашине и поставили в помещении. Они находились в зачехленном виде.

Наведение ракеты на цель планировали осуществить с помощью установленной на ней полуактивной радиолокационной головки самонаведения (ГСН). Это был наиболее сложный и ответственный блок в системе С-200. Не случайно ЦК КПСС и Совет Министров СССР поручил разработку первых вариантов головки самонаведения Рязанскому Совнархозу, учитывая, что там уже имеются серьезные наработки в этом направлении. Система С-200 превосходила своих предшественников по дальности, по высоте поражения целей. Поиск и «захват» цели осуществлялся без команд с наземных пунктов, что ранее было характерно только для баллистических ракет. Впервые в радиолокаторе применили цифровую вычислительную машину на полупроводниковых элементах (ПВМ «Пламя»). Систему С-200 – «длинная рука», как назвал ее Генеральный конструктор А.А. Расплетин, составляли пять ЗРК, объединенных единым командным пунктом, что позволяло одновременно производить пуски ракет по пяти целям. Система обеспечивала противовоздушную оборону больших территорий.

31 августа 1961 г. ЦК КПСС утвердил решение Военно-промышленной комиссии (ВПК) «О ходе работ по «Системе-200». В нем констатировали, что не изготовлены опытные образцы

РПЦ, наземного оборудования стартовой позиции и средств электроснабжения, проведено лишь 15 баллистических и автономных пусков ракеты В-860, рязанский завод задержал поставку автопилота АП-6, ГСН.

Заместитель министра обороны СССР и главнокомандующий войсками противовоздушной обороны Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов сообщал в письме первому секретарю Рязанского обкома партии К. Н. Гришину о том, что Постановлениями Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР заводу № 463 Рязанского Совнархоза поручено изготовление головок самонаведения, контрольных ответчиков и контрольно-испытательной аппаратуры для зенитной управляемой ракеты В-860.

Однако руководство завода не обеспечило организации производства этой аппаратуры и не выполнило плана поставки в истекшем году. До настоящего времени заводом не изготовлено ни одного комплекта головки самонаведения, а производство контрольных ответчиков и контрольно-испытательной аппаратуры вообще еще не начато.

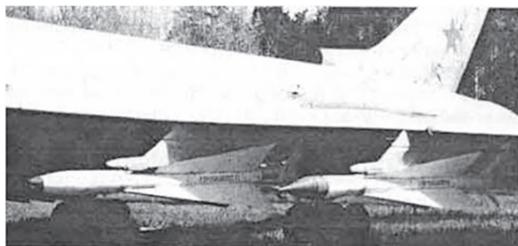
Задержка в изготовлении головок самонаведения для ракет ставит под угрозу невыполнения установленные Центральным Комитетом КПСС задания по новому образцу вооружения.

Многочисленные обращения к руководству завода со стороны 4-го Главного управления Минобороны, выезды на завод и в Рязанский Совет народного хозяйства руководящего состава из Министерства обороны и Госкомитетов желаемых результатов не дали. Рязанский совет народного Хозяйства не принимает действенных мер по оказанию помощи заводу, вследствие чего состояние с производством головок самонаведения остается тяжелым.

«Обращаюсь к Вам, – пишет С. С. Бирюзов, – с убедительной просьбой лично рассмотреть состояние дела в Рязанском Совете Народного Хозяйства и на заводе № 463 по выполнению этого важнейшего задания по новой ракетной технике и принять меры к улучшению хода работ».¹⁵⁹

Меры приняли, завод «Красное знамя» справился с ответственным и сложным заданием. Ракеты системы С-200 в те годы не демонстрировались на парадах на Красной площади. Редкие их фотоснимки появились лишь к концу 1980-х гг. Правда, от космической разведки скрыть факт развертывания нового ракет-

ного комплекса не удалось. Система С-200 получила в США обозначение SA-5, под которым в зарубежных справочниках печатали фотографии ракет комплекса «Даль», отснятых на парадах на Красной площади.



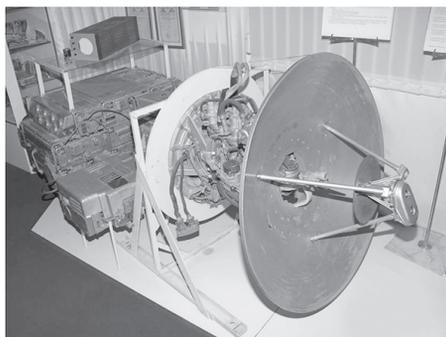
Ракета «К-80»



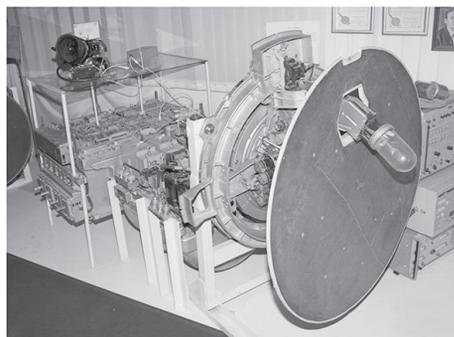
Ракета «Р-5»



Ракета-носитель «Восток»



БРЛС «Орел»



БРЛС «Сапфир»

В 1961 г. на полигоне «А» начались заводские испытания другой системы ЗУРВ – комплекса С-200. Разработка его началась в КБ-1 еще в 1958 г. По замыслу, он должен был поражать бомбардировщики с отражающей поверхностью, эквивалентной Ил-28, летящие на высотах от 5 до 35 км со скоростью до 3500 км/ч, на дальностях до 150 км.



ЗРК «С-125»



ЗРК «С-75»



ЗРК «С-200»

В июне 1962 г. в одном из пусков ракеты В-860 головка самонаведения захватила и удержала цель, что стало свидетельством правильности заложенных в нее технических решений.

Достаточно вспомнить, что предшествовавшая система С-25 также была очень слож-

ной для своего времени, создавалась с чистого листа и с использованием самых передовых достижений отечественной науки и техники. Но благодаря твердому, порой весьма жесткому, но грамотному и настойчивому руководству она была создана, и в очень короткие сроки.

Комплекс С-200 стал веским аргументом для авиации потенциального противника. Неоспоримое его достоинство – самонаведение ракет. Самолеты-разведчики США и стран НАТО стали совершать разведывательные полеты только вдоль границ СССР и стран Варшавского Договора. Зенитные ракетные комплексы С-200 в системе ПВО надежно перекрыли им воздушное пространство на ближних и дальних подступах, в том числе и для знаменитых американских самолетов-разведчиков SR-71 «Black Bird».¹⁶⁰

Создание ракетно-ядерного оружия, а затем нового вида вооруженных сил – РВСН, сопровождалось огромными трудно-

стями, требовало колоссальных финансовых и материальных затрат, привлечения к этой работе тысяч заводов, институтов, конструкторских бюро. Практически на голом месте создавались полигоны, развертывались первые ракетные бригады, послужившие в дальнейшем основой для создания РВСН.

Завершением начального этапа разработки и создания ядерного оружия и баллистических ракет, развертывания ракетных соединений явилось создание РВСН.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ РАКЕТНЫМИ ВОЙСКАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ

«В 1962 году был назначен Главкомандующим Ракетными войсками стратегического назначения».¹⁶¹

С 24 апреля 1962 года по 5 марта 1963 года маршал Бирюзов занимал высокий пост главнокомандующего Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН) – заместителя министра обороны СССР.

Как главнокомандующий ракетными войсками С. С. Бирюзов уделял особое внимание повышению их боеготовности, сокращению времени на подготовку и пуск ракет с наземных и шахтных пусковых установок. Им было принято и реализовано решение о строительстве в дивизиях РВСН дополнительных жилых городков вблизи стартовых позиций, что позволило уменьшить время на подготовку и пуск ракет на 2-3 часа. Он организовал постановку на боевое дежурство первых полков межконтинентальных баллистических ракет с шахтными пусковыми установками Р-16У и внедрил организационно-технические меры по предотвращению несанкционированных пусков ракет.

Маршал Бирюзов сыграл ключевую роль в Карибском кризисе, когда над миром могла разразиться страшная ядерная война.

В 1962 году под именем инженера Петрова С. С. Бирюзов появляется на Кубе, где убеждает Фиделя Кастро установить на острове советские ракеты с ядерными боеголовками.

Маршал Бирюзов участвовал в подготовке и проведении операции «Анадырь» в период карибского кризиса 1962 года. Ру-

ководил формированием 51-й ракетной дивизии, ее передислокацией на Кубу и приведением в боевую готовность. Вслед за этим последовал Карибский кризис, во время которого Н. С. Хрущев был доволен действиями маршала.

Выдающаяся заслуга маршала Бирюзова в создании новых видов Вооруженных Сил (ПВО и РВСН) заключается в том, что он создал их фактически «с нуля».

Несмотря на то, что он возглавлял ракетные войска всего одиннадцать месяцев – с 24 апреля 1962 по 5 марта 1963 года, под его руководством были решены важнейшие задачи их строительства

Прежде всего, были проведены жизненно необходимые коррективы организационно-штатной структуры ракетных войск.

Было положено начало строительства нового научно-исследовательского полигона в Архангельской области. Этот полигон ныне известен как космодром «Плесецк».

Для ракетных войск это время было годами массового строительства боевых ракетных комплексов с групповыми и шахтными пусковыми установками. Страна не жалела ни средств, ни материалов, ни времени, чтобы стать мировой ракетно-ядерной державой. Строились жилые городки в непосредственной близости от стартовых позиций. Заметно улучшились социально-бытовые и культурные объекты для солдат, для офицеров и их семей.

Понимая, что без квалифицированных кадровых офицеров-специалистов невозможно обеспечить поддержание боевой готовности и боевое применение сложнейшей ракетной техники, маршал Бирюзов уделял особое внимание подготовке профессионалов-ракетчиков. 1 августа 1962 года на базе Суворовско-



За столом переговоров. Министр вооруженных сил республики Куба майор Рауль Кастро (слева) и кубинская военная делегация на приеме у МО СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского (справа). Присутствуют маршалы М. В. Захаров, С. С. Бирюзов. Москва, 3 июля 1962 г.

го училища было сформировано Ставропольское военное училище связи (там где были пехотные курсы).

Вершиной организаторской деятельности Сергея Семеновича на посту главнокомандующего ракетными войсками стало активное участие в подготовке и проведении стратегической операции «Анадырь» (Куба).

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА – ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ОБОРОНЫ СССР

«С марта 1963 года – Начальник Генерального штаба – первый заместитель Министра обороны СССР». 162

В 1963 году Хрущев назначил Бирюзова начальником Генерального штаба – первым заместителем министра обороны СССР. Жесткий и волевой, Бирюзов призван был «взбодрить» Генштаб и стимулировать оснащение армии самым современным оборудованием, в том числе компьютерами. 59-летний



С. С. Бирюзов над картой в рабочем кабинете Генштаба

Бирюзов в 1964 г. стал главным кандидатом на пост министра обороны, который тогда занимал маршал Р. Я. Малиновский.

Представляет интерес рассказ Каманина об одном совещании у начальника Генштаба Бирюзова, в котором участвовали Крылов, Чуйков, Вершинин, Горшков, Судец и Епишев. Обсуждался вопрос о том, кто в МО должен заниматься и руководить космонавтикой. Совершенно неожиданно Бирюзов и Крылов высказались за передачу этих функций ВВС, Горшков и Чуйков поддержали их, а Судец и Епишев хотели как-то пристегнуть к космосу и ПВО.

«Бирюзов и Крылов были все время нашими противниками, из-за них мы два года потеряли на бесплодную болтовню.



Председатель Президиума ВС СССР А. И. Микоян вручает С. С. Бирюзову орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза



В центре - начальник Генерального штаба Маршал С. С. Бирюзов. Москва, кабинет, 1964 г.



Маршал Советского Союза С. С. Бирюзов ставит автограф



С. С. Бирюзов, Ю. А. Гагарин, А. Г. Николаев на встрече с пионерами. Москва. 1960-е годы

Сейчас появились реальные возможности объединить «военный космос» в ВВС и заняться им по-настоящему. Но на пути к правильному решению этих больших проблем будет еще много трудностей. Заместители Вершинина: Руденко, Пономарев, Миронов хотят поближе придвинуться к космическим делам и будут категорически против введения должности заместителя Главкома по космосу. Я около двух лет назад предлагал Военному Совету ВВС учредить такую должность. Тогда те же лица помешали этому, что отрицательно сказалось на решении военных задач в космосе.



Выступление Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова

Маршал Руденко уже «поставил институт на новые рельсы». Решением правительства при Минздраве создается новый космический институт, и для его устройства у нашего института отбирают здания и людей. Вместо того, чтобы все объединить в ВВС, мы продолжаем распылять средства и усилия. Буду пытаться помешать этому и сделаю все возможное для концентрации в ВВС всех сил и средств по освоению космоса».¹⁶³

На XX съезде КПСС С. С. Бирюзов был избран кандидатом, на XXII съезде КПСС – членом Центрального Комитета Коммунистической партии. С 1946 года С. С. Бирюзов избирался депутатом Верховного Совета СССР. В связи с этим стоит рассказать еще об одной ситуации. В 1962 году С. С. Бирюзов избирался депутатом Верховного Совета СССР от Калининградской области. Понятно, что приходилось проводить много времени в Калининграде, встречаться с избирателями. В одной из таких поездок в Калининград на автомобиле довелось ехать по территории Эстонии. Как известно, на территории этой республики в 1,5 км от нынешнего эстонского населенного пункта Йыгевесте, Валгамаа, похоронен полководец, герой войны 1812 года М. Б. Барклай-де-Толли в родовом имении его супруги. С. С. Бирюзов знал об этом и решил побывать у могилы Барклая. Идти от дороги было необходимо около полутора километров пешком по занесенному снегом полю. Маршал от затеи не отказался, подоткнул длинные полы шинели под ремень и отправился в путь. Попутчикам ничего не оставалось, как сопровождать С. С. Бирюзова. Он постоял у могилы, отдавая дань памяти полководцу, в военной биографии которого, так же как и у Сергея Семеновича, были поражения, отступление и победа. Видимо, С. С. Бирюзов не только знал имя Барклая-де-Толли, но и уважал поучительный военный опыт этого полководца.

В 60-е годы авторитет С. С. Бирюзова в армии и стране достаточно высок. Он удостоен правительственных наград: четырех орденов Ленина, трех орденов Красного Знамени, двух орденов Суворова, ордена Кутузова, ордена Богдана Хмельницкого, многих медалей, а также орденов братских республик.

Перед Сергеем Семеновичем Бирюзовым открывалась возможность занять высший пост в военной иерархии государства. Однако судьба распорядилась иначе.



С. С. Бирюзов, А. А. Епишев, А. А. Гречко, К. Е. Ворошилов, Р. Я. Малиновский, Н. С. Хрущев на трибуне мавзолея. Парад, 1960-е годы

10 октября 1964 года самолет «Ил-18», на котором летела делегация, направлявшаяся на торжества в честь 20-летия освобождения Белграда, врезался в гору Авала в 15 км. от столицы Югославии Белграда. Синоптики из-за непогоды были против полета. Маршал Бирюзов, возглавлявший делегацию, принял решение лететь – югославский лидер Иосиф Броз Тито, отношения с которым с таким трудом удалось восстановить, мог обидеться. Вся советская делегация (33 человека), находившаяся на борту самолета, погибла. Прах С. С. Бирюзова покоится на Красной площади в Кремлевской стене.

Из воспоминаний жены Бирюзова Юлии Ивановны Бирюзовой о муже: «Этот день – 19 октября 1964 года начался как-то невесело: дрянная погода, густой туман, повисший над землей. Муж, в ту пору начальник Генерального штаба, должен был лететь в Югославию во главе военно-правительственной делегации



У кремлевской стены. Почетный караул в день похорон С. С. Бирюзова



Прощание с погибшими советскими военачальниками. Югославия, Белград. 19 октября 1964 г.



Памятник у горы Авала (Югославия) на месте авиакатастрофы

на празднование 20-летия освобождения Белграда. Но на Внуково-2 из-за плохой видимости задерживали вылет. Наконец туман поредел, и вылет разрешили. Сережа попрощался с официальными лицами, провожавшими делегацию. Я подошла к нему и спросила: «А меня не забыл? Муж ласково обнял меня и сказал: «Тебя я никогда не забуду. Ты же у меня единственная». И поцеловал на прощание. Кто мог знать, что это прощанье навсегда...».¹⁶⁴

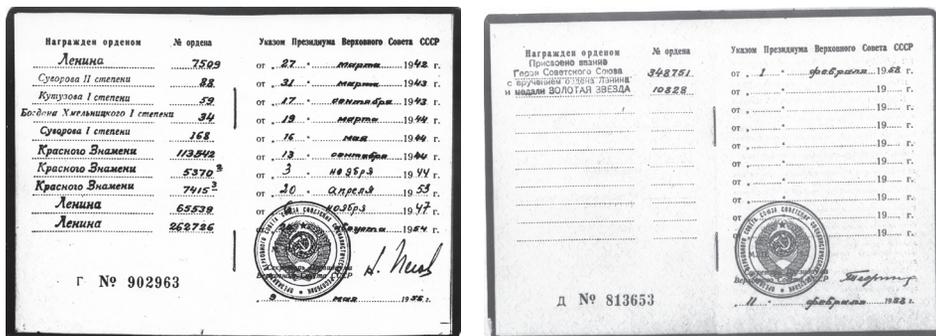
Через 7 лет на месте гибели С. С. Бирюзова побывал Константин Симонов. Судьба снова свела их дороги — писателя

и маршала. К. Симонов записал в своем дневнике:

«Я, конечно, помнил о трагедии, которая произошла здесь в 1964 году, когда наши ветераны боев за Белград, летевшие на двадцатилетие со дня его освобождения, погибли при катастрофе самолета, врезавшегося в склон Авалы всего за несколько сот метров ниже могилы Неизвестного солдата.

Я помнил это, и все-таки, когда увидел врезанную в склон горы каменную плиту со скорбным списком, начинавшимся

с имен маршала Бирюзова и генерала Жданова, командовавшего тем самым мехкорпусом, который первым прорвался к Белграду,



Орденская книжка

когда я увидел в этот осенний будничный день цветы у подножия плиты и стоявших перед ней без шапок людей, у меня стиснуло горло.

Умом я понимал, что это всего-навсего случайность, катастрофа, и все-таки, может, оттого, что это была именно Авала с ее могилой Неизвестного солдата, казалось, что смерть настигла этих людей откуда-то оттуда, из прошлого. Тогда, в боях, не коснулась, прошла мимо – под ногами, над головами, на метр справа, на сантиметр слева... А тут, когда они летели на двадцатилетие Победы, все-таки дождалась и настигла». ¹⁶⁵

Сергею Семеновичу Бирюзову было дано прожить после Победы над фашизмом почти 20 лет, дано для того, чтобы мужественно и честно служить Родине

ОТЧИЗНОЙ ПРИЗВАННЫЙ

Маршал Сергей Семенович Бирюзов был младше маршалов Победы, своих старших командиров, товарищей по оружию – Г. К. Жукова, И. С. Конева, К. К. Рокоссовского, Л. А. Говорова, А. М. Василевского, Р. Я. Малиновского, Ф. И. Толбухина. Он получил высшее воинское звание через десять лет после окончания войны. Бирюзов это звание маршала заслужил, отдав армии значительную часть своей так рано оборвавшейся жизни.

Родившийся в самом начале XX века Сергей Бирюзов лишь по самому краешку захватил Гражданскую войну, когда в Рос-

сии произошла революция, он был подростком. Он в отличие от маршалов Победы не знал службы в имперской, царской армии. Его воинский опыт – другой, не связанный ни с Первой мировой, ни с Гражданской войной. Его миновали сталинские репрессии конца 30-х годов, но принимать командование 30-й Иркутской дивизией 33-летнему выпускнику военной академии полковнику Бирюзову в 1938 году было не у кого – все командование дивизией было арестовано накануне.

Парень из простой крестьянской семьи он уже многое знал и умел к этому времени, с юных лет он проявлял инициативу и энергию. В 17 лет в жизни Сергея произошел крутой поворот – он идет добровольцем в армию и поступает на пехотно-пулеметные курсы. В 1920 году 15-летним он вступил в комсомол и вскоре был избран секретарем ячейки. Грамотность пришлась весьма кстати в Красной армии.

Командование заметило дисциплинированного и храброго красноармейца и направило его на учебу в Москву. Молодой красноармеец попадает в самое престижное военно-учебное заведение того времени – Объединенную школу имени ВЦИК. Осенью этого же 1923 года Сергею Бирюзову довелось нести службу в Кремле на знаменитом посту № 27 – у кабинета В. И.Ленина.

Пройдут десятилетия, и Маршал Советского Союза Сергей Семенович Бирюзов будет довольно частым гостем высоких кремлевских кабинетов, а тогда, в 23-м, с поста № 27 только началась его командирская карьера: командир взвода, стрелковой роты, батальона.

С юных лет до последнего дня жизни С. С. Бирюзов отдает себя благородной и трудной профессии офицера – защитника Родины. Новоиспеченный командир назначается в Новороссийск на должность командира взвода. Затем Бирюзов командовал ротой и батальоном в прославленной Московской Пролетарской дивизии. Подчиненные отзывались о нем, как о строгом, но справедливым начальнике.

Рассматривая жизненный путь нашего знаменитого земляка, сразу отмечаешь его тягу к знаниям, его усердие и талант.

Военная школа – это первая ступень на пути совершенствования. Сергей Семенович в 1929 г. закончил два курса вечернего рабочего университета, а далее в 1937 г. – Военную академию



Бюст С. С. Бирюзова
в Скопине,
Рязанская область



Открытие мемориальной доски С. С. Бирюзову.
Среди ветеранов младшая дочь Бирюзова — Ольга
Сергеевна. Полтава. Сентябрь 1990 г.



Юные следопыты у памятника
С. С. Бирюзову. Скопин. 1984 г.



Улица Бирюзова. Рязань. 1985 г.



Юные бирюзовцы из г. Донецка (УССР) в г. Скопине у дома,
где родился маршал. 1969 г.



Ветераны 132-й стрелковой дивизии в школе № 98 Кировского района г. Донецка в музее Маршала Советского Союза, Героя Советского Союза С. С. Бирюзова

имени М. В. Фрунзе с дипломом 1 степени, то есть с отличием. Бирюзов получает назначение на должность начальника штаба дивизии. Блестящее начало службы.

И далее блестящее продвижение по службе: три года и присвоение трех очередных званий. В сентябре 1938 года ему присвоено звание полковника, а через год – комбрига. Вскоре Сергей Семенович был выдвинут начальником оперативного отдела штаба этого округа, а в 1939-м стал командиром 132-й стрелковой дивизии. Он зарекомендовал себя хорошо подготовленным военным специалистом, и в июне 1940 года получает звание генерал-майора.

Но его главной военной академией стала Великая Отечественная война, которую он прошел от первого дня до последнего. Он отступал с боями от западных укрепрайонов вместе со своей дивизией, трижды выходил из окружения, был тяжело ранен, занимался после выписки из госпиталя формированием новой армии, не пустившей корпус Манштейна на помощь окруженной в Сталинграде 6-й армии Паулюса.

Сергей Семенович Бирюзов знал горечь поражений, и «святую ярость наступленья» он тоже познал. Под командованием Ф.И. Толбухина он в качестве начальника штаба, сначала армии, потом фронта освобождал Донбасс, Таврию, Крым, Молдавию,



Открытие музея им. С. С. Бирюзова в школе № 58 г. Рязани. Среди ветеранов ВОВ методист областной станции юных туристов Серафима Васильевна Ананьина (1-й ряд справа, с цветами). Рязань, май 1989 г.



Москва. «Бирюзовцы» в гостях у родственников. Рассматривая альбом о Рязани, жена Юлия Ивановна рассказывает о С.С. Бирюзове

Румынию, Болгарию, Югославию... Он на собственном опыте знал, что такое пройти с боями пол-Европы. Такой был характер у Бирюзова – он любил сидеть в штабе, часто бывал в войсках, когда приходилось брать на себя непосредственное руководство боем. И такое тоже бывало. Во всех своих должностях на войне он был на своем месте. Всему научился. Все умел и понимал. За все отвечал. Случалось, и выговоры получал от вышестоящего военачальника. Но из всего извлекал уроки.

Через много лет после войны Маршал Победы И. С. Конев говорил в одном из интервью о том, что полноценного военачальника, способного командовать крупными соединениями, может создать только долгая военная школа, прохождение целого ряда ее ступеней – неторопливое, основательное, связанное с устойчивой любовью к пребыванию в войсках, проведению учений,



Рязань, май 1989. Музей им. С. С. Бирюзова, школа № 58. Павел Сахаров передает Светлане Соколовой для экспозиции музея гильзы, привезенные с Кавказа



Полтава, 1985. «Бирюзовцы» – Светлана Болотова, Светлана Соколова среди ветеранов ВОВ



Скопинцы — участники Великой Отечественной войны
и краеведы в музее С. С. Бирюзова

к непосредственному командованию, к действиям в поле... Одной штабной подготовки, длительной службы в штабах для этого недостаточно. Без того чтобы покомандовать полком, дивизией, корпусом, трудно стать командиром, командующим фронтом.

Будто бы про Бирюзова это сказано. За войну он прошел все ступени командирской карьеры. По мнению маршала Конева, война производила отбор кадров. Сергей Бирюзов через этот отбор прошел. В силу своего возраста и наверное, собственного военного опыта он не успел стать маршалом. В тот же день, когда ему присвоили звание Маршала Советского Союза – 11 марта 1955 года – вместе с ним это высокое воинское звание получали И. Х. Баграмян, А. А. Гречко, А. И. Еременко, К. С. Москаленко, В. И. Чуйков. Все они прошли ту войну, которую в самые первые дни называли Великой и Отечественной. Но и среди этих новых маршалов Сергей Бирюзов был самым молодым.

Он многое успел и после войны: военно-дипломатическая работа, командование военным округом, войсками ПВО, Ракетными войсками стратегического назначения, служба в должности начальника Генштаба Вооруженных Сил. Он связал своим именем две войны: Вторую мировую и «холодную войну». Причем сделал все, что мог, чтобы «холодная война» не стала ядерной.

Сегодня можно рассуждать о том, что С. Бирюзов за время своей военной службы сделал правильно, а что – неправильно. Сегодня любят рассуждать на такие темы. Он был человеком во-

енным, верным присяге, выполняющим приказ. Он был солдатом Отечества даже в звании маршала. Всю жизнь Сергей Семенович старался быть лучшим, храбрейшим. В тылах не отсиживался, передовой не избегал, от ответственности не уходил.

Исключительным личным мужеством, бесстрашием, способностью оперативно принимать безошибочные решения в самых острых боевых ситуациях, требовательностью и порядочностью в отношении к подчиненным, колоссальной работоспособностью он заслужил высокий нравственный авторитет у солдат и офицеров Красной Ар-

мии, военачальников дружественных армий, воевавших вместе с советскими войсками против фашистских агрессоров, у подчиненных ему солдат и офицеров в послевоенные десятилетия.

Сергея Семеновича Бирюзова помнят на родине, в городе Скопине. Есть памятник ему, стенд в краеведческом музее, мемориальный дом-музей. Смею надеяться, что эта книга внесет свою лепту в сохранение памяти о выдающемся полководце, замечательном человеке, нашем земляке Сергее Семеновиче Бирюзове.



С. С. Бирюзов с долгожданным сыном Сергеем. Сентябрь 1946 г.



Фото с портрета С. С. Бирюзова в квартире его семьи



С. С. Бирюзов на отдыхе

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уроки истории и долг писателя. Константин Симонов// Наука и жизнь. М.: №6 1987 С.42-48.

² Еременко А. И. Сталинградская битва (Из воспоминаний). Сталинград. 1958; Чуйков В. И. Легендарная 62-я. Сталинград. 1958; Он же. Начало пути. М. 1959.

³ Бирюзов С. С. Когда гремели пушки -М.: Воениздат, 1962. 277 с.

⁴ Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах -М.: Воениздат, 1963. 336 с.

⁵ Бирюзов С. С. Суровые годы -М.: Воениздат, 1966. С.18

⁶ Там же, с. 17-18.

⁷ Архив Президента РФ (далее АП РФ) Ф.2. Оп.1. Д.188. Л.4-30.

⁸ Автобиография С. С. Бирюзова Государственный архив Рязанской области (далее ГАРО) Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

⁹ ГАРО Ф.183.Оп.274. Д.28. Л.6

¹⁰ Страницы из скопинской жизни: Народное образование / История ...www.history-ryazan.ru

¹¹ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

¹² Горбунов М. Большая жизнь// Солдаты славы не искали. М., 1970. С. 157

¹³ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

¹⁴ История развития лесной промышленности Среднего Урала, Екатеринбург. 1997. С. 43.

¹⁵ Бирюзов С. С. Суровые годы -М.: Воениздат, 1966. С.512

¹⁶ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

¹⁷ Там же.

¹⁸ Николай Иванович Крылов - Не померкнет никогда - Atspace.ru/yegheero.atSPACE.org/glava1_2.html

¹⁹ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

²⁰ Лобачев А. А. Трудными дорогами - Военная Литература militera.lib.ru/memo/russian/lobachev_aa/index.htm

²¹ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

²² Приказ революционного военного совета Союза Советских Социалистических Республик по личному составу армии № 101. 23 февраля 1928 года. Москва. — М: Центральная Типография НКВМ, 1928. — С. 7. — 36 с.

²³ Скопинский вестник. 21 августа 2004 г.

²⁴ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

- ²⁷ Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937-1941. М., 2014, С. 98-99.
- ²⁸ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ²⁹ «Ленинское Знамя». Скопинский район. 10 февраля 1981 г.
- ³⁰ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ³¹ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.13-14.
- ³² Там же. С.16.
- ³³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ) Ф. Оп. Д. Л. «Социалистическое земледелие» от 25 июня 1941 г., стр. 1.
- ³⁴ «Ленинское Знамя». Скопин. 10 февраля 1981 г.
- ³⁵ Центральный архив Министерства обороны (далее ЦАМО), Фонд 208, Опись 2511, Дело 210 Л.96.
- ³⁶ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.21-23.
- ³⁷ Там же. С.26.
- ³⁸ Там же. С.26.
- ³⁹ Там же. С.30.
- ⁴⁰ Скопинский вестник. 21 августа 2004.
- ⁴¹ «Ленинское знамя». Скопин. 27 января 1981г.
- ⁴² Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.33.
- ⁴³ Там же. С.31.
- ⁴⁴ Сталин. Июнь 1941-май 1945. «Достоинство». 2010. С.17.
- ⁴⁵ ЦАМО, Ф. 208, Оп. 2511, Д. 210. Л.96.
- ⁴⁶ Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. – М.: Художественная литература, 1982. Т. I – 479 с.; Т. II – 688 с.
- ⁴⁷ № 169 16 июля. Постановление. О строжайшем пресечении в Красной Армии нарушений воинской дисциплины, об аресте и предании суду группы командования ЗФ. РГАСПИ Ф.644. Оп.1. Д.3 Лл.95-96.
- ⁴⁸ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.16.
- ⁴⁹ Там же. С.18.
- ⁵⁰ Там же. С. 18.
- ⁵¹ АП РФ Ф.2. Оп.1. Д.188. Л.4-30.
- ⁵² Уроки истории и долг писателя. Константин Симонов// Наука и жизнь. М.: 1987 г. №6 С.46.
- ⁵³ РГАСПИ Ф.644. Оп.1. Д.3 Лл.95-96.
- ⁵⁴ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.49.
- ⁵⁵ ЦАМО, Ф. 361, Оп. 6079, Д.10. Л.16.

- ⁵⁶ Там же. Л.403-405.
- ⁵⁷ Там же. Л.575-576.
- ⁵⁸ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.49.
- ⁵⁹ Там же. С.49.
- ⁶⁰ Там же. С.49.
- ⁶¹ «Красная Звезда» 21 августа 1984 г.
- ⁶² Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С. 73- 74.
- ⁶³ Победа. Одна на всех: сирота, ставший маршалом. Сергей Бирюзов <https://echo.msk.ru/programs/time/686896-echo/>
- ⁶⁴ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ⁶⁵ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.77.
- ⁶⁶ ЦАМО, Ф. 1354, Оп. 1, Д. 17, Л.62-63.
- ⁶⁷ ЦАМО, Ф.1354, Оп. 1, Д. 14. Л.82.
- ⁶⁸ ЦАМО, Ф.1354, Оп. 1, Д. 17, Л.100.
- ⁶⁹ Там же. Л.86-87.
- ⁷⁰ «Ленинское знамя». Скопинский район 17 февраля 1981 г.
- ⁷¹ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.78.
- ⁷² Там же. С.80.
- ⁷³ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ⁷⁴ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С. 82.
- ⁷⁵ Там же. С. 80-84.
- ⁷⁶ ЦАМО Ф.202. Оп5. Д.259. Л.73-74.
- ⁷⁷ ЦАМО, Ф. 310, Оп. 4376, Д.74. Л.438-439.
- ⁷⁸ Международная научно-практическая конференция «Военно-теоретическое наследие полководцев Великой Отечественной войны и его значение в контексте вызовов и угроз XXI века (к 110-летию со дня рождения уроженца Рязанской земли Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова и 70-летию Великой Победы)» 30-31 октября 2014 года в г. Рязани, РГУ имени С. А. Есенина
- ⁷⁹ Автобиография С. С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ⁸⁰ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.99.
- ⁸¹ А. Ф. Агарев, В.П. Курьшкин. Рязанская история в событиях и лицах. 1917-1991. Рязань. 2016. С.137-159.
- ⁸² Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.102.
- ⁸³ Там же. С.103.
- ⁸⁴ Там же. С.111.
- ⁸⁵ Там же. С.112.
- ⁸⁶ К. Симонов. Разные дни войны. Из бесед с маршалом А. М. Василевским. М. 2015. С.552-553.

- ⁸⁷ «Районный масштаб». № 8, август 2004 г.
- ⁸⁸ Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. Т. 2, М. 1995, с. 111.
- ⁸⁹ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.125.
- ⁹⁰ Там же. С.126-127.
- ⁹¹ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11
- ⁹² Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.154.
- ⁹³ Там же. С.164.
- ⁹⁴ Там же. С.155.
- ⁹⁵ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: 1976. С.359.
- ⁹⁶ Там же. С.194.
- ⁹⁷ Там же. С.214.
- ⁹⁸ Константин Симонов Собр. Соч. Т.9 М.1983, с. 230.
- ⁹⁹ Письма маршала. Московская правда 17 мая 1985 г.
- ¹⁰⁰ «Ленинское знамя». Скопин. 8 мая 1969 г. Встречи с маршалом.
- ¹⁰¹ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С. 391.
- ¹⁰² Там же. С. 390.
- ¹⁰³ Там же. С.230.
- ¹⁰⁴ Там же. С.233-234.
- ¹⁰⁵ Там же. С.283-284.
- ¹⁰⁶ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11.
- ¹⁰⁷ Маршал С.С. Бирюзов www.rzn-patriot.ru/name/biruzov.html
- ¹⁰⁸ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.353.
- ¹⁰⁹ Там же. С.354.
- ¹¹⁰ “Маршалы Советского Союза. Личные дела ...www.rulit.me/.../marshaly-sovetskogo-soyuza-lichnye-dela-rasskazyvayut-read-37870.
- ¹¹¹ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С.487.
- ¹¹⁴ ЦАМО, Ф. 902, Оп. 1, Д. 223, Л.573.
- ¹¹⁵ <https://search.rsl.ru/ru/record/01006659638> Збоев, Артем Вячеславович. Политика США в отношении Болгарии в 1939-1950 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03
- ¹¹⁶ ЦАМО Ф.902. Оп.1. Д.223. Л.683-685.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.), М. 2008.
- ¹¹⁹ Константин Симонов. Собр. Соч. Т. 9, М. 1983, с. 401- 403.

- ¹²⁰ ЦАМО Ф.1110. Оп.1. Д.99. .267-269.
- ¹²¹ ЦАМО, Ф. 975, Оп. 1, Д. 164, Л.1-5.
- ¹²² ЦАМО Ф.444. Оп.8889. Д.330. Л.1.
- ¹²³ Бирюзов С. С. Суровые годы –М.: Воениздат, 1966. С. 542.
- ¹²⁴ Там же. С. 529-530.
- ¹²⁵ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11.
- ¹²⁶ Н. Пальчиков. Из плеяды стратегов. Красная звезда. 21 октября 2009 года.
- ¹²⁷ ГАРО Ф.3. Оп.5. Д.453. Л.60
- ¹²⁸ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11.
- ¹²⁹ Пер. с нем. Е. Мартысевич. Интернет-ресурс <http://eot.su/node/15381>.
- ¹³⁰ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294.Оп.3. Д.10. Л.6-11.
- ¹³¹ Агарев А.Ф. Преемник Хрущева. Малоизвестные страницы биографии государственного и политического деятеля Ф.Р.Козлова, нашего земляка из Касимовского района Рязанской области. – Рязань: Русское слово. 2011, 344 с.
- ¹³² Там же. С. 250.
- ¹³³ АП РФ Ф.3 Оп.12. Д.1008. Л.35.
- ¹³⁴ АП РФ Ф.3.Оп.47. Д.219.Л.63-64.
- ¹³⁵ Меч России: оружие ракетно-ядерного удара. – Калуга: Манускрипт. 2010. С.61.
- ¹³⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы, Постановления. Т.1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы/ Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С.1029
- ¹³⁷ АП РФ Ф.3. Оп.12, Д.1009. Л.3-4 об.
- ¹³⁸ Военно.-исторический журнал. 1993. №9. Ю.В.ВОТИНЦЕВ Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы, С.26-38.
- ¹³⁹ Военно.-исторический журнал. 1993. №9. Ю.В.ВОТИНЦЕВ Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы С.26-38.
- ¹⁴⁰ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ) Ф.5. Оп.30. Д.311. Л.43.
- ¹⁴¹ РГАНИ Ф.5.Оп.30. Д.276. Л.76-79
- ¹⁴² Маршалы Советского Союза. Личные дела ...www.rulit.me/.../marshaly-sovetskogo-soyuza-lichnye-dela-rasskazyvayut-read-37870.)
- ¹⁴³ Агарев А.Ф. Секретарь обкома Ларионов. Неизвестные штрихи к портрету незаурядной личности. – Рязань: «Русское слово», 2015. С.143.
- ¹⁴⁴ Районный масштаб. №8 август 2004 г.

¹⁴⁵ Воспоминания о Новой Земле - [bourabai.kz bourabai.kz/adushkin/ch1_20.htm](http://bourabai.kz/bourabai.kz/adushkin/ch1_20.htm)

¹⁴⁶ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 декабря 1958 года.

¹⁴⁷ ГАРО Ф.3. Оп. 5. Д.817. Л. 39.

¹⁴⁸ Там же. Л.40.

¹⁴⁹ Агарев А.Ф. Секретарь обкома Ларионов. Неизвестные штрихи к портрету незаурядной личности. – Рязань: «Русское слово», 2015. С.115-116.

¹⁵⁰ ГАРО Ф.3.Оп.5. Д.453. Л.416-417.

¹⁵¹ ГАРО Ф.3.Оп.5. Д.654. Л.1-3.

¹⁵² Рубежи свои храним. История. Очерки. Воспоминания.: историко-публицистическое издание/ под общей ред. Ю.С.Личагина –Рязань. ЗАО «Приз», 2008. 356 с.

¹⁵³ Там же. С.177.

¹⁵⁴ Там же. С.305-306.

¹⁵⁵ Там же. С.315

¹⁵⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы, Постановления. Т.1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы/ Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С.1029

¹⁵⁷ Агарев А.Ф. Секретарь обкома Ларионов. Неизвестные штрихи к портрету незаурядной личности. – Рязань: «Русское слово», 2015. С.136-137.

¹⁵⁸ Притяжение высоты: историко-публицистическое издание. / под общей ред. А.Н.Червякова.- Рязань: ЗАО «Приз» 2008. С.93

¹⁵⁹ Через тернии к звездам. ОАО завод «Красное знамя».-Рязань. 2012 – С.140
ГАРО Ф.3. Оп.5, Д.55. Л.10-12

¹⁶⁰ А.Ф. Агарев . К.-П. Коббе, Р. Гроссер, И.В. Сизова «В небе над Берлином». –Рязань: Русское слово, 2012; А.Ф. Агарев. К.-П. Коббе, Р. Гроссер, И.В. Сизова «На рубеже» Судьба человека в контексте холодной войны. -Рязань: Русское слово, 2013

¹⁶¹ Автобиография С.С. Бирюзова ГАРО Ф.5294. Оп.3. Д.10. Л.6-11.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Дневники Н. Каманина <https://testpilot.ru/espace/bibl/kamanin/kniga1/11-63.html>

¹⁶⁴ Районный масштаб. №8. Август 2004.

¹⁶⁵ Константин Симонов. Собр.соч. Т.9, М. 1983. С. 442.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Трудное детство	9
Трудовая жизнь	14
Урал	17
Коммуна	19
Стать красным командиром... ..	20
Кремлёвская школа	25
Первые шаги краскома	28
Пролетарская дивизия	35
Военная академия имени М. В. Фрунзе	36
В Иркутской дивизии	39
Комдив 132-й стрелковой дивизии	43
Война началась	46
Первое боевое крещение	50
Суровые меры	60
Дивизия несёт большие потери	65
Второе окружение	68
Возвращение в родную дивизию	74
Начальник штаба 48-й армии	84
Фронтные письма маршала С. С. Бирюзова	88
Битва на Волге	91
Донбасская операция	98
Мелитопольская операция	105
Крымская операция	114
Яско-Кишинёвская операция	119
Белградская операция	122
Командарм С. С. Бирюзов	125
Победа	142
Дальний восток	144
Австрия	149
Главком ПВО	154
В борьбе с самолётами-нарушителями	158
Вклад Рязани в укрепление обороноспособности страны	167
Главкомандующий Ракетными войсками стратегического назначения	187
Начальник генерального штаба — первый заместитель министра обороны СССР	189
Отчиной призванный	194

Александр Агарев

РОДИНЫ СОЛДАТ
Маршал С.С. Бирюзов на службе Отечеству

Редактор И. Сизова
Корректор В. Шендалева
Дизайн обложки, компьютерная верстка
М. Коледенкова

На обложке портрет С. С. Бирюзова.
Художник И. Р. Муслимов. Рязань, 1987 г.
В книге использованы фотографии из архивов РИАМЗ, ГАРО,
Скопинского краеведческого музея,
и Музея Боевой Славы имени маршала С.С. Бирюзова
ЦДТ «Приокский»

Автор выражает глубокую благодарность
Антонову Андрею Сергеевичу, Модину Вячеславу Ивановичу
и Хлыстову Андрею Алексеевичу за помощь в издании книги

Подписано в печать 04.06.2018 г. Бумага офсетная. Формат 70x100/16

Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 16,9. Уч.-изд. л. 21,46. Тираж 50 экз.

Заказ № 616.

Отпечатано в ООО «Полиграфия»
390000, г. Рязань, ул. Горького, д. 102Б